

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!
ОТ АВТОРА МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«НАСТОЯЩАЯ КРОВЬ»

ШАРЛИН ХАРРИС

МНОГО ШУМА ИЗ-ЗА
ОДНОГО ПОКОЙНИКА

Шекспира считают великим английским бардом. Но Шекспир — это и название маленького провинциального городка в США, в котором живет Бард. Лили Бард. Молодая женщина, пережившая жуткую личную трагедию и пытающаяся скрыться в тишине американской глубинки. Она зарабатывает на жизнь уборкой квартир и офисов, а накопившееся в душе недовольство выплескивает, занимаясь карате. Ей не хочется привлекать к себе внимание. Но она будет вовлечена в череду событий, достойных пера знаменитого драматурга. Однажды ночью, страдая от бессонницы, Лили вышла в парк подышать свежим воздухом и наткнулась на спрятанное там мертвое тело. Эта находка порождает череду удивительных событий, заставляющих Лили начать собственное расследование. Она не может понять, почему так много шума из-за одного покойника. Впервые на русском языке! От автора знаменитейшей серии о вампирах Настоящая кровь .

Шарлин Харрис

МНОГО ШУМА ИЗ-ЗА ОДНОГО ПОКОЙНИКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я сконцентрировалась, прочно стоя босыми ступнями на деревянном полу и напрягая бедренные мышцы для удара. Сместив вес тела влево и постепенно раскручиваясь на подушечках пальцев, я выбросила вперед согнутую в колене правую ногу. Поразив пяткой цель, я мгновенно отдернула ногу, и подвешенная к потолку черная боксерская груша заколебалась на цепочке.

Затем, коснувшись пола правой ногой, я снова слегка прокрутилась на пальцах, развернувшись всем корпусом к цели. Теперь в ход пошла левая ступня, нанеся по груше более продолжительный, мощный и разящий майе-гэри. [\[1\]](#) Я не прекращала тренироваться, вращаясь вокруг своей оси, чередуя боковые и фронтальные атаки, уделяя особое внимание недостаточно сильным у меня обратным ударам. Мое дыхание становилось все более интенсивным, но ни разу не сбилось с ритма: резкий выдох при броске и глубокий вдох при отводе.

Груша беспорядочно болталась и раскачивалась на цепочке, требуя от меня постоянной концентрации внимания, чтобы не скиксовать при очередном ударе. Я начала уставать. В завершение я лягнула грушу ведущей правой ногой, вложив в удар весь оставшийся ресурс сил, увернулась от противохода, применила сейкен и поразила грушу фалангами пальцев, вытянув руку вместе с плечом в одну плавную линию.

Окончив тренировку, я привычно поклонилась, словно вступала в спарринг с настоящим партнером, и покачала головой, осуждая себя за глупость. Сняв полотенце с крючка рядом с дверной ручкой, где оно висело всегда, я промокнула лицо, раздумывая, достаточно ли мне на сегодня упражнений. Если я сейчас приму душ и лягу в постель, то смогу ли наконец заснуть? Что ж, попробовать стоит...

Я вымыла волосы, намылилась и ополоснулась — всё за пять минут. Вытершись насухо, я нанесла на волосы мусс и взбила их с помощью пальцев и кончика расчески. Я нарочно обернулась полотенцем, чтобы не видеть в зеркале свою грудь. Ныне я блондинка с короткой стрижкой. У меня мало прихотей, но время от времени я балую себя посещением «Терра Эннз», одного из моднейших парикмахерских салонов в Шекспире. Там я стригусь, подкрашиваю волосы и делаю перманент. В «Терра Эннз» я порой встречаю кое-кого из своих нанимателей — они в таких случаях теряются, не зная, что мне сказать. Многие культуристы считают интенсивный загар частью своего образа, моя же кожа бледна: так на ней меньше выделяются шрамы. Зато я не терплю лишних волос: мои брови идеально выровнены, а голени и подмышки выбриты гладко, словно попка младенца.

Когда-то давно, много лет назад, я считала себя очень хорошенькой. У нас с сестрой Вареной установилось соперничество. Помнится, я гордилась, что глаза у меня больше и голубее, носик прямее и тоньше, а губки пухлее, чем у нее. Зато у сестры был прекрасный подбородок, аккуратный, четко обрисованный, не чета моему, округлому. Варену я не видела уже около трех лет. Возможно, она красива и по сей день. Пусть мое лицо и не изменилось, зато сознание стало другим. Мыслительная работа отражается на физиономии и видоизменяет ее. Иногда выдается утро — после особенно скверной ночи, — когда я гляжусь в зеркало и не узнаю отраженную в нем чужую женщину.

Сегодняшний вечер обещал именно такую прескверную ночь, хотя мне и в голову не приходило, насколько худо все может обернуться. Одно я могла сказать с уверенностью:

ложиться в постель мне совершенно не хотелось и до зуда в ногах не терпелось пройтись.

Я снова оделась. Пропитанный потом тренировочный костюм я бросила в корзину для белья, взамен натянула джинсы и футболку, заправила ее и перепоясалась ремнем, продев его в шлевки. Волосы у меня лишь слегка увлажнились, и фен помог поправить дело. Сверху я накинула темную ветровку.

Главная дверь, кухонная или черный ход? Бывает, что перед вечерней прогулкой я задумываюсь, откуда выйти.

Все же через черный... Хотя я регулярно смазываю все мои двери так, что они открываются и закрываются практически бесшумно, задняя считается самой тихой. Она расположена прямо напротив главного входа, придавая моему жилищу вид анфилады. От черного хода просматривается коридор и гостиная, занимающая всю ширину фасада, поэтому даже оттуда я могу проверить, заперта ли входная дверь.

Конечно, заперта: я никогда не пренебрегаю мерами предосторожности. Уходя, я закрыла и заднюю дверь, провернула ключ во врезном замке и засунула его поглубже в передний карман джинсов, откуда он точно не вывалится.

С минуту я постояла на крохотном заднем крыльце, с наслаждением вдыхая слабый аромат свежих листочков на молодых розовых побегах. Ветвистые розы уже наполовину оплели шпалеры, которые я сама соорудила, чтобы крылечко смотрелось симпатичнее. Они, конечно, помешают мне вовремя заметить появление чужака, но уже через месяц раскроются первые бутоны, не оставив мне места для сожалений. Розы я люблю с детства. Тогда мы жили в небольшом городишке, у нас был обширный участок, и розы заполняли весь задний дворик.

Садик моего детства впятеро, если не больше, превосходил нынешний, в котором футов двадцать от силы. Он резко заканчивается у крутого откоса, сбегаящего к железнодорожным путям. Склон порос сорняками, но иногда по нему проходят косцы от муниципалитета и пытаются не давать им воли.

Если встать лицом к железной дороге, то слева возвышается деревянный забор, ограничивающий частную территорию так называемых Садовых квартир Шекспира. Он расположен чуть выше уровня моего дома. Справа и немного вниз находится задний дворик столь же скромных размеров, что и мой. Он составляет часть территории единственного другого дома по той же улице — точной копии моего собственного. Снимает этот дом бухгалтер по имени Карлтон Кокрофт.

Свет у Карлтона был потушен, что неудивительно для такого позднего времени суток. В жилом доме по соседству окно светилось только у Дидры Дин, но едва я подняла глаза, как и оно погасло.

Час ночи. Я тихо сошла с крылечка, почти беззвучно ступая мягкими подошвами по траве, и, невидимая, начала прогулку по улицам Шекспира. Ночь была глуха и темна — ни ветерка, только в холодном небе сиял лунный серпик. Я едва могла разглядеть саму себя и была рада этому.

Через полтора часа я утомилась достаточно, чтобы уснуть, и двинулась в сторону дома. Я больше не стремилась скрываться, сказать по правде, шла как вздумается. Я ступила на тротуар, окаймлявший дендрарий — слишком вычурное название для запущенного парка с редкими табличками на отдельных деревьях и кустарниках. Дендрарий «Эстес» занимает в Шекспире целый квартал, явно непригодный для жилого строительства. Его ограничивают

четыре разные улицы. Моя, под названием Трэк, пролегает с восточной стороны парка и не выходит за пределы одного квартала. Именно поэтому на ней мало машин, и каждое утро, выглядывая в окно гостиной, я вижу не чей-нибудь гараж, а радующие глаз деревья.

Пройдя по расположенной с юга Лэтем-стрит, я свернула на Трэк-стрит. Мне предстояло миновать заброшенный участок подлеска, примыкавший с южной стороны к дому Карлтона Кокрофта. На всякий случай я постаралась поскорее обогнуть едва освещенный угол дендрария. На каждом из них выставлено всего по одному фонарю. Бюджет Шекспира не позволяет освещать парк по периметру, особенно в этом, удаленном от центра, квартале.

На протяжении всей прогулки я не встретила ни души, но неожиданно меня посетило ощущение чьего-то близкого присутствия. На другой стороне улицы в темноте кто-то шевелился.

Я инстинктивно отступила в тень раскидистого дуба, росшего на самой границе парка. Его ветви нависали прямо над тротуаром. Человек, находящийся на той стороне улицы, вряд ли разглядел бы меня под их прикрытием. Мое сердце колотилось как сумасшедшее.

«Какая же ты крутая! — высмеяла я себя. — Что подумал бы Маршалл, увидев тебя сейчас?» Впрочем, мне хватило мгновения, чтобы опомниться, и я решила, что Маршалл, пожалуй, подумал бы, что я поступаю разумно.

Я осторожно выглянула из-за толстого ствола. В середине улицы — там, где находился неизвестный, — тьма казалась почти кромешной. Я не могла даже с уверенностью сказать, был ли это мужчина или женщина. В голове вдруг промелькнуло неприятное воспоминание о фразе, которой моя бабушка неосознанно приводила в замешательство всю нашу семью: «Чернее, чем беззубый негр в угольной шахте». Или же наоборот, ее довольный вид от этой заезженной остроты был вызван откровенно страдальческими взглядами, которыми обменивались мои родители.

Моя воинственная бабуля не преминула бы теперь выбежать на середину улицы и поинтересоваться, кому там что понадобилось. При этом ей даже в голову не пришло бы задуматься о собственной безопасности.

Но мне-то лучше знать...

Тот человек толкал перед собой какое-то сооружение на колесиках. Усиленно выглядываясь в темноту, я пыталась припомнить, встречались ли мне хоть когда-нибудь люди на этой улице во время моих бессонных блужданий по городу. Да, по пути попадались редкие машины жителей или гостей жилого дома по соседству, но за последние четыре года мне ни разу не пришлось столкнуться с прохожим — по крайней мере, в моем районе.

Бывают, конечно, скверные ночи, когда я, как лунатик, добредаю до центра — там иное дело. Но здесь и сейчас я усмотрела явный повод для беспокойства. В этом странном инциденте чувствовалась некая вороватость. Незнакомец, мой компаньон по бессонной ночи, толкал перед собой то, что на поверку оказалось двухколесной тележкой. Более широкая ее сторона была снабжена ручкой и подпорками, так что, когда ставишь тележку, она не заваливается и не опрокидывается. В ней как раз хватало места для двух мусорных баков на тридцать галлонов.

Кулаки у меня сжались сами собой. Даже в темноте я узнала тележку. Она принадлежала мне. Я купила ее на дворовой распродаже у семьи, которая собиралась переезжать. Хозяин дома сам смастерил эту штуку.

Тележка была доверху нагружена кладью в темной пластиковой упаковке. Точно такую

же расстилают на грядках, чтобы не давать расти сорнякам. Гладкая поверхность груза в тележке слабо отсвечивала в темноте.

Я почувствовала приступ давно забытой ярости. Здесь творилось какое-то беззаконие, и похититель тележки вознамерился вовлечь в него и меня. Покой, который я с таким трудом создала для себя, теперь трещал по швам без моего малейшего участия. Я не могла открыто выступить против вора. Это не имело смысла. Он — или она, — возможно, был вооружен и как раз хотел что-то припрятать.

Поэтому я, стиснув зубы, просто продолжала наблюдать и выжидать.

Незнакомец с тяжело груженной тележкой протарахтел по неровному асфальту захолустной Трэк-стрит. О тяжести груза я могла судить по напряженно склоненному корпусу грабителя. Впечатление создавалось абсолютно зловещее. Почувствовав, что меня всю колотит, я свела полы ветровки и потихоньку застегнула ее на молнию. Затем я как можно незаметнее достала из кармана тонкий темный шарфик и повязала им голову, прикрыв светлые волосы. Тем временем я ни на шаг не отставала от своей тележки, которую с трудом тащил похититель. Злоумышленник направлялся к парку, и мои губы сами собой скривились в усмешке при виде его попыток перетащить тачку с проезжей части на тротуар. Эту улицу асфальтировали давным-давно, и тогда еще никто не думал об удобствах тех, кто передвигался в инвалидных колясках.

Наконец вору удалось взгромоздить тачку на тротуар, громынув ею о поребрик. Там незнакомец снова подхватил ее и с удвоенным проворством устремился вперед. Он выбрал одну из узких мощеных дорожек дендрария и покатил свою кладь в темноту. Я начала отсчитывать время по секундам. Минуты через три человек возвратился с тележкой, но уже с пустой.

Мой гнев пусть и ненадолго, но уступил место любопытству. Я видела, как вор, прокатив тележку по моей подъездной дорожке, с трудом пропихнул ее в узкий зазор между машиной и стеной навеса, затем снова появился из-за тыльной стороны моего дома. Он быстро прошагал по подъездной дорожке, обогнул край забора и по южной аллейке направился к жилому зданию. Вор обошел его кругом. Он — или она — собирался войти внутрь через бесшумную заднюю дверь, а не скрипучую переднюю. На такие вещи у меня память хорошая: в двери этого дома я вхожу и выхожу достаточно часто.

Разумеется, с другой стороны здания неизвестный так и не появился. Это был кто-то из жильцов или запоздалый гость кого-то из них. Поскольку среди прочих здесь проживают четыре одиноких мужчины и незамужняя женщина, ночные визитеры в доме — не редкость.

Еще несколько секунд я жалась к стволу дуба, ожидая, что где-нибудь в доме зажжется свет. Со своего места я видела боковые окна южной стороны и фасада, но все они оставались темными. Кто-то проявил супербдительность.

Что ж, мне она тоже не помешает. Я отмерила по электронным часам еще пять минут и лишь потом тронулась с места. Я углубилась в парк, не выбирая тропинок и передвигаясь по возможности бесшумно. Мне не нужно было искать, где выйти на ту самую аллейку. Схема разбивки дендрария была изучена мною так же хорошо, как планировка собственного дома, недаром я долгими часами бродила ночью по Шекспиру.

В чаще дендрария было так темно, что я усомнилась, удастся ли мне найти выгруженную воров кладь. Если бы я не задела штаниной пластиковую обертку, издавшую от прикосновения характерный сухой шелест, то, наверное, еще битый час рыскала бы вдоль тропинки. Но, едва услышав шуршание, я тут же встала на четвереньки и принялась шарить

вкруг себя.

Вскоре я обнаружила, что пластиковая упаковка не была цельной, а состояла из двух вместительных мусорных пакетов, внахлест натянутых с обоих концов на нечто непонятное поверх другой, широкой и мягкой обертки, опоясывавшей все это посредине. Я потыкала в сверток — под мягким слоем угадывалось что-то твердое, неровное, до ужаса напоминавшее ребра.

Я закусила нижнюю губу, чтобы ненароком не вскрикнуть, и некоторое время молча боролась с всепоглощающим желанием вскочить и бежать куда подальше. Однако несколько глубоких вдохов помогли мне преодолеть себя. Я укрепилась в мысли, что осуществить необходимое мне все равно придется, но не могла решиться действовать в кромешной тьме.

В кармане ветровки я нащупала узкий легкий цилиндр. Этот мощный точечный фонарик сразу приглянулся мне в «Уол-март». ^[2] Не вставая с корточек, я немного переместилась, заслонив собой то, что лежало на земле, от окон жилого здания, и лишь тогда включила фонарик.

Я даже рассердилась на себя, заметив дрожь в руке, которой отодвигала края пластиковых мешков. Я развела их примерно дюйма на четыре и замерла, увидев перед собой порядком застиранную, разорванную мужскую рубашку в оранжево-зеленую клетку. Ее нагрудный карман, очевидно, где-то за что-то зацепился, поскольку отошел по шву, а один клочок был даже выхвачен, как говорится, с мясом. Рубашку я сразу узнала, хотя в последний раз, когда она попадалась мне на глаза, никаких повреждений на ней не было и в помине.

Я еще немного задрала мешок, обнаружила руку и пальцами нащупала запястье — то место, где чувствуется пульс. Промозглой ночью я сидела на корточках посреди запущенного парка в Шекспире, держа за руку мертвеца. На пластиковых мешках в избытке остались мои отпечатки.

Через сорок минут я уже сидела в своей спальне. Наконец-то я чертовски устала. Я успела стащить с трупа мешки, установила личность умершего и полную невозвратимость его к жизни: ни дыхания, ни сердцебиения. Затем я выбралась из парковой гущи, зная, что оставляю за собой следы, но избежать этого было не в моих силах. Мне ни за что не удалось бы уничтожить улики своего вторжения в дендрарий, и на обратном пути, по моему разумению, их тоже сохранилось предостаточно.

Я выбралась из кустов на Лэтем-стрит и перешла ее в том месте, где меня не заметили бы из окон квартир. Перебираясь от одного укрытия к другому, я обогнула дом Карлтона Кокрофта, бесшумно миновала его дворик и оказалась в собственном.

Я обнаружила, что вор вернул тележку на прежнее место и даже загрузил в нее мусорные бачки, но перепутал их. Синий всегда стоял у меня справа, а коричневый — слева. Похититель же поменял их местами.

Я отомкнула черный ход и вошла в дом, не зажигая света, открыла в кухне нужный ящичек и достала оттуда две эластичные резинки. Затем я вернулась к тележке, вынула из бачков уже полные мусорные мешки и перетянула их резинками. Внутри бачков я поместила те, которые прикрывали труп, а в них вставила прежние, и внешнюю пару снова завязала. Пришлось признать, что среди ночи невозможно дотошно осмотреть поддон тележки, а вкатить ее в дом тоже было нельзя. Это наделало бы лишнего шума. Оставалось лишь ждать до утра.

Итак, я предприняла все возможные меры по уничтожению следов моего невольного соучастия. Вероятно, теперь я со спокойной душой могла бы отправиться в постель, но вдруг поймала себя на нервном пощипывании губ. Это подавало голос мое буржуазное воспитание. Оно громко и упрямо заявляло о себе в самых неожиданных и неподходящих случаях. Бренные останки знакомого мне человека одиноко лежали во тьме парка, и я не могла с этим смириться.

Но звонить в полицейский участок было тоже нежелательно. Возможно, все входящие звонки записываются или каким-либо образом проверяются даже в таком городишке, как Шекспир. Может, просто забыть обо всем — и с плеч долой? Все равно утром кто-нибудь его найдет... А вдруг это будут ребяташки с Лэтем-стрит?

Наконец я придумала, кому следует позвонить. Некоторое время я еще колебалась, так и этак переплетая пальцы и кожей на затылке ощущая бессмысленность подобных манипуляций.

«Давай же, кончай скорее!» — подхлестнула я себя.

Я снова вынула фонарик и в его тусклом луче принялась листать миниатюрный телефонный справочник Шекспира. Затем я набрала нужный номер, выждала три гудка и услышала сонный мужской голос:

— Клод Фридрих.

— Послушайте, — начала я, сама удивилась, до чего резко и хрипло это у меня вышло, и замолчала.

— Да?..

Кажется, он окончательно проснулся.

— В парке, через улицу от вашего дома, лежит мертвый человек, — сказала я и повесила трубку.

Через коридор я прокралась в тренировочную комнату, где висела боксерская груша. В окно было видно, что в квартире Клода Фридриха на третьем этаже, по соседству с Дидрой Дин, зажегся свет.

Вот теперь я и вправду выполнила все, что от меня зависело. С приятным ощущением сброшенного груза ответственности я стянула с себя одежду и облачилась в ночную сорочку. По улице протарахтела машина. Я на цыпочках перешла в темную гостиную и поглядела в окно. Фридрих не счел мой звонок баловством. Он стоял у дома, одетый явно наспех, и разговаривал с одним из патрульных полицейских. Это был Том Дэвид Миклджон. Я пронаблюдала, как они вместе углубились в парк по той же тропинке, по которой недавно катил мою тележку вор. Оба освещали себе дорогу сверхсильными фонарями.

«Инцидент исчерпан», — решила я, вернулась в спальню и скользнула в свою широкую кровать, на свежие простыни.

Едва устроив голову на подушке, я мгновенно — наконец-то! — заснула.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наступил вторник. Утром по этим дням я навещаю миссис Хофстеттлер. Ее сын Чак живет в Мемфисе. Он, конечно, заботится о матери, но не настолько, чтобы часто наезжать в Шекспир. Вот почему Чак щедро оплачивает мне визиты, которые я наношу Мэри Хофстеттлер дважды в неделю.

Каждый раз я немного прибираюсь в ее квартире, стираю и сушу белье в машинке, а иногда, когда у миссис Хофстеттлер выдается, по ее собственному выражению, гибкий день, доставляю ее в гости к подруге, в «Кей-март» ^[3] или в «Крогер». ^[4]

От своего домика я дошагала до жилого здания, вошла через скрипучую переднюю дверь и легонько постучала в первую квартиру налево, давая знать миссис Хофстеттлер о своем прибытии. У меня был свой ключ. Миссис Хофстеттлер уже встала — добрый знак. В плохие, жесткие дни я вхожу и застаю ее еще в постели.

— Я совершенно не спала сегодня ночью! — выдала она мне вместо приветствия.

Миссис Хофстеттлер восемьдесят пять лет, она такая же сморщенная, как сушеный абрикос. Волосики у нее совсем белые, шелковистые. Она убирает их в неряшливый пучок на затылке. Я прекрасно понимаю, каких мучений стоит престарелой леди просто поднять руки, чтобы соорудить эту прическу. Однажды по недомыслию я предложила миссис Хофстеттлер коротко подстричься, за что удостоилась получасового презрительного молчания.

Сегодня вставные челюсти миссис Хофстеттлер были уже на месте, она даже успела надеть халатик в красно-синюю полоску. Стало быть, беспокойство пошло ей только на пользу.

— Я видела, что тропинка в парк затянута кордонной лентой, — заметила я как можно безучастнее.

Любой коренной обитатель Шекспира зовет дендрарий «Эстес» не иначе как парком. После четырех лет жизни здесь я склонна считать себя одной из местных.

— Разве ты не слышала, какой там был переполох, дитя мое?

— Нет, — честно ответила я. — Очень крепко спала этой ночью.

По коридору я прошла в спальню миссис Хофстеттлер, чтобы забрать из корзины белье для стирки.

— Поразительный у тебя сон! — крикнула она мне вдогонку. — Дорогая моя, на нашу улицу понаехало столько полицейских машин, какие-то люди сновали туда-сюда. Даже вызывали неотложку!

— Жаль, что я ничего об этом не знаю и не могу поделиться с вами, — ответила я, стараясь выразить искреннее огорчение.

Я не люблю болтать с клиентами, но миссис Хофстеттлер воистину меня восхищает. Она никогда не хнычет и не пристаёт с разговорами.

— Давай тогда включим радио, — предложила неунывающая старушка. — Может быть, там объявят, что случилось. Если же нет, я позвоню Дидре в суд. Она всегда в курсе всех дел.

Я включила стиральную машину. Все восемь квартир в доме, разумеется, спланированы совершенно одинаково, так что восточные зеркала отображают западные. Четыре из них расположены на первом этаже, столько же — на втором. Главный и черный ход в одиннадцать часов вечера запирают, и это подразумевает, что жильцы не дают ключи кому

попало.

Квартира миссис Хофстеттлер находится на первом этаже с северной стороны. Мэри живет здесь уже десять лет, со дня сдачи дома. Из первопоселенцев остались только она да Пардон Элби. В ее квартире, как и во всех прочих, из прихожей попадаешь сразу в гостиную со сдвинутой в глубину столовой зоной. По другую сторону от нее расположена, конечно же, кухня, для многоквартирного дома совсем неплохо оснащенная разнообразными столешницами и шкафчиками. Там, где заканчивается кухонно-столовое пространство, начинается коридор. По его правую сторону у Мэри есть кладовка, где стоят стиральная машина и сушильная камера, а на стенных стеллажах хранятся стопы постельного белья, моющие средства и прочие полезные мелочи. Практически напротив кладовки — хозяйская спальня, между прочим, приличная по величине, с просторным встроенным шкафом. Гостиная спальня, более скромных размеров, соседствует с хозяйственным помещением, а в самом конце коридора находится ванная с большим окном из матового стекла. Предполагается, что это запасной выход на случай пожара.

Мне всегда нравилось, что главный вход в квартиру спроектирован не по центру, поэтому, когда хозяин открывает гостю, тот не имеет возможности через весь коридор видеть то, что творится в ванной.

Проектировщик и нынешний владелец дома Пардон Элби, сдающий жилье внаем, беззастенчиво окрестил его Садовыми квартирами Шекспира, поскольку окна тех, что по фасаду, действительно выходят на дендрарий. В окна помещений первого этажа, расположенных с тыла, виден только заасфальтированный участок между зданием и гаражом. Он разделен на восемь боксов, недостаточных по ширине даже для двух машин. Жильцы второго этажа по той же стороне могут лицезреть железнодорожные пути, за которыми простирается склад магазина скобяных и строительных товаров.

Включив радио для миссис Хофстеттлер, я начала протирать пыль в ее спальне. Хозяйка сделала звук погромче, чтобы я тоже могла послушать новости. Впрочем, сначала она добросовестно обсудила со мной, не причинит ли беспокойства соседям, и пришла к выводу, что никто из них не пострадает. Ведь живущие по соседству Т. Л. и Элва Йорк уже, вероятно, отправились на обычную утреннюю прогулку, а обитающий наверху Норвел Уитбред успел уйти на работу или выпить, а может, то и другое вместе.

Местная радиостанция, вещание которой охватывает большую часть территории округов Хартсфилд и Крик, передает, что называется, классический рок. Подборка композиций программируется предварительно. Первой прозвучала песня, которая мне очень нравилась когда-то, еще до той поры, когда моя жизненная программа вдруг так... упростилась. С особой осторожностью протирая старинные фарфоровые статуэтки и вновь расставляя их на туалетном столике, я улыбалась сама себе.

Песня закончилась, я взглянула на часы, и именно в этот момент дикторша начала обзор местных новостей. Ее южный арканзасский акцент резанул мне по ушам. Даже через четыре года, проведенных в Шекспире, я все еще не без труда воспринимаю на слух чужую речь.

— «В эфире ме-эстные но-авасти, — гнусавила дикторша делано серьезным голосом. — В округе Хартсфилд, на территории дендрария „Эстес“ был обнаружен труп домовладельца Пардона Элби. Это произошло примерно в полтретьего ночи, после анонимного звонка, поступившего шефу полиции Клоду Фридриху. Причина смерти пока точно не установлена, но полиция склоняется к ее насильственному характеру. Элби всю свою жизнь прожил в Шекспире и состоял членом городской объединенной церкви. К другим новостям. В округе

Крик суд приговорил Харли Дона Мюррелла, виновного в похищении и изнасиловании местной жительницы, к двадцати годам лишения свободы...»

— Нет! — воскликнула с неподдельным расстройством миссис Хофстеттлер.

Я аккуратно поставила на столик вытертую фарфоровую пастушку и поспешила в гостиную.

— Лили, это чудовищно! Ах, Лили, подумать только — его убили и ограбили прямо здесь! Но теперь, когда Пардона Элби больше нет, кому мы будем вносить плату за жилье? Кто станет владельцем дома?

Я машинально протянула хозяйке бумажную салфетку, размышляя об ее редкой способности сразу зреть в корень. Действительно, кто теперь владеет домом? Прошедшей ночью, узнав Пардона Элби по его безвкусной рубашке в оранжево-зеленую клетку, я обдумывала совершенно иные вещи.

Ответ на этот вопрос не затрагивал меня непосредственно. Свой дом я у Пардона выкупила, как поступил и мой сосед. Элби также успел распродать участки земли в северной оконечности Трэк-стрит и за углом по соседству, по Джамайка-стрит. Их в свое время приобрела Объединенная церковь Шекспира — коалиция разношерстных религиозных сообществ, дела которой неожиданно пошли в гору. Насколько мне известно, единственной неприкосновенной собственностью Пардона оставались пресловутые Садовые квартиры, и он полноправно наслаждался такой привилегией. Прямо сказать, Пардон с удовольствием присвоил себе роль ключевого персонажа мыльной оперы — этакий добродушный хозяин, помогающий своим жильцам решать любые проблемы и поверенный их самых сокровенных тайн. Да уж, насчет этого он проявлял редкостную предприимчивость.

— Мне надо позвонить. Лили, как хорошо, что ты пришла сегодня!

Я еще ни разу не видела миссис Хофстеттлер такой обескураженной, а ведь недавно она две недели подряд изливала желчь на церковного служку епископальной церкви Святого Стефана из-за того, что тот неправильно зажег свечу во время рождественского поста.

— Кому вы хотите позвонить? — спросила я, откладывая тряпку для протирки пыли.

— В полицию. Пардон вчера приходил ко мне. Ты же знаешь, было первое число... В конце месяца сын присылает мне чек, и я сразу перевожу его на депозит, а первого числа, как по часам, ко мне является мистер Элби. В такой день я всегда жду его и заранее кладу квитанцию на стол, а он каждый раз... Да, я думаю, надо предупредить полицию, что он вчера заходил!

— Я сейчас наберу номер.

Я надеялась, что телефонный разговор немного умерит возбуждение моей работодательницы, но, к моему удивлению и смятению, диспетчер в полицейском участке сообщила мне, что к миссис Хофстеттлер сейчас подъедут, чтобы выслушать ее рассказ.

— Лили, будь добра, не сваришь ли кофе? — попросила старушка. — Может быть, полисмен не откажется выпить чашечку. Ох, но что же случилось с Пардоном? Просто в голове не укладывается. Еще вчера он стоял на этом самом месте — и вот теперь умер! А ведь Элби лет на двадцать пять моложе меня! Лили, еще подними лоскуток вон там и поправь думочку на диване. Эх, ноги одряхтели, ни черта не гнутся! Ты не можешь себе представить, Лили, какая это доука — старость!

Поскольку подходящей реплики на эти слова просто не существовало, я быстренько придала комнате надлежащий вид. Кофе уже закипал, все в квартире сияло чистотой, и я даже успела наскоро протереть в ванной, как в дверь позвонили. Я в этот момент доставала

чистое белье из сушилки, но Мэри, по-видимому, заразила меня своей безупречной домовитостью. Поэтому я поспешно отнесла всю охапку в гостевую спальню, прикрыла дверь в кладовку, чтобы стиральная и сушильная машины не попались гостю на глаза, и только после этого пошла открывать.

Я все же ожидала прихода какого-нибудь младшего чина, поэтому появление начальника полиции собственной персоной вызвало у меня приступ беспокойства. Это ему, Клоду Фридриху, я звонила среди ночи.

Я посторонилась, жестом приглашая его войти и мысленно проклиная себя за чрезмерную совестливость. Я опасалась, как бы мой голос не натолкнул его на мысль о том, кто именно звонил.

Я впервые так близко столкнулась с Клодом Фридрихом, хотя, конечно, не раз видела, как он отъезжал или подъезжал по аллее, ведущей к дому, и неоднократно встречала его в общем коридоре, когда приходила сюда на работу.

Шефу полиции было уже под пятьдесят. Роста он немало, очень загорелый, с русыми волосами. В его усах проглядывает проседь, но серые глаза так и сияют на выдубленном лице. У него совсем немного морщин, зато глубоких, словно прочерченных резцом. На широкоскулом лице выделяется квадратный подбородок. Руки у Клода Фридриха большие, плечи могучие, а живот подтянутый. Пистолет на его бедре смотрится вполне естественно. От одного вида синей полицейской формы у меня пересохло во рту и что-то внутри мучительно и тревожно сжалось.

«Тоже мне, мачо», — с досадой подумала я. Будто услышав мои мысли, Фридрих круто развернулся и всмотрелся в мое лицо с вздернутыми бровями и сардонически приподнятым уголком рта. Долгий момент мы настороженно глядели друг на друга.

— Миссис Хофстеттлер!.. — наконец вежливо поздоровался он, переводя взгляд на мою нанимательницу, терзавшую в руках носовой платочек.

— Спасибо, что защи, хотя может оказаться, что и без пользы, — разом выдохнула миссис Хофстеттлер. — Мне бы вовсе не хотелось беспокоить вас по пустякам. Садитесь, прошу вас. — Она указала на цветную софу, с которой одинаково хорошо был виден телеэкран и любимое кресло хозяйки с откидной спинкой.

— Благодарю, мэм. Прийти к вам — вовсе не беспокойство для меня, — заверил старушку Фридрих.

Ему-то не уметь утешать людей!

Он опустился на софу с таким явным удовольствием, словно долго стоял и чертовски утомился. Я отлучилась на кухню, где за разделочным столом был прорезан в стене люк, открыла его и поставила кофейник прямо за спиной гостя. Это послужило миссис Хофстеттлер напоминанием о том, что пора успокоиться и возвратиться к своей роли хозяйки.

— Я забыла об учтивости, — укорила она себя, обратив на Фридриха кроткий взгляд выцветших голубых глаз. — Отведайте кофе, пожалуйста. Вам положить сахару и сливок?

— Спасибо, — ответил тот. — От кофе не откажусь. Черный, если можно.

— Лили, будь добра, подай шефу Фридриху черный кофе. Сама я вряд ли буду. Ты тоже налей себе чашечку и приходи к нам. Кажется, молодой человек, ваш отец был мне знаком. — Она пустилась в неизбежное распутывание клубка взаимоотношений, придающее встречам южан хоть и растянутый, но такой уютный характер.

Зная, чем польстить миссис Хофстеттлер, я устелила поднос салфетками, поставила на

него блюдо с выпечкой — это тайная прихоть старушки Мэри: она обожает «Киблер эльфов» — печенье с шоколадной начинкой — и две внушительные кофейные чашки. Я сервировала поднос и заодно слушала, как Фридрих рассказывает Мэри о своей прежней жизни в Литл-Роке в бытность его там офицером полиции. Он решил вернуться в Шекспир после череды быстро сменивших друг друга событий: смерти отца, развода с женой и освободившейся здесь вакансии начальника полиции. Клод с радостью заново погрузился в тихую размеренность немногочисленного городка.

Свой человек, оказывается. Веером раскладывая треугольнички сложенных салфеток на ярко раскрашенном жестяном подносе, я поняла, что не могу избавиться от тревожного чувства. В самом деле, сколько можно безнаказанно молчать, прежде чем это покажется кому-то откровенно подозрительным? С другой стороны, он ведь спал, когда я позвонила. К тому же я и сказала-то ему всего пару слов — может, он и не узнает меня по голосу?..

Я легко подхватила поднос, принесла его в гостиную и подала Фридриху чашку с кофе. Стоя к нему совсем близко, я убедилась, что он и вправду настоящий великан.

— Простите, мы вроде бы не знакомы? — деликатно поинтересовался Клод, когда я уселась на краешек деревянного стула напротив него.

— Ах, это моя вина! — удрученно воскликнула миссис Хофстеттлер и покачала головой. — Из-за таких ужасных вестей я растеряла все хорошие манеры! Шеф Фридрих, это мисс Лили Бард. Она занимает домик по соседству с нашим. С тех пор как Лили переехала в Шекспир, она для всех настоящая опора!

Миссис Хофстеттлер, как водится, не упустила случай выступить свахой — этого следовало ожидать.

— Я, конечно же, не раз замечал вас здесь, — сказал верзила Фридрих, тонко намекнув, что ни один мужчина не оставит меня без внимания.

— Я убираю квартиру Дидры Дин, — коротко пояснила я.

— Вы вчера тоже работали в этом здании?

— Да.

Он ждал, что я продолжу, но зря.

— В таком случае побеседуем попозже, когда вы освободитесь, — обратился Клод ко мне так мягко, словно я была столетняя развалина или умалишенная.

Я отрывисто кивнула и пояснила:

— У меня перерыв с четырех до полшестого.

— Я зайду к вам домой, — заявил Фридрих и, не дав мне возможности согласиться или возразить, сосредоточил внимание светло-серых глаз на хозяйке: — А теперь расскажите мне, как вы повидались вчера с мистером Элби.

— Ага, — протянула миссис Хофстеттлер, собираясь с мыслями и демонстрируя некое нездоровое удовольствие от этого процесса. — Пардон всегда приходит ко мне первого числа, около девяти утра... за арендной платой. Я знаю, что других жильцов он просит приносить квитанции к нему домой, но ко мне заходит сам. Ведь у меня бывают хорошие и плохие дни. До тех пор пока утром не открою глаза, я не могу предсказать, какой из них выпадет.

Она покачала головой, как бы осуждая болезни и возраст за их превратности, и Фридрих в ответ сочувственно похмыкал.

— Он позвонил в дверь, и я открыла, — рассказывала миссис Хофстеттлер, целиком сконцентрировавшись на своем повествовании. — На нем была рубашка в оранжево-зеленую

«шотландку» и темно-зеленые брюки из полиэстера. Неважное сочетание цветов хоть для кого, но для блондинов и вовсе!.. Впрочем, это тут ни при чем. Особенно если мужчина — здоровяк. Так вот, он что-то сказал о погоде, и я ответила. В общем, те слова, что обычно говорят пожилым женщинам, которых едва знают.

Клод Фридрих тонко улыбнулся проницательности собеседницы, отхлебнул кофе и молчаливо выказал мне свое одобрение, выразительно приподняв чашку.

— Говорил ли он о своих планах на день? — пророкотал шеф полиции.

Его голос напоминал отдаленные раскаты грома. Это здорово придавало надежности данному персонажу.

Впрочем, мне следовало обострить бдительность. Я уставилась в свою чашку и была ужасно сердита на себя за то, что впуталась в историю с убийством Пардона Элби. Мне живо представилось, как я швыряю чашку и кофе растекается по белейшей стене гостиной миссис Хофстеттлер. Конечно, я так не поступила бы. Мэри не повинна в моих заморочках. Я тайком вздохнула, подняла глаза и наткнулась на внимательный взгляд Клода Фридриха. Вот черт!

— Он только упомянул, что сразу пойдет домой и будет ждать, пока все принесут ему квитки. Вы же сами живете здесь, мистер Фридрих, и знаете, что Пардон требовал оплаты точно в срок. Он еще говорил, что в новостях передавали что-то интересное.

— В местных или в федеральных? — спокойно осведомился Фридрих.

Я обратила внимание, что он не вторгается в поток сознания хозяйки, а, скорее, время от времени направляет его осторожными намеками. Действовал он умело, и я заметила, что ему удалось потихоньку умять два печенья, хотя непонятно было, когда и как Клод их сжевал.

— Этого он не сказал, — с сожалением покачала головой миссис Хофстеттлер. — Хотя, помнится, Элби был порядком оживлен. Видите ли, Пардон любил... не знаю, как лучше выразиться, ведь он теперь покойник... выведывать всякое, — наконец тактично сформулировала она, слегка нахмутив лоб, отчего ее маленький череп весь покрылся складками.

Он называл это «любопытствовать по-соседски», я же про себя обозначала его интерес совсем другими словами.

— А вчера вы встречались с кем-нибудь из соседей? — спросил Клод Фридрих.

Миссис Хофстеттлер задумалась, пуча губы, потом наконец произнесла:

— Мне показалось, будто по соседству, у Элвы и Т. Л., раздавались какие-то звуки, но вчера оба они должны были вернуться только поздно вечером, поэтому, скорее всего, мне просто почудилось. Еще я слышала, как стучались в дверь к мистеру Элби — видимо, приносили квитанции. Да, утром и днем несколько раз. Вообще-то, я почти все время смотрю телевизор или включаю радио, да и слух у меня уже не тот...

— Когда вам почудилось, что Йорки дома, вы узнали их по голосам или это были просто посторонние звуки в их квартире?

Миссис Хофстеттлер снова погрузилась в глубокие размышления.

— Думаю, я просто слышала, как там кто-то ходит.

— Это, наверное, была я, — пришлось признать мне. — Они попросили меня купить кое-какие продукты, оставить их в кухне и полить цветы.

— Я слышала эти хождения около трех дня. Немного вздремнула и как раз проснулась...

— Скорее всего, меня вы и слышали.

Фридрих что-то пометил в ярко-розовом блокнотике на спиральке, который неведомо как очутился в его руках. Я поглядела на часы. Через тридцать минут мне нужно было уходить, чтобы успеть на следующую работу, а я еще не прибрала выстиранное белье Мэри.

— Извините, — пробормотала я и понесла поднос обратно в кухню, чувствуя на спине пристальный взгляд шефа полиции.

Я быстро сполоснула и вытерла посуду, а затем украдкой проскользнула в гостевую спальню. Постиранные вещи не нуждались в глажке, поэтому я за несколько минут разложила все по местам, а потом мысленно пробежалась по списку дел, которые у меня обычно запланированы на вторник у миссис Хофстеттлер. Все было выполнено.

Следующий мой визит к Мэри был назначен на субботу. У нее вышел почти весь запас «Гласс-плас». [5] В кухне я прикрепила к холодильнику записку магнитиком «Я — сердечко — бабушку». Миссис Хофстеттлер платит мне из тех же денег, что посылает ей сын. В субботу она выпишет мне чек.

Когда я наконец показалась из кухни, Фридрих уже ушел. Я стояла и выжидала, когда за ним хлопнет дверь парадного.

— До свидания, миссис Хофстеттлер, — сказала я.

Мэри сидела, спокойно сложив руки на коленях, и глядела куда-то перед собой. Она, кажется, удивилась тому, что я все еще тут.

— До свидания, Лили, — устало ответила женщина. — Я так рада, что ты сегодня заглянула. Одной мне было бы трудненько со всем управиться.

— Может быть, вам стоит сегодня позвонить сыну?

— Я не люблю зря тревожить Чака, — запротестовала она.

— Случилось такое ужасное происшествие!

Я вспомнила, насколько жутким оно казалось там — в темноте, среди чащи, в узком луче карманного фонарика, глухой ночью, однако стерла воспоминание психическим усилием, столь же привычным для меня, как и округлости собственных бицепсов. В другое время и в другом месте я извлеку его на поверхность сознания и займусь им в одиночестве.

Вторники у меня очень загружены. Сегодняшний день обещал выдаться особенно напряженным, потому что ночью я мало спала и вдобавок пережила сильнейший стресс.

Я забежала домой и наугад схватила первый попавшийся фрукт, чтобы подкрепиться им в машине по пути на мою следующую работу.

Мусор еще не забирали. Мусоровозка объезжает нашу часть города тоже по вторникам. Свою тележку я выкатила на видное место перед домом. В ней, как и положено, стояли бочком друг к другу два бака. Никто даже не знал и ни за что не догадался бы, что они изнутри дважды выстелены мусорными мешками, одна пара из которых хранит свидетельства нахождения в них покойника. Утром я вынула баки из тележки и наскоро обследовала ее на предмет напоминаний о последнем путешествии Пардона Элби. Однако мой невооруженный глаз не обнаружил на металлическом поддоне никаких следов.

Выйдя из дому через дверь кухни и уже открыв припаркованную под навесом машину, я услышала грохот приближавшегося мусоровоза. Стоя одной ногой в машине и опираясь рукой об автомобильную дверцу, я не трогалась с места, выжидая неизвестно чего. Пожилой негр в синем комбинезоне с вышитой на спине надписью «Городская служба Шекспира» поочередно вынул баки из тележки, закинул мешки в чрево грузовика, затем вернул баки на прежнее место.

Мусоровозка поехала дальше по улице, направляясь к соседнему зданию, а я, прикрыв глаза, с облегчением перевела дух. Неуклюжая колымага осторожно свернула на загогулину подъездной аллеи многоквартирного дома, но почему-то не задержалась за ним, а подозрительно скоро снова оказалась в поле моего зрения. Я пожалела, что не обладаю даром видения сквозь непрозрачный частный забор, и готова была поклясться, что по ту его сторону полицейские в резиновых перчатках усердно перерывают содержимое мусорных баков, расположенных неподалеку.

Передовые методы, практикуемые полицейским подразделением Шекспира, произвели на меня сильное впечатление. Я не имела возможности удостовериться в собственной догадке, но не сомневалась, что претворением в жизнь они обязаны начальнику, Клоду Фридриху.

Я стояла на пороге комнаты Бобо Уинтропа и безрадостно обзревала ее. Бобо — семнадцатилетний детинушка, напичканный сверхактивными гормонами. Этот факт открылся мне еще прошлым летом. Сегодня Бобо был в школе, но по облику его комнаты я заключила, что за последнюю неделю он неоднократно заходил домой, чтобы поспать и переодеться. В комнате под кучами хлама угадывалась мебель. Я знала, что она очень неплохая. Да и Бобо, как подсказывало мне внутреннее чутье, был, в сущности, нормальным парнишкой, если счистить с него внешний мусор. Другими словами, он оставляет свою комнату в таком разоре вовсе не потому, что хочет досадить мне. Однажды этот недоросль положил руку мне пониже спины, а я за это двинула ему под дых. Просто Бобо привык к тому, что за ним всю жизнь кто-то прибирает. В такие дни мне кажется, что я сопровождаю слона на параде, вооружившись лишь детским совочком.

«Но Бини Уинтроп так щедро оплачивает уборку дома, что мне не пристало ворчать», — сурово одернула я себя. Однако, глядя на комнату Бобо, я насилу смогла вспомнить, почему решила зарабатывать на жизнь именно уборкой помещений.

«А ведь когда-то ты была национальной стипендиаткой, ^[6] — напомнила я себе, таща через захламленную комнату пластиковую корзину для белья и швыряя в нее грязные шмотки. — Лучшей ученицей в выпускном классе. Ты закончила колледж со средним баллом ^[7] три и девять».

Впрочем, вторник давно стал для меня чем-то вроде мантры.

Я обнаружила, что как-то вечером, когда родителей не было дома, Бобо заказал пиццу с доставкой. Судя по количеству слоев одежды, набросанной на картонную коробку, это случилось дня три назад.

— Эгей! — донесся из кухни нежный голосок.

Следом тяжко грохнула гаражная дверь.

— Лили! Я только на минутку заехала по пути на теннис!

— Добрый день, — буркнула я в ответ, понимая, что мой тон может показаться хозяйке как минимум мрачноватым.

Моя воля, я предпочла бы вообще не встречаться ни с кем из Уинтропов — ни с Бини, ни с ее мужем Хоувеллом-младшим, ни с их взрослым сыном Бобо, ни с меньшими отпрысками — Эмбер-Джин и Хоувеллом-третьим.

Девичья фамилия Бини была, как это ни невероятно, Бобо — Беатрис, она же Бини Бобо. Эта династия арканзасских аристократов насчитывала шесть поколений. По моему подозрению, где-то в ДНК Бини до сих пор прячется особый рабовладельческий ген.

— А вот и я! — преувеличенно радостно объявила Бини, словно я сидела как на иголках, только и поджидая ее появления.

Бини не в состоянии просто войти в комнату — она любит эффектные появления. Вот и сейчас она внезапно возникла в дверях, словно актриса в английской комедии. Очаровательная леди Беатрис по пути на теннисный корт задерживается, чтобы поговорить с горничной.

Бини, бесспорно, очаровательная женщина. Ей около сорока пяти, но ее тело знать этого не хочет. По сути, красавицей ее не назовешь, но Бини — настоящая искусница использовать свою внешность на все сто. Свои густые длинные волосы она подкрашивает в приятный каштановый тон, придает карим глазам глубину с помощью цветных линз, зимой подправляет легкий загар посещением солярия раз или два в неделю.

— Послушай, Лили, какой ужас случился с Пардоном, правда? — Бини была расположена поболтать. — Мы с его младшей сестрой вместе учились в школе! Конечно, с Пардоном уже тогда было непросто общаться, но все же... вот так взять и убить! Не ужасно ли это?

— Да.

— Э-э... знаешь, Лили, если тебе попадетя на глаза чековая книжка Бобо, будь добра, положи ее мне на стол. Он за полгода ни разу не сверил счета, и я пообещала ему, что сама все сделаю. Он надеется на меня, а я не представляю, когда мне найти на это время!

— Хорошо.

— Вот еще что, Лили. Бобо сказал мне, что ты ходишь на карате. Неужели это правда?

— Да.

Я понимала, что кажусь ей букой, но сегодня настроение у меня было препаршивым. К тому же мне было невыносимо слышать, что Уинтропы меня обсуждают. Чаще всего Бини, по-моему, ведет себя забавно, но терпимо, однако сегодня она раздражала меня сверх меры. И я платила ей тем же.

— Э, дело в том, что мы всегда хотели отправить Бобо на тхеквондо, но здесь никто этому не обучает. Был один тренер, и тот прогорел через полгода. Ты у кого берешь уроки?

— У Маршалла Седаки.

— А где он тренирует? У него свой зал?

— Он проводит занятия по гойю-карате для взрослых по вечерам в зале аэробики клуба «Телу время» только по понедельникам, средам и пятницам.

Эти три вечера были для меня главными за всю неделю. Бини решила, что в моем настроении случилось некоторое потепление, и лучезарно улыбнулась мне.

— Значит, ты думаешь, что он не примет Бобо в группу? Но ведь ему уже семнадцать, и, как мне ни горько об этом думать, он практически взрослый человек — по крайней мере, в физическом плане, — слегка помрачнев, добавила Бини.

— Вы можете спросить у него сами, — ответила я.

Черта с два Маршалл возьмется тренировать избалованное чадо вроде Бобо, но сообщать об этом его матери — не моя забота.

— Да, можно попробовать, — сказала Бини, что-то помечая в крохотном блокнотике на спиральке, который она постоянно носит с собой в сумочке.

Тут меня посетила мысль, что эта привычка чем-то роднит ее с Клодом Фридрихом. Тем более что Бини непременно туда позвонит. Преданность детям — одна из немногих черт, восхищающих меня в этой женщине.

— Ладно, — наконец обронила Бини, взглянув на меня вскользь и понемногу отворачиваясь, словно уже опаздывала. — Я только минутку освежусь в ванной, а потом поеду в клуб. Пожалуйста, не забудь о чековой книжке!

— Не забуду.

Я нагнулась за скомканной толстовкой Бобо, по всей видимости, однажды послужившей ему для протирки ветрового стекла машины.

— Знаешь, — задумчиво протянула Бини. — Кажется, Маршалл Седака и был компаньоном Пардона.

— Что?

Толстовка выскользнула у меня из рук, и я принялась, не глядя, нащупывать ее на полу. Я надеялась, что ослышалась.

— Да-да, — с уверенностью подтвердила Бини. — Верно. Мне об этом говорил Хоувелл-младший, а я тогда еще посмеялась, потому что второго такого хиляка, как Пардон, нельзя было найти. Он не хотел пройти пешком даже пару кварталов — всегда ехал на машине! Спортзал оказался удачной задумкой. Пардон, наверное, огреб на нем кучу денег. Интересно, кому он завещал все свое добро?

Я продолжала подбирать одежды Бобо и заталкивать их в корзину для белья, а когда распрямилась, Бини уже пропала с глаз. Вскоре из просторной ванной, расположенной напротив хозяйской спальни, до меня донесся оживленный плеск.

Наконец, услышав, как захлопнулась дверь гаража, я вслух сказала:

— Пора научиться любезничать с хозяйкой, пока она не натянула мне нос.

«В самом деле, перестань грубить ей», — строго предупредила я себя.

К Уинтропам я прихожу два раза в неделю, и они исправно платят мне. Миссис Хофстеттлер я навещаю с такой же периодичностью, но запрашиваю с нее гораздо скромнее. Уборка квартиры на две спальни отнимает у меня не в пример меньше времени и сил, нежели огромный дом Уинтропов, особенно если учесть, что дети в этом семействе не прилагают никаких усилий к созданию для себя даже минимального комфорта — по крайней мере, на мой взгляд. Если бы они хотя бы складывали грязную одежду в корзину для белья и не разбрасывали всюду свои вещи, то сэкономили бы родителям львиную долю моей зарплаты.

В прочие дни мне удается индифферентно воспринимать индивидуальные склонности Уинтропов, но сегодняшним утром Бини своим высказыванием лишила меня привычной уравновешенности. Неужели Пардон Элби и Маршалл в самом деле работали вместе? Седака никогда не заикался о партнере по бизнесу, который он начал с нуля. Несмотря на то что мы с Маршаллом прекрасно знали тела друг друга ввиду той странной, бесстрастной близости, возникшей от совместных занятий карате и совпадавшего времени тренировок, я поняла, что в действительности ничтожно мало знаю о его повседневной жизни, а он — о моей.

Я в беспокойстве озаботилась вопросом о том, почему, собственно, меня должны волновать дела Маршалла Седаки. Что меняет новость о его партнерстве с Пардоном Элби? Каким бы тусклым ни был уличный свет прошлой ночью, я нипочем бы не обозналась, если бы именно Маршалл катил тележку с трупом в парк.

Подобное соображение еще больше меня растревожило, но беспощадным усилием воли я заставила себя сосредоточиться на текущей работе. Мне на глаза попалась затерявшаяся чековая книжка Бобо, и я стоймя водрузила ее на туалетный столик его матери, где она уже точно будет замечена. Раздумья замедляли уборку, а меня впереди еще ждала комната

Хоувелла-третьего. Он, конечно, не такой поросенок, как Бобо, но до настоящего чистюли ему тоже далеко.

Мой вторник у Уинтропов посвящен уборке в комнатах, стирке и раскладыванию чистого белья, а также наведению порядка в ваннах. В пятницу я все и везде протираю, потом прохожусь пылесосом и в завершение мою полы. Уинтропы всегда держали кухарку. Она и берет на себя заботы о кухне, иначе мне пришлось бы выделить время в своем графике для третьего за неделю визита к ним.

Разумеется, в пятницу я тоже волей-неволей вынуждена делать минимальную уборку, чтобы освободить от вещей запылившиеся поверхности, поэтому неустанно ворчу на тех нерях-скупердяев, которые не оплачивают мою работу так, как она того заслуживает.

Несколько глубоких вздохов помогли мне успокоиться. Я наконец поняла, что меня расстроили вовсе не расточители Уинтропы — их неопрятность мне только на руку — и даже не возможная причастность Маршалла Седаки к истории с Пардоном Элби. Все дело было в том, что сразу после уборки мне предстояла встреча с Клодом Фридрихом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Он явился вовремя.

Отступив в коридор и впуская его в дом, я вновь подивилась весьма солидным габаритам этого человека и напомнила себе: «Когда боишься, самое распоследнее дело — показывать это».

Собравшись с духом с помощью такого простецкого философского приемчика, я не нашла ничего лучше, как предстать перед блюстителем закона с застывшим выражением на лице, которое при желании можно было принять за угрюмое.

Он тем временем откровенно изучал обстановку моей гостиной — разрозненную мебель, приобретенную на распродажах в самых шикарных местных магазинах, тщательно подобранную и расставленную согласно моему личному замыслу. Гостиная у меня маленькая, и все предметы я покупала, мысленно соглашаясь с ее размерами: вместо большой тахты уютный диванчик на двоих с откидной спинкой и выдвижной скамеечкой для ног, вольтеровское кресло, несколько разнородных столиков и репродукций. Есть здесь и телевизор, но тоже совсем небольшой. Фотографий я не держу. У кресла, на нижней полочке столика высится приличная стопка библиотечных книг. Преобладающие цвета обивки и рисунков — темно-синий и бронзовый.

— Вы давно живете в этом доме? — закончив осмотр, спросил меня Фридрих.

— Я купила его четыре года назад.

— У Пардона Элби?

— Да.

— Вы приобрели жилье, когда приехали в Шекспир?

— Сначала я сняла его, но с правом выкупа.

— Чем конкретно вы зарабатываете себе на жизнь, мисс — кажется, мисс? — Бард?

К ярлыкам я так же равнодушна, как и к политкорректности. Я вовсе не просила его называть меня «мисс», но Фридрих, судя по всему, ожидал поправки.

— Я уборщица.

— Но ведь не только?

Он успел навести справки. Возможно, давно выведал обо мне все, каждую подробность моего пребывания в Шекспире. В конце концов, чем еще занимать свой ум шефу полиции в захолустном городишке?

— Не только.

Он ждал от меня развернутых ответов. По приподнятым бровям Фридриха я поняла, что моя лаконичность выглядит неучтиво. Да, наверное, так и есть... Я вздохнула.

— Я хожу по поручениям пожилых людей. Присматриваю за жильем тех, кто уезжает в отпуск и не может поручить свой дом соседям. Я разношу по квартирам покупки до возвращения хозяев, кормлю собак, скашиваю траву в двориках и поливаю цветы.

— Насколько хорошо вы знали Пардона Элби?

— Я покупала у него этот дом, убираю несколько квартир, принадлежащих ему, но договариваюсь непосредственно с жильцами. Пару раз я выполняла работу и для него. Я видела Элби только мимоходом.

— Может, между вами были и другие взаимоотношения?

Я вспыхнула, потом осознала, что этими словами он меня провоцирует, закрыла рот,

перевела дыхание и ответила:

— Между мной и мистером Элби не было никаких взаимоотношений.

Сказать по правде, физически Пардон был мне всегда неприятен: слишком бледный, рыхлый, настоящий увалень, а отсутствие широты в его натуре лишь невыгодно оттеняет внешнюю хилость.

Фридрих меж тем рассматривал свои руки. Он сложил их ладонями вместе, переплетя пальцы, а локти упер в бедра.

— Что касается прошлой ночи, — пророкотал он, метнув на меня быстрый взгляд.

Он сидел на диванчике, а я — в кресле. Я не стала кивать или поддакивать, просто молча ждала продолжения.

— Вы заметили что-нибудь необычное? — Неожиданно он распрямился и поглядел мне прямо в глаза.

— Необычное... — Я попыталась изобразить задумчивость, но, судя по всему, преуспела только в показном упрямстве и поспешно продолжила: — Я легла спать около одиннадцати. — Так оно и было, в самом начале, до того как я обнаружила, что не могу заснуть. — Мэри — миссис Хофстеттлер — сказала мне сегодня утром, что на улице был настоящий переполох, но я, увы, ничего не слышала.

— Кто-то позвонил мне около половины третьего ночи, — вкрадчиво произнес Фридрих. — Женщина. Она сообщила мне, что в парке, через улицу от моего дома, лежит труп.

— Да?

— Именно так, мисс Бард. Мне думается, эта женщина что-то видела — например, каким образом труп оказался в парке. По моим догадкам, она испугалась. Возможно, даже знала, чьих это рук дело, побоялась убийцы или случайно наткнулась на тело Пардона Элби и не хотела, чтобы бедняга пролежал в траве всю ночь и утром промок от росы. Словом, кем бы она ни была, но по неизвестной причине проявила заботу о бранных останках Пардона. Я очень хотел бы побеседовать с этой женщиной.

Он ждал. Я изо всех сил пыталась казаться безучастной. Наконец Фридрих тяжело, устало вздохнул.

— Что ж, мисс Бард, вы ничего не видели и ничего не знаете. Но если что-нибудь вспомните, звоните мне в любое время дня и ночи, — крайне ироничным тоном добавил он.

Начальник полиции Клод Фридрих источал невероятную надежность. Я чуть было не решилась довериться ему, однако тут же вспомнила о прошлом и представила, как оно своим появлением разрушает ту здоровую, уравновешенную жизнь, которую мне так нравилось вести в этом крохотном городке.

В тот самый момент я поняла, что от Фридриха добра не жди. Я вышла из задумчивости и увидела, что он по-прежнему ждет моих откровений. Ему было ясно, что я колеблюсь, рассказывать ли то, что у меня за душой.

— Всего доброго, — сказала я и встала, чтобы проводить его до дверей.

Вид у Фридриха при уходе был разочарованный. Шеф полиции больше ничего не спросил, но его серые глаза, еще раз задержавшиеся на мне, не таили злобы. Закрыв за ним дверь, я некстати задумалась о том, что за четыре года жизни здесь он был всего пятым человеком, посетившим мой дом.

В полшестого вечера по вторникам я убираю кабинет дантиста. Приехав в Шекспир, я жила на сбережения — на то, что осталось от оплаты медицинских счетов, которые не

смогла покрыть моя страховка. Тогда я только-только начинала набирать клиентуру. Доктор Сайзмор задерживался до моего прихода, придирчиво наблюдал за моей работой, а потом запирали за мной дверь. Теперь у меня свой ключ. Сюда я приношу собственные моющие средства — доктору Сайзмору так удобнее, — поэтому беру с него немного больше, чем с прочих. Мне совершенно безразлично, чьи запасы расходовать — мои или клиентов. У меня свои предпочтения, у них есть собственные. Я хочу, чтобы меня знали просто как уборщицу Лили Бард. Я не желаю именоваться Хлопотливыми ручками, Горничной на час или прочими деловыми прозвищами. Сугубо в тайне я называю себя санитарной службой Шекспира.

Когда я решала, чем буду в дальнейшем зарабатывать на жизнь, уборка стояла последней в ряду допустимых возможностей, но за ней неожиданно обнаружились самые сокровенные стороны бытия. Я не только знакомясь с физическими нюансами из жизни своих нанимателей — например, доктор Сайзмор постепенно лысеет, его мучают запоры — но и невольно узнавала о них даже больше, чем сама того желала.

Иногда за работой я развлекаюсь сочинением несуществующей колонки для газеты «Шекспир джорнал», выходящей раз в две недели.

«Доктор Сайзмор недавно получил счет из одного интим-журнала. Медицина тут, понятно, ни при чем — значит, сами экземпляры он где-то прячет».

«Его секретарша Мэри Хелен Харгривз — местные произносят ее имя как Мэа Хелн — на работе красит ногти, а в обед читает английские детективы».

«У медсестры Линды Джентри сегодня закончилась упаковка противозачаточных пилюль, значит, в следующий раз я увижу в туалете тампаксы».

Только кому нужна такая колонка? Выведанные мною подробности ровным счетом никому не интересны, хотя я в числе первых узнала о том, что Джерри Сайзмор подал на развод. Повестки от адвоката лежали на столе доктора на видном месте. Или, например, на прошлой неделе я обнаружила, что, пока старшие Уинтропы отплясывали в загородном клубе, их сын Бобо приводил к себе кого-то для занятий безопасным сексом.

Мне известно множество разнообразных фактов, но я ни разу никому о них не обмолвилась — мне это даже в голову не приходило. Но то, что я узнала по поводу Пардона Элби... Наверное, об этом все же следовало рассказать.

«Этим ты себя разоблачишь», — нашептывало мне внутреннее чутье.

Моя нынешняя жизнь не бог весть какая яркая, но вполне сносная, и никакой другой у меня нет. Я делала попытки жить иначе, но теперь обрела самый подходящий вариант.

С кабинетом доктора Сайзмора я справилась к половине восьмого, заперла за собой все двери и поехала домой. Там я поужинала куриной грудкой с брокколи, посыпанной пармезановой крошкой, и булочкой. После легкой уборки у себя в кухне я послонялась по дому, взяла библиотечную книжку, но тут же ее захлопнула и окончила тем, что включила телевизор.

На часы я взглянуть забыла и как раз попала на выпуск новостей. Кадры на экране были из разряда худших: матери с орущими детьми на руках, бомбовые взрывы, тела на улицах в объятиях смерти. На первом плане возникло отчаянное лицо женщины, чью семью завалило бульжниками. Прежде чем мой палец успел нажать кнопку переключения каналов, слезы сами собой потекли у меня по щекам.

Долгие годы я вообще не могла смотреть новости.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В среду утром у меня нестабильный график. Я отвела это время для непредвиденных заказов: уборка в доме, где хозяйка приглашает в гости бридж-клуб или готовится обмывать [8] новорожденного. Сюда относятся и разовые вызовы, например помощь при уборке чердака.

На эту среду я уже давно запланировала визит к Элве Йорк, чтобы пособить ей с весенней генеральной уборкой. Элва остается верна этому ритуалу, несмотря на то что теперь они с мужем занимают одну из квартир в доме Пардона Элби. Два года назад, когда Т. Л. еще не вышел на пенсию и работал на почте, мне пришлось вместе с ней надраивать их дом на три спальни. В тот раз Элва приступила к делу до моего появления, а с моим уходом в полдень все еще продолжала уборку. Но после переезда она резко сдала, и в нынешнем году, возможно, даже две спальни — непосильная задача для нее одной.

Йорки занимают одну из Садовых квартир Шекспира на первом этаже, рядом с Мэри Хофстеттлер. Их входная дверь расположена прямо напротив той квартиры, которую Пардон Элби выбрал для себя. Позвонив к Йоркам, я не выдержала и оглянулась — дверь Пардона была затянута кордонной лентой. Я никогда не видела ее вблизи, и в реальности она оказалась точно такой же, как в телевизоре. Но кому может прийти мысль пробраться в квартиру Пардона? У кого еще, кроме него самого, был ключ от нее? Я не знала точно, но догадывалась, что в городе у него остались кое-какие родственники. Каждый житель Шекспира, за небольшими исключениями, так или иначе породнен с дюжиной прочих горожан.

Все же главное — отчего он умер? На его голове запеклась кровь, но я подробно не рассматривала покойника. Исследовать труп в полном одиночестве, в темном парке мне было и противно, и очень страшно.

Я взглянула на крупный циферблат своих наручных часов — ровно восемь. Элва ставит пунктуальность в ряд главных качеств, достойных восхищения.

Она открыла мне. Вид у нее был жутковатый.

— Вы здоровы? — невольно спросила я.

Нечесанные, лишённые завивки седые волосы хозяйки выглядели свалявшимися, а рубашку и слаксы она, по-видимому, надела первые, что попались под руку.

— Здорова-здорова, — вымученно ответила она. — Входи. Мы с Т. Л. как раз заканчиваем завтракать.

Обычно Йорки встают в половине шестого утра. Три часа спустя они уже успевают позавтракать и одеться, после чего выходят на прогулку.

— Когда вы вернулись? — спросила я.

У меня не в обычае расспрашивать клиентов о чем бы то ни было, но сейчас я хотела как-нибудь расшевелить Элву. После поездок она, как правило, не ждет приглашения, чтобы похвастаться своими внуками и дочерью, а иногда похвалить и то ничтожество, которое приходится отцом ее внукам и мужем — дочери. Однако сегодня Элва молча поплелась в гостиную. Я пошла за ней.

Т. Л. сидел в пристенной нише за столиком. Его грубовато-добродушные ухватки, кажется, не претерпели существенных перемен. Он из тех людей, разговоры которых на семьдесят пять процентов состоят из банальностей.

— Доброе утро, Лили! Вижу-вижу, все такая же красавица! Погожий сегодня ожидается денек!

Но и с Т. Л. что-то было неладно. Его привычная болтовня лишилась беззаботности, а из движений, когда он встал из-за столика, исчезла прежняя живость. Сегодня утром Т. Л. почему-то достал палку с красивым серебряным набалдашником, подаренную ему дочерью на Рождество, и непритворно на нее опирался.

— Дайте мне только побриться, дамочки, — приподнято объявил он. — Потом я предоставлю вам поле деятельности.

Свернув газету и положив ее на край стола у своей тарелки, он направился в глубь коридора. Т. Л. — седой хитроватый исполин, немного расплывшийся, но все еще крепкий. Сказываются долгие годы тяжелой физической работы. Я проследила, как он нырнул в дверь ванной. Что-то еще в нем было не так. Секунда — и я поняла, в чем дело. Он шел по коридору молча. Т. Л. всегда насвистывает, чаще всего песни или гимны в стиле кантри.

— Элва, может, мне лучше прийти к вам в другой день?

Хозяйка даже удивилась моему вопросу.

— Нет, Лили, хотя мне очень приятно, что ты такая внимательная. Генеральная уборка мне вполне по плечу.

Мне же казалось, что Элве в самый раз снова лечь в постель. Однако я понемногу перенесла грязную посуду в кухню, чем прежде никогда не занималась у Йорков. Элва всегда брала подобную мелочь на себя.

Пока я мыла, протирала и расставляла по полкам посуду, хозяйка не проронила ни слова. Она сидела, обхватив ладонями чашку с кофе и уставив взгляд в темную жидкость, словно надеялась прозреть в ней будущее.

Из спальни появился Т. Л., побритый и вполне веселый, но пока не вспоминая про свист.

— Я пойду подстричься, радость моя, — сказал он жене. — Не замучай тут работой себя и Лили!

Он поцеловал Элву в щеку и скрылся за дверью. Я вновь ошиблась, полагая, что уход мужа приведет хозяйку в чувство, — она лишь выпила кофе. Мой затылок начал зудеть от беспокойства. Мы с ней не раз работали по утрам бок о бок, но сейчас я не узнавала прежнюю Элву в женщине, сидевшей за кухонным столом. Она страдает защемлением спинного нерва, которое все чаще дает обострения, но в обычные дни практична, добродушна, всегда твердо знает, что и как надо делать по хозяйству, и недвусмысленно выражает свои пожелания. Ее прямота кому-то может показаться оскорбительной, я сама была тому свидетельницей, но не имею ничего против такой ее черты. Элва вслух высказывает практически все, что у нее на уме, не страдая при этом избытком такта, но в целом она совсем неплохая — честная и великодушная.

Затем я увидела продукты, которые принесла Йоркам в понедельник после обеда. Почти все они остались на прежних местах. Масло в холодильнике лежало именно там, куда я его положила, а рядом с ним — до сих пор не вымытый салат-латук. Хорошо, что хоть рулон бумажных полотенец распаковали, заправили в дозатор и даже начали использовать, а хлеб догадались убрать в хлебницу.

Приставать дальше с расспросами к хозяйке я сочла неуместным, да и ей не обязательно было сообщать мне порядок действий. Для начала я помыла кухню. Элва проводит весеннюю уборку по собственному плану, и я припомнила, что сперва она вроде бы снимает

со всех окон шторы. Оказалось, что в гостиной на окне, выходящем на улицу, их уже нет, отчего жалюзи казались странно обнаженными. Выходит, до самого недавнего времени Элва пребывала в нормальном рабочем состоянии.

Я протерла оголившиеся жалюзи, на которых скопилось много пыли. Очевидно, хозяйка, сняв первую пару штор, дальше так и не продвинулась.

— У вас что-то случилось? — против воли поинтересовалась я.

Элва так долго хранила молчание, что я уже перестала ждать от нее объяснений нынешнего состояния.

Но в конце концов она заговорила с крайне угнетенным видом:

— Мы никому здесь об этом не рассказываем. Но тот преступник из округа Крик... Харли Дон Мюррелл, которого осудили за изнасилование... Так вот, он... Та девушка, его жертва, — это наша внучка Сара.

— Как это произошло? — Кровь отхлынула с моих щек, и я села напротив Элвы.

— Спасибо Господу за то, что имена потерпевших не публикуют в газетах и не объявляют в новостях, — сказала Элва. — Сейчас она уже дома, но Т. Л. считает, что ей надо было подольше побыть больнице — в психиатричке. Ей ведь всего семнадцать... А от ее мужа поддержки никакой — только бесится, что с ней такое случилось. Говорит, если бы она не вышла тогда из дому в лосинах, тот парень просто прошел бы мимо.

Элва, уставившись в кофейную чашку, подавила тяжкий вздох. Если бы она посмотрела на меня, то, пожалуй, приняла бы за незнакомку, но я надеялась, что она этого не сделает, и как можно шире раскрыла глаза, чтобы удержать в них слезы.

— Он не прошел бы мимо, — едва выговорила я.

Погруженная в свое несчастье, Элва откликнулась:

— Я это знаю, и ее мать, да и ты тоже. Но мужчины всегда сомневаются, даже женщины иногда. Видела бы ты ту дамочку, жену Мюррелла! С каким видом она присутствовала на суде, хотя ей больше пристало бы сидеть дома, стора со стыда. Эта особа вела себя так, будто не понимала, что такого плохого натворил ее муженек, рассказывала репортерам, какая Сара... испорченная. Мол, все в округе знали, какова она, и Сара сама подзадорила его... — Элва заплакала.

— Но его осудили, — напомнила я.

— Да, — согласилась Элва. — Он рыдал, вопил и умолял во имя Бога. Правда, ему это не помогло и его все-таки посадили. Но когда-нибудь он выйдет, если только кто-нибудь из сокамерников не прикончит его, о чем я не перестану молиться, и пусть Господь покарает меня за это. Говорят, в тюрьме не очень жалуют насильников и педофилов. Может, однажды ночью его потихоньку укрошат.

Я узнавала и тон, и сами слова. На мгновение паника овладела мной, и я была даже рада, что Элва полностью поглощена собственными переживаниями. Моя рука произвольно легла на грудь и под лимонного цвета футболкой нащупала рубцы от шрамов.

— Элва, я могу у вас только прибраться, — сказала я.

— Вот и хорошо, — нетвердым голосом отозвалась она. — Так мы с тобой и поступим.

Три последующих часа мы наводили порядок в их маленькой квартирке, начищая то, что никогда не было грязным, и расставляя по местам то, что и без того стояло на месте. Элва в жизни очень ценит рациональность. Мне не раз приходила мысль — вот кому надо жить на корабле! Все лишнее без всякой жалости отправлялось за борт, а остальное было подчинено логической, компактной системе. Я восхищаюсь таким подходом, поскольку сама не чужда

его, хотя не впадаю в крайности, как Элва.

«Но нельзя забывать о том, какие ограниченные у нее интересы, — размышляла я, протирая шкафчики в ванной. — Поэтому уборка для Элвы — одна из немногих отдушин, способов самовыражения. Она иногда вышивает, но без фантазии, не шьет, читать не любит, а к готовке и телевизору равнодушна. Остается только приборка».

Элва — предостережение мне.

— Как насчет прицепа? — спросила я, видя, что мы почти расправились с делами в доме.

— Что? — переспросила Элва.

— Мы всегда наводим порядок в автоприцепе, — напомнила я ей.

У Йорков есть передвижной вагончик, который они прицепляют к своему пикапу. Когда супруги навещают дочь, то ставят машину на подъездную аллею. Они не раз признавались мне, что могут сами варить утром кофе и отправляться спать, когда им вздумается. Я припомнила, сколько раз за то время, что я у них работаю, оба заводили разговор о своей внучке Саре. Младшая в семье, она росла избалованной, а в прошлом году и вовсе учудила — выскочила замуж за своего сверстника. Но Йорки души в ней не чаяли.

— Помнишь, сколько раз Пардон придирался к нам из-за этого прицепа? — невпопад спросила Элва.

Конечно, я помнила. По бокам крытой стоянки, прямо возле дома, между стенкой гаража и забором есть пространство шириной примерно в корпус машины. Йорки спросили у Пардона разрешения поставить с северной стороны свой автоприцеп. Вначале он согласился, но потом отказал под предлогом того, что их вагончик загромождает стоянку и мешает прочим жильцам дома. Поскольку меня все это совершенно не касалось, я придавала мало значения их распре, но краем уха слышала, что Йорки не отступались, и сама видела Пардона на стоянке — он качал головой в адрес прицепа, словно выговаривая непослушному ребенку, и что-то вымерял вокруг него рулеткой. Пардон Элби был мастер делать из мухи слона, везде и всюду находил поводы для придинок. Как раз такой человек и будит лихо, пока оно спит.

Меж тем Элва не переставала плакать.

— Ты лучше иди, Лили. Из-за всей этой истории я в таком состоянии... сама не знаю, за что взялась. За последние несколько дней, пока мы ездили на суд, я будто побывала в аду. На следующей неделе мне уже полегчает.

— Конечно, Элва, — согласилась я. — Когда захотите повесить шторы или почистить прицеп, позвоните мне.

— Так и сделаю, — пообещала она.

Я не стала напоминать ей, что они мне задолжали. Факт был показателен сам по себе: щепетильная Элва всегда платила мне точно в срок.

«Вполне могу подождать и до завтра, — решила я. — Может, к тому времени их потрясение после суда над Мюрреллом немного сгладится. Но Саре еще долго придется страдать — не день и не месяц, а годы».

Не успев выйти из здания, я окончательно убедилась, что сегодня — не мой день. Навстречу мне к парадному входу спешила Дидра Дин. Я не перевариваю ее, особенно после нашей беседы, происходившей на прошлой неделе в прихожей ее квартиры на втором этаже. В тот день она заходила домой обедать и уже собиралась возвращаться в мэрию, где служит офисным клерком и этим, если можно так выразиться, кормится.

«Привет, домработница! — весело прошептала Дидра. — Слушай, вот что я хотела тебе сказать. На прошлой неделе ты, кажется, забыла закрыть за собой дверь, когда уходила».

«Нет», — жестко ответила я ей.

Надежность — неременная часть моей работы, может быть, даже более важная, чем безупречная уборка.

«Этого я никогда не забываю. Вы сами могли забыть, а я — нет».

«Но в прошлую пятницу я пришла домой, и моя дверь была не заперта», — стояла на своем Дидра.

«Когда уходила, я запираю за собой, — не уступала я и вдруг внезапно кое-что припомнила. — Но по лестнице мне навстречу поднимался Пардон, а у него наверняка есть ключ-универсал».

«Зачем ему входить ко мне в квартиру?» — поинтересовалась Дидра, но как-то неуверенно, словно не удивилась бы такому обороту дела.

Повисла пауза, и лицо у Дидры приняло еще более странное выражение — сердитое и в то же время неловкое. Меня почти заинтриговало это неоспоримое отражение мыслительных процессов, блуждавших в ее пустой головенке.

Ах, Дидра Дин! Белокурая и крутобедрая, но все же не безупречная — ее лицу решительно недостает подбородка. Она всегда ярко накрашена и маниакально оживлена старанием отвлечь внимание собеседника от этого обидного дефекта. Дидра переехала в этот дом три года назад и успела перетрахать всех здешних жильцов мужского пола, за исключением, наверное, Пардона Элби и, почти точно, Т. Л. Йорка. Ее любящая родительница, очаровательная и состоятельная вдова, недавно вступившая в повторный брак, щедро субсидирует доченьку. Лэйси Дин Кноп, вероятно, пребывает в уверенности, что девочка меняет ухажеров с единственной целью найти мистера Совершенство. Но для Дидры каждый мужчина таков и есть, по крайней мере на ночь или две.

Я без устали твердила себе, что в данном случае мое дело — сторона, но не могла взять в толк, почему повадки Дидры так бесят меня. Мало-помалу я пришла к заключению, что полное отсутствие самоуважения у этой особы обескураживает меня, ее рискованные замашки вызывают испуг, а легкость, с которой она случается с мужчинами, порождает зависть. Однако, поскольку мама Дидры всегда аккуратно расплачивается со мной, я каждые десять минут стараюсь напоминать себе, что Дидра — вполне взрослый человек, хотя бы номинально, и может устраивать свою жизнь по собственному выбору.

«В общем, чтобы это больше не повторялось», — выговорила мне Дидра на прошлой неделе в неуклюжем приступе строгости, предварительно обвинив меня в оставлении дверей незапертыми.

Но даже ее худосочные мозги смогли уловить мою ярость.

— Ой, все, убегаю! Надо еще успеть получить страховой полис. Я в обед сдала машину на техосмотр, а в почте сейчас нашла уведомление о продлении страховки.

Я очень хотела высказать Дидре об ее образе жизни что-нибудь этакое, припечатывающее, но не могла придумать ничего по-настоящему впечатляющего. К тому же ее жизнь и вправду меня не касается: Дидра все-таки уже не ребенок. Я видела из окна, как она семенила от парадного входа к красной спортивной машине, небрежно оставленной на повороте аллеи. Первый взнос за эту хлипкую, но броскую тачку заплатила ее матушка — об этом мне, как бы между прочим, обмолвилась сама Дидра.

— Удалось ли вам выяснить, заходил ли Пардон в вашу квартиру в прошлый раз? —

спросила я ее сегодня.

На площадке первого этажа кроме нас никого не было, но я на всякий случай понизила голос. Выстраивая в голове цепь умозаключений, я упустила из виду, что Дидра в этот момент может размышлять о совершенно иных вещах.

Она взглянула на меня как на в высшей степени эксцентричную особу и с жаром выпалила:

— Нет!

Я вскинула брови и стала ждать продолжения.

— И тебе лучше не рассказывать полицейским о том, что ты задавала мне такие вопросы!

— Да?

— Иначе ты больше не найдешь в Шекспире никакой работы, — пригрозила Дидра. — Больно мне надо впутываться в убийство этого старого пердуна!

— Вы и вправду думаете, что кто-то в этом городе откажет первоклассной надежной уборщице ради того, чтобы вы спасли свою шкуру? — поинтересовалась я, кривя рот в сухой ухмылке.

Голубые глаза Дидры округлились от гнева, но в этот момент на втором этаже грохнула дверь, и на лестнице показался единственный чернокожий обитатель Садовых квартир, тридцатилетний красавчик Маркус Джефферсон. Он кинул на нас удивленный взгляд, пробормотал приветствие и устремился к выходу. Дверь парадного с тяжким стоном захлопнулась за ним.

Сегодня все в этом доме вели себя необычно. Когда я вновь взглянула на Дидру, оказалось, что она красна как рак и все еще не в силах оторвать глаз от двери, за которой скрылся Маркус Джефферсон.

Ого!.. Тут меня осенило, что могло послужить причиной, побудившей Пардона Элби выведывать всякое насчет Дидры.

— Мне приходится к вам в положенный день? — спросила я.

Вполне возможно, что Дидра теперь склонна отказаться от моих услуг. Я прибираюсь в ее квартире с утра в пятницу. Это своего рода прайм-тайм, потому что все хотят, чтобы их жилью к выходным сверкало чистотой. Я почти надеялась, что Дидра меня уволит.

— А... да! Послушай, давай возьмем и забудем все, о чем говорили тут на прошлой неделе насчет двери. Я сама забыла ее закрыть, идет? Я потом уже вспомнила. Жаль, что мне вообще пришло в голову, будто это ты сделала. Ты самая образцовая...

Голосок Дидры умолк. На ее лице расплылась притворная улыбочка, как нельзя лучше идущая ей.

Шагая по тротуару по направлению к дому, я мучилась вопросом, неужели Пардон действительно заглядывал к Дидре на прошлой неделе? Но с какой целью? Если да, то что он мог там обнаружить? Допустим, его интересовали сальные подробности ее личной жизни. Их в квартире предостаточно. В верхнем ящике комода она держит порнографические снимки, сделанные каким-то любовником. На них Дидра красуется в экзотическом белье, а то и совсем нагишом. У меня не было ни малейшего желания вдаваться в ее причуды, но ведь я занимаюсь у Дидры еще и стиркой, раскладываю чистое белье по полкам, когда убираюсь в квартире в тот же день после обеда. Поэтому мне волей-неволей приходится открывать верхний ящик. Под кроватью у Дидры, где мне приходится пылесосить, хранятся эротические журналы, причем весьма крутые, а простыни постоянно

сбиты в кучу. Возможно, у нее найдутся и другие обличающие штучки, которые показались бы ее матери очень любопытными.

Неужели Пардон Элби решился позвонить маме Дидры, почтенной Лэйси Дин Кнопп? Боже, с него станется!

Буквально через пять минут после моего возвращения домой в дверь позвонили. Взглянув в глазок, я открыла. Посетитель был из разряда неожиданных, но безопасных — мой ненавязчивый сосед Карлтон Кокрофт. С тех пор как купила этот дом, я общалась с ним не чаще трех-четырёх раз в год.

В Карлтоне присутствует что-то очень «съедобное». Зимой он стойко ассоциируется у меня с горячим шоколадом или карамелью, а летом от него постоянно веет кокосовым ароматом крема для загара и резковатым душком барбекю. Кокрофту слегка за тридцать, как и мне. Он кареглазый брюнет с густыми выгнутыми бровями и раздвоенным подбородком. Сосед примерно дюйма на четыре выше меня, ростом около метра восьмидесяти. Это учтивый, занятой, гетеросексуальный мужчина — вот, в итоге, все, что мне о нем известно.

— Здравствуй, Лили, — произнес он приятным, но не очень веселым голосом.

— Да, Карлтон. — Я кивнула в ответ на приветствие и приоткрыла дверь пошире, чтобы он мог войти.

На его лице отразилось крайнее удивление, и я сообразила, что раньше никогда не приглашала его к себе. Он наскоро оглядел комнату. Создавалось впечатление, что Кокрофт не очень представляет, что делать дальше, — не в пример вчерашнему самоуверенному гостю.

— Присаживайся, — предложила я, заняв кресло.

— Лили, я перейду сразу к делу, — начал Карлтон, расположившись на диванчике.

Он согнулся и устроил локти на коленях. На нем была рубашка в заурядную сине-белую клетку, джинсы с защипами и кроссовки «Рибок». Весь комплект исподволь производил впечатление благополучия и удобства.

Я стала ждать, когда Карлтон перейдет к делу. Большинство людей уверены, что вы непременно должны отреагировать на их заявление о намерении что-либо совершить, но мне всегда казалось более интересным выждать и посмотреть, исполнят ли они его.

Карлтон задержал на мне взгляд, будто чего-то ожидая. Да, так оно и было. Я сделала рукой приглашающий жест — мол, что у тебя за дело?

— Я видел, как ты выходила в ночь убийства. — Он помедлил, ожидая моего встревоженного восклицания. — Вставал принять таблетку от язвы.

— И что? — пожала я плечами.

— Лили, это ставит тебя в неприятное положение. Я ничего не говорил Фридриху, но он задавал мне чертову кучу вопросов о тебе. Если тебя видел еще кто-нибудь, то он ведь мог и заподозрить, что ты как-то причастна к смерти Пардона...

Секунду я размышляла, сложив руки на коленях, потом спросила:

— Зачем же ты пришел ко мне?

— Я просто хотел тебя предостеречь. — Карлтон выпрямился, переменив свою напряженно-непринужденную позу. — Ведь я как-никак волнуюсь за тебя.

Мои брови поползли вверх.

— Да-да, я понимаю, — застенчиво улыбнулся он. — Меня это не касается. Но ты женщина одинокая, вдобавок симпатичная, и раз уж я живу по соседству, значит, несую за

тебя какую-то ответственность. Мне совсем не хочется, чтобы ты попала в плохую историю.

У меня возникло непреодолимое желание задрать футболку и дать ему возможность полюбоваться на следы той плохой, хуже некуда, истории, в которую я уже попадала. Но я понимала, что Карлтон пытается меня оберечь, оградить от неприятностей, видела, что он воспринял эту ситуацию как уместный повод поступить по-мужски. Мне в очередной раз подумалось, что мужчины создают больше хлопот, чем сами того стоят. Так не раз бывало у меня в общении с ними.

— Карлтон, ты живешь со мной по соседству, ты симпатичный мужчина, к тому же одинокий. Я тоже несу за тебя ответственность, — отозвалась я.

Кокрофт побагровел, хотел вскочить, но кое-как сдержался.

— Видимо, я заслужил такой ответ. Мне надо было сначала все проговорить в голове и посмотреть, как это будет выглядеть, а потом уже высказывать тебе. Но, Лили, черт возьми, я же тебе не враг!..

— Я понимаю, Карлтон, но зачем тебе выручать меня из возможных затруднений с полицией? Почему ты так уверен в том, что не я убила Пардона?

Мой привлекательный сосед посмотрел так, будто у меня выросла змеиная голова и зашипела на него. Карлтона уязвило, что его галантный порыв натолкнулся на категорический отпор.

— Хм, — натянуто проямлил он. — Я лишь зря трачу свое время. И твое.

Я мельком взглянула на свою правую руку. Зазубрина на ногте безымянного пальца увеличилась. Надо срочно достать пилку, пока не стало хуже.

— Я к тебе со всей душой... — недоверчиво произнес Карлтон.

Я в упор уставилась на него, колеблясь, стоит ли продолжать разговор.

— Карлтон, у тебя было предостаточно женщин, считавших твою персону окончанием своих поисков, — наконец сказала я.

Они тянулись к нему в дом и обратно бесконечной вереницей на протяжении всех четырех лет. Симпатичный мужчина без видимых недостатков и со стабильным доходом в таком малонаселенном городишке. Воистину, краса сельскохозяйственной отрасли.

— Спасибо за то, что не выдал меня полиции. На самом-то деле я знать не знаю, кто убил Пардона, и мне жаль тратить время на уверения копов в собственной невинности.

Мне казалось, что я вполне любезна со своим гостем, но Карлтон обиженно произнес:

— До свидания, Лили, — и поспешно ретировался.

К счастью, он вовремя спохватился и не хлопнул дверью изо всех сил.

Отыскивая пилку для ногтей, я только качала головой. Под ссохшейся навозной коркой натуры Карлтона сохранилось доброе начало. Я задалась вопросом, как рисовал себе этот визит он сам.

«Лили, я красивый мужик и твой сосед. Своим молчанием я показываю тебе, какой я любезный и надежный. Тебе стоит в меня втюриться».

«Спасибо, очаровашка, хотя раньше ты в мою сторону даже не смотрел. Тогда, поздно ночью, я выходила по одному таинственному, но безобидному поручению. Я вовсе не такая чудачка, какой кажусь со стороны. Я так благодарна тебе за то, что ты избавил меня от допроса у этих грубиянов-полицейских. Я абсолютно ни в чем не повинна, разве только в неукротимом желании улечься с тобой в постель или попросить тебя составить для меня следующую налоговую декларацию».

Я беззлобно посмеялась. Мне необходима была разрядка, перед тем как отправиться на

следующую работу.

Несколько дней назад мне позвонила секретарша Объединенной церкви Шекспира и попросила поработать — привести в порядок помещение после собрания правления сада для дошкольников при ОЦШ.

Без пяти пять я вышла из дома и отправилась туда пешком. Миновав Садовые квартиры, я прошагала мимо просторной автостоянки, находящейся в конце Трэк-стрит. Сад для дошкольников, в котором по воскресеньям проводятся занятия, расположен позади этой стоянки. Он представляет собой длинную двухэтажную пристройку к церкви, вдоль нее проложена крытая дорожка, загибающаяся под прямым углом к храмовому зданию. Церковь, увенчанная белым шпилем, развернута фасадом к Джамайка-стрит. По традиции она выстроена из красного кирпича, впрочем, храмовая часть заведения мне практически неизвестна, поскольку и канцелярия настоятеля, и кабинет секретаря размещаются на втором этаже пристройки для воскресной школы.

Если я когда-нибудь и начну ходить в церковь, то нипочем не остановлю свой выбор на Объединенной церкви Шекспира, или ОЦШ, как привыкли называть ее горожане. Она возникла вследствие того, что разрозненные конфессиональные группки удивительным образом сплотились, чтобы объединить пожертвования, нанять священнослужителя и выстроить культовое сооружение, которое служило бы им всем одновременно. Они подыскали и пригласили преподобного Джоэла Маккоркиндейла, затем провели подписку и собирали средства до тех пор, пока денег не оказалось достаточно на постройку церкви, а затем и воскресной школы.

Преподобный Маккоркиндейл не имеет равных в умении вести дела. Я видела его за работой. Он помнит буквально каждого, знает, какие у кого родственники, справляется о болящих, соболезнует насчет кончин, поздравляет с достижениями. Если ему и случается что-то запомнить, то он с прискорбием в этом сознается. У него есть жена, страшная чистюля, и двое не в меру улыбчивых, опрятных сынков.

У меня нет причины сомневаться в том, что Джоэл Маккоркиндейл по-настоящему предан своему делу, но при одном взгляде на него мой затылок холодеет, а я привыкла доверять этому чувствительному органу. Насколько мне известно, преподобный Маккоркиндейл ни разу в жизни не преступал закон и, возможно, никогда так не поступит. Но я кожей чувствую его потенциальную способность к совершению воистину мерзкого поступка — она томится под крышкой его наружности. Я сама долгие годы жила, ни на шаг не отходя от внешнего благоразумия, поэтому мое восприятие мгновенно и безошибочно распознает в других зыбкие жилки непостоянства.

До нынешнего времени его склонность к изменчивости проявилась только в наиме церковного привратника. Норвел Уитбрэд возник однажды утром на паперти, в стельку пьяный. Джоэл Маккоркиндейл пригласил его войти, влил в него приличную дозу для поднятия духа — не только религиозного, — а затем принял на работу в качестве слесаря-ремонтника.

С виду Норвел, как и его начальник, вполне приличный человек. Теперь этого типа никто не застает пьяным, он действительно мастер на все руки и встречает прихожан неизменной улыбкой. Норвел щедр на словесные изъявления благодарности своему патрону и остальной пастве, так что все складывается к взаимному удовольствию.

Если у преподобного Маккоркиндейла и таится внутри темное чудище, то оно

содержится там под спудом. Святой отец весьма преуспел в его усмирении и сокрытии. А вот Норвел внутри просто прогнул, основательно и окончательно. Его бравада — не более чем симуляция. Я уверена, что и трезвость тоже. Из всех гробов повапленных Норвел — самый что ни на есть настоящий.

ОЦШ оплачивает Норвелу съемное жилье — одну из Садовых квартир Шекспира Уитбред также получает жалованье, вдобавок прихожане часто приглашают его в гости на обед или ужин. Взамен он моет в церковных зданиях туалеты и полы, два раза в год протирает окна, ежедневно опорожняет баки для отходов, подбирает мусор на парковке и производит кое-какой мелкий ремонт. Иногда Норвел выполняет и небольшие поручения по просьбе Пардона Элби в его доме, однако решительно отказывается от сугубо женских дел, например загрузить посуду в огромную посудомоечную машину или готовить и разносить кофе. Вот и получается, что если ни одна из сестер не имеет возможности потрудиться во славу Божию, то в моем рабочем графике появляется непредвиденная статья, связанная с этой церковью.

Для обсуждения спорных вопросов руководства садом для дошколят проводятся ежеквартальные собрания правления, где заседают избранные члены ОЦШ. Эти мероприятия всегда протекают в оживленной атмосфере, и меня то и дело просят их обслуживать — подавать кофе и блюда с печеньем. В самом деле, если бы прочие прихожанки послушали прения заседателей, то, в зависимости от личных свойств характера, скорее всего, померли бы со смеху или убежали бы в отчаянии куда глаза глядят.

Когда я пришла на этот раз, Норвел Уитбред сидел без всякого дела в кухне, расположенной в удаленном от церкви конце здания воскресной школы. К разделочному столу были прислонены внушительная метла и совок для мусора, как бы защищая его честную репутацию.

— Как ди-эла си-эгодня, сестра Лили? — процедил он, потягивая из банки что-то безалкогольное.

— Какая я тебе, к черту, сестра, Норвел, — огрызнулась я.

— Если хочешь работать здесь, попридержи язык, женщина!

— А ты, если хочешь работать здесь, прекращай доливать спирт в колу!

Я за полтора метра чувствовала, как от него разит бурбоном. На костистом худосочном лице Норвела с сильно выступающим носом отразился откровенный испуг. Я не сомневалась, что церковный неопит и всеобщий любимчик уже забыл времена, когда с ним разговаривали без лишних церемоний. Его сегодняшняя одежда наверняка досталась ему от кого-то из прихожан. Норвел по собственной воле никогда не купил бы себе ни эти мешковатые брюки коричневого цвета, ни слишком просторную рубашку в мелкую полоску.

Пока я доставала кофеварку на двадцать чашек, Норвел успел опомниться и прогнусавил:

— Я состою в этой церкви, а ты — нет. Моему слову все поверят.

— Вот что я скажу тебе, Норвел. Ты можешь пойти и рассказать своим единоверцам все, что только угодно. Они поверят тебе и уволят меня. Тогда другая уборщица, которую возьмут на мое место, с превеликой радостью поведаст им о твоих питейных пристрастиях. Или же уволят именно тебя, по крайней мере глаз спускать не будут. По-моему, Норвел, ты в любом случае остаешься в убытке.

Моя прежняя установка состояла в том, чтобы избегать или игнорировать Норвела, но сегодня я вознамерилась дать ему отпор. Может быть, сдержанность в разговоре с

Карлтоном исчерпала мою дневную квоту приятностей, или же на сегодня просто выпало слишком много бесед с глазу на глаз. Иногда у меня за целую неделю не набирается столько собеседников, сколько случилось сегодня.

Норвел туго шевелил мозгами, и я тем временем успела собрать кофеварку, заправить ее и отыскать поднос для разносортной выпечки, оставленной на кухонном столе в белой коробке.

— Я поквитаюсь с тобой за это, сучка, — прошипел Норвел.

В беспощадном флуоресцентном освещении его впалые щеки казались совсем ввалившимися.

— Нет, не поквитаешься, — уверенно ответила я.

Норвел, подстегиваемый горячительным, сатаной или ими обоими, перешел к действиям. Он схватился за метлу и замахнулся на меня, но я тут же взялась за черенок, поднырнула под руку Норвела, выкрутила древко и снова повернулась к нему. Рука Уитбрета переплелась с черенком — ужасно болезненное положение, как я сама убедилась, когда Маршалл обучал меня этому приему.

Норвел взвизгнул пронзительно, словно крыса, и, разумеется, на кухню сей же час поспешил преподобный Маккоркиндейл. Я узнала о приближении пастора еще до его появления по аромату лосьона для бритья. Святой отец неравнодушен к приятным запахам. Мне оставалось лишь слегка переменить положение ног и пнуть Норвела в подколенную ямку. Уитбред, охая и стеная, скорчился на чисто вымытом кухонном полу, а я, скрестив руки на груди, обернулась к двери, чтобы объяснить с его преподобием.

В тех редких случаях, когда Джоэл Маккоркиндейл предстает передо мной с закрытым ртом, его облик разительно отличается от обычного. На этот раз, стоило ему взглянуть на Норвела, а затем снова на меня, его губы неприязненно сжались. Я представила себе пастора в отрочестве, когда Джоэл Маккоркиндейл, смотрясь в зеркало, видел там совершенно заурядного юнца. Возможно, в те моменты он и давал себе торжественную клятву так усовершенствовать свои личные качества и развить невероятной красоты голос, чтобы они перекрыли собой отсутствие физической исключительности. Это человек среднего роста, веса и колорита. Телосложения он тоже самого обычного — не очень мускулистый, но и не совсем тщедушный. Зато его внутреннее содержимое прямо-таки переплескивает через край. Джоэл Маккоркиндейл способен заполнить весь объем помещения своим одобрением, невозмутимостью или осуждением. В данный момент он наполнил кухню раздражением.

— Что здесь происходит? — спросил священник тем самым внушающим трепет голосом, каким, должно быть, Бог взывал к Моисею из неопалимой купины.

Правда, думаю, Господь не опустился бы до сварливых ноток. Норвел заныл, держась за травмированную руку. Я знала, что в присутствии своего талона на обед во плоти он не решится открыто выступить против меня, а потому отвернулась к раковине и принялась мыть руки, чтобы выложить на поднос остатки выпечки.

— Мисс Бард! — последовал окрик.

Я вздохнула и снова повернулась к ним. Мне всегда приходится расплачиваться за минутное удовольствие. К тому же люди склонны говорить лишнее там, где можно смолчать.

— Что здесь произошло? — сурово повторил преподобный Маккоркиндейл.

— Норвелу кровь ударила в голову, вот я и охладила его.

Я решила, что этими словами вернее всего избегну дальнейших объяснений. Святой

отец немедленно мне поверил, как я, собственно, и предугадывала. Я заметила, что он пару раз окинул меня придирчивым взглядом. Интуиция подсказала мне, что он не счел приставание ко мне мужчины лишенным вероятия.

— Норвел, это правда?

Уитбред, фигурально выражаясь, прочел на стене предостерегающие письма и кивнул. Мне оставалось гадать, каким образом его дальновидности удалось одержать верх над яростью.

— Брат Норвел, после собрания мы с вами побеседуем в моем кабинете. — Тот снова кивнул, а его преподобие продолжил бесподобным голосом, насыщенным гипнотическими модуляциями: — А теперь позвольте мне помочь вам подняться и выйти, чтобы сестра Лили могла закончить свою работу.

Через минуту кухня была в полном моем распоряжении. Отыскивая салфетки, я решила, что возлияния Норвела не могли ускользнуть от всевидящего ока Элби, поскольку Пардон встречал его не только в церкви, но и в собственном доме. Мне пришла мысль, не припугнул ли тот, по моему примеру, Норвела разоблачением. Натурально, Уитбред вполне годился в убийцы Пардона. Будучи привратником, он скорее других заметил бы мою тележку, выставленную по вторникам на повороте аллеи, и, наверное, вспомнил бы про нее при необходимости перевезти объемистый груз.

Я все сильнее проникалась этой идеей, не вызывавшей у меня, впрочем, особого доверия. Норвел — слизняк, и я была бы только рада, если бы он убрался куда-нибудь из дома, стоящего бок о бок с моим. Но я очень сомневалась в деловых талантах Норвела, которые позволили бы ему отделаться от трупа вышеозначенным способом. Разве что отчаяние придало ему сообразительности...

На поднос я поставила заменитель сахара и плошку с настоящим рафинадом, затем достала два термоса и налила в них свежий кофе. К тому времени, как члены правления собрались в небольшом зале заседаний, расположенном прямо напротив учебного класса, в нем на сервировочном столике были выставлены чашки с блюдами, тарелки для десерта, салфетки, термосы с кофе и подносы с печеньем. Мне оставалось только дожидаться окончания собрания, обычно длившегося около полутора часов, чтобы перемыть посуду. Затем я с легким сердцем могла отправляться на тренировку по боевым искусствам.

С четверть часа я прибиралась в кухне. Немного дополнительной работы — хорошая самореклама, к тому же избавляющая от скуки. Потом я перешла в учебный класс, просторное помещение размером сорок на двадцать футов. Письменные столы в нем расставлены по периметру, под них задвинуты складные стульчики. Занятия в детском саду проводятся каждый день, поэтому столы грязнятся, а стулья часто расставлены как попало, хотя учителя строго-настроено велят детишкам следить за порядком.

Я любовно протерла мебель в классе, и если случилось так, что уборку я закончила возле дверей, ведущих в зал заседаний, то это потому, что мне стало скучно. Однако я твердо знала, что все нечаянно услышанное здесь не подлежит разглашению, так же как и увиденное в тех домах, куда меня зовут для работы.

Дверь в зал заседаний для лучшей вентиляции была распахнута настежь. В это время года воздух в помещениях, лишенных окон, бывает очень спертым. Я не взяла с собой никакой книжки, поэтому подумала, что прения заседающих меня немного развлекут и время до начала уборки пролетит быстрее.

Вскоре до меня дошла суть дела: одна из учительниц во время проведения Недели

динозавров дала на своем уроке понятие эволюции. Как я ни старалась придать вес этому факту, мне это не удалось, зато все члены правления поголовно сочли его вопиющим. Я сразу задумалась о том бдительном дошколенке, который заложил свою учительницу. Если теперь ее уволят, то какие выводы должен будет сделать для себя этот ребенок?

Брат Маккоркиндейл, мнение которого прозвучало первым, высказывался за приглашение провинившейся для диалога, по его выражению. Результаты разговора, мол, и позволят сделать выводы. Он был непогрешимо убежден в том, что учительница, о которой преподобный отозвался как о богобоязненной и детолюбивой особе, заслуживает возможности объясниться и покаяться.

Еще одна заседательница, Лэйси Дин Кнопп, овдовевшая и вторично замужняя мать Дидры, склонялась к тому же, оговариваясь, впрочем, что само упоминание слова «эволюция» было серьезным упущением со стороны учительницы. Остальные шесть членов правления требовали без долгих отлагательств уволить виновную.

— Если эта ошибка типична для наших преподавателей, то мы должны тщательнее проверять их при приеме на работу, — заявил гнусавый женский голос.

Я узнала его — он принадлежал Дженни О'Хаген. О'Хагены руководят местным филиалом сети ресторанов «Биппиз», имеющей точки по всей стране. Дженни и Том О'Хаген до отказа заполняют свое время работой, деловыми встречами, церковными собраниями и телефонными переговорами с разнообразными общественными организациями, в которых они состоят, — то есть везде, куда их готовы принять, — что является для обоих наилучшим средством спасения от свободного времени и общения друг с другом.

Дженни и Том занимают одну из Садовых квартир Шекспира — ту, что по фасаду на первом этаже, справа от Пардона Элби. Понятно, что у них нет ни минутки свободной на уборку своей квартиры, поэтому они тоже мои клиенты. Я всегда радуюсь, когда, придя к ним, не застаю никого дома, однако чаще всего тот из супругов, кто работал в ресторане в ночную смену, в это время только-только встает с постели.

Я не знала, что О'Хагены имеют отношение к ОЦШ, тем более входят в ее правление. Впрочем, ничего удивительного. Для жизненной философии О'Хагенов это вполне типично. Бездетная Дженни всеми правдами и неправдами пролезла в руководство детским садом, потому что это учреждение — самое престижное в Шекспире. Устроить ребенка в него можно, лишь отстояв очередь. Пятнадцатого октября Дженни, судя по всему, встречалась с мужем с целью зачать ребенка и теперь не жалеет времени на заседания правления, чтобы обеспечить будущему чаду место в детском саду.

Поскольку в обсуждении участвовали мои клиенты, я с усиленным вниманием стала прислушиваться к обмену репликами, от которых атмосфера в зале все больше накалялась. Все разгорячились до того, что я подумала, не следовало ли заварить им кофе без кофеина вместо обычного.

В конце концов правление сошлось на том, что злосчастная молодая училка заслуживает строгого порицания, а не увольнения. Постепенно я потеряла интерес к повестке дня, в которой далее стояли вполне светские вопросы: бюджет церковной школы, медицинские анкеты, заполняемые учениками... Скукотища! Но вскоре я вовсе не пожалела, что не отвлеклась на какие-нибудь дела, поскольку неожиданно в зале назвали знакомое мне имя.

— Теперь я вынужден вынести на обсуждение не менее серьезную проблему.

Предварить ее я хотел бы просьбой ко всем вам сегодня вечером помянуть в своих молитвах нашу сестру Тею Седака. Она сейчас дома и жестоко страдает.

В зале заседаний повисло гробовое молчание. Члены правления, да и я вместе с ними, затаив дыхание, жаждали разузнать, что происходит в семействе Седака. Меня посетило необъяснимое ощущение, что с Маршаллом случилось нечто очень важное. Сейчас, не сходя с места, я узнаю, что именно.

— Тея больше не живет с мужем. — Брат Маккоркиндейл, конечно же, умел выдерживать паузу для пушшего эффекта. — Они расстались. Я сообщаю вам эту заведомо личную подробность лишь для того, чтобы вы приняли ее в расчет. Далее я скажу, что мать одной из девочек нашего дошкольного заведения обвинила Тею в рукоприкладстве.

Я с нетерпением ждала окончания тирады, суть которой скрывалась в самом конце. Мои брови сами собой поползли вверх от недоумения. Рукоприкладство по отношению к детям — строжайшее табу в этом дошкольном учреждении, как, надеюсь, и в любом другом.

Я ясно расслышала донесшийся из зала всеобщий вздох смятения.

— Это гораздо страшнее, чем рассказы об эволюции, — печально констатировала Лэйси Дин Кнопп. — Джоэл, мы не можем оставить это так.

— Разумеется, не можем. Благополучие детей, состоящих на нашем попечении, — наша первостепенная забота, — ответил преподобный Маккоркиндейл.

Пусть у меня создалось впечатление, что он процитировал школьный учебник, но его слова прозвучали вполне искренне.

— Однако я должен уведомить вас, мои братья и сестры во Христе, что Тея глубоко раскаивается в том, что дала девочке повод думать, будто она собирается поднять на нее руку.

— Она все отрицает? — До Дженни О'Хаген раньше других дошел смысл сказанного.

— Тея призналась мне, что девочка преклонила ей, и не раз за одно утро, а семь или восемь. Тея понимает, что ее задача как учителя — терпеливо устранять такого рода поведение, но, поскольку у нее сейчас непростая личная ситуация, она несколько потеряла самоконтроль и слегка шлепнула провинившуюся девочку по щеке, чтобы призвать ее к вниманию. Вот как она сама мне это показала.

Понятно, что я не могла видеть воспроизведение ситуации Маккоркиндейлом.

— А свидетели были? — поинтересовалась Дженни.

Мне подумалось, что у нее неплохие данные для работы дознавателем.

— К сожалению, нет, Дженни. Тея уединилась с девочкой в классе. Она не отпустила ее на перемену и вместо этого проводила с ней воспитательную беседу о плохом поведении.

В зале воцарилась тишина. Вероятно, члены правления погрузились в задумчивость.

— Мне думается, мы должны вызвать ее на ковер, — пророкотал один из старейших членов правления. — Телесные наказания — прерогатива родителей, но никак не учителей нашей школы.

Я кивнула.

— Значит, вы предлагаете сохранить ей место? — многозначительно осведомился Джоэл Маккоркиндейл. — Мы должны принять какое-то решение — Тея ждет его. Я лишь хочу напомнить вам, что она — наша постоянная прихожанка. Ей сейчас очень нелегко. Родители девочки сказали мне, что согласятся с любым нашим решением.

В сущности, этим они едва ли не предлагали священнику поехать напрямик к Тее с радостной вестью, что она прощена — при условии, что проступок не повторится.

У настоятеля не осталось в запасе ни одной сенсации, и собрание явно двигалось к завершению. К тому времени, как члены правления вышли из зала, я предусмотрительно удалилась в кухню, где меня не было видно и слышно. Мне подумалось, что Джоэл Маккоркиндейл зайдет туда расспросить меня поподробнее о стычке с Норвелом, но, когда заседатели разошлись, я услышала шаги его преподобия, поднимавшегося к себе в кабинет на второй этаж.

Перебивая посуду и запаковывая остатки выпечки, я поймала себя на сожалении о том, что не осталась в кухне на протяжении всего собрания. Меньше чем через час мне предстояло увидеть Маршалла Седаку. Меня смущала информированность о тех подробностях его личной жизни, о которых он сам предпочитал умалчивать. Я взглянула на наручные водонепроницаемые часы, поспешно выжала тряпочку и аккуратно повесила ее на перегородку мойки. Было уже без двадцати семь.

У меня оставались буквально минуты на то, чтобы переодеться в кимоно, поэтому я, естественно, не слишком обрадовалась, увидев Фридриха, явно меня поджидавшего. Он небрежно опирался на полицейскую машину, поставленную напротив моего дома на повороте подъездной аллеи. Клод что, решил так меня попугать?

— Здравствуйте, мисс Бард, — пророкотал шеф полиции.

Его руки были непринужденно скрещены на груди, а одет он был в штатское — в будничную рубашку в зелено-коричневую полоску и защитного цвета штаны.

— Я очень сильно тороплюсь, — ответила я, стараясь не выдать раздражения, иначе Фридрих возомнил бы, что ему удалось вывести меня из себя.

— Разве не хороши маленькие городки тем, что жизнь в них как будто замедлена? — лениво поинтересовался он.

Я застыла на месте. Плохое предчувствие посетило меня.

— Шекспир не такой оживленный, как Мемфис, например, — добавил Фридрих.

Голову мне пронзило острой болью. Я знала, что это всего-навсего эмоции, но приступ был точь-в-точь похож на мигрень. А затем на меня нахлынула волна гнева — столь сильная, что я будто окоченела.

— Вот об этом не надо! — потребовала я с такой горячностью, что не узнала собственный голос.

«Лучше не начинайте!»

Не глядя на Фридриха, я вошла в дом, думая о том, что если он вздумает стучаться, то вынужден будет арестовать меня. Ведь сначала я вмажу ему как следует. С колотящимся сердцем я прислонилась к входной двери, слушая гул его удаляющейся машины. Руки вспотели так сильно, что мне пришлось несколько раз вымыть их, прежде чем снять рабочую одежду и натянуть белоснежные тренировочные брюки. Куртку и пояс я загодя свернула и положила в сумку — в клуб «Телу время» поеду в обычной белой майке и там надену остальное. Я нащупала в сумке пояс и некоторое время не отпускала его. Зеленый пояс по карате был самым ценным моим достижением. Затем я снова взглянула на часы и через кухонную дверь заспешила к автостоянке.

На парковку клуба «Телу время» я въехала ровно в половине восьмого — так поздно еще никогда не являлась. Я толкнула стеклянные створки дверей и бегом миновала главный зал для силовых упражнений. В этот вечерний час здесь еще оставалась горстка самых жизнестойких, трудившихся над поднятием тяжестей и на велосипедных тренажерах. Я знала их лишь с виду, поэтому просто кивнула в знак приветствия, а потом заторопилась в

глубь зала. Там находился выход в коридор, вдоль которого различные двери вели в канцелярию, туалеты, массажную комнату, солярий и кладовую для спортивного инвентаря. В конце коридора была расположена двойная дверь. Увидев ее, я упала духом. Если она закрыта, значит, тренировка уже началась.

Я осторожно повернула ручку, стараясь сделать это бесшумно, и на пороге поклонилась, зажав сумку под мышкой. Выпрямившись, я увидела, что все в классе уже приняло позицию шико-дачи — ноги расставлены, лица спокойны, руки скрещены на груди. Некоторые скосили глаза в мою сторону.

Я отошла к стульям, поставленным вдоль стены, стянула кроссовки и носки, а затем, отвернувшись к стене, облачилась, как подобает, в тренировочную куртку. Обернув оби вокруг талии, я в рекордное время затянула узел, а затем молча побежала на свое место в шеренге, второе по счету. Рафаэль Раундтри и Джанет Шук, едва я вошла, незаметно раздвинулись, чтобы впустить меня. Я мысленно поблагодарила их за это.

Я коротко поклонилась Маршаллу, избегая встречаться с ним глазами, и приняла нужную позицию. Потратив несколько секунд на выравнивание дыхания, я все-таки украдкой взглянула на тренера — его темные брови были чуть приподняты. Маршалл, потомок восточных полукровок, подтверждает свое происхождение ореолом таинственности, которую неуклонно пестует. Вот и сейчас его треугольное лицо, в котором арийский румянец соперничал с азиатской бледностью, осталось невозмутимым, но в разлете бровей проступала бездна чувств — удивление, разочарование, неодобрение.

Шико-дачи — позиция, похожая на сидение в воздухе. Она довольно тягостна и сложна для исполнения даже после долгих упражнений. Наилучший способ выдержать ее — это сосредоточиться на чем-нибудь постороннем, по крайней мере для меня. Однако я была слишком расстроена и не могла погрузиться в медитацию, поэтому пробежалась глазами по лицам таких же страдальцев, которые отражались в зеркале, на противоположной стене.

Новичков всегда ставят в конец шеренги. Голова последнего из них была склонена, колени дрожали. Вероятно, класс принял позицию минуты полторы-две назад, так что я пропустила совсем немного.

Через несколько секунд я начала успокаиваться. Мышечное напряжение отвлекло мое внимание и притупило беспокойство, вызванное встречей с полицейским. Свою медитацию я начала с системы ката, к которой мы должны были приступить позже. Не обращая внимания на боль в четырехглавых мышцах, я мысленно представляла себе различные процессы, пополнявшие «джейки сей ни бон», вспоминала часто допускаемые ошибки, предвкушая оттачивание изящества и силы ката — череды боевых ударов, блокировок и выпадов, сплетенных в своеобразный танец.

— Три минуты, — произнес первый в ряду, чернокожий исполин Рафаэль Раундтри. Часы у него были пристегнуты к оби.

— Еще одна, — сказал Маршалл, и я почувствовала всеобщее неудовольствие, хотя никто в шеренге даже не пикнул. — Следите, чтобы ваши бедра были параллельны полу.

По строю пробежала рябь незаметных движений. Все корректировали позу. Одна я стояла неколебимо, как скала. Шико-дачи у меня практически идеальна: ноги расставлены как должно, носки развернуты под надлежащим углом, а спина прямая, словно струнка.

На минуту я отвлеклась от медитации и снова заскользила взглядом по отраженным в зеркале соученикам. Последний в ряду испытывал серьезные затруднения. Несмотря на легкие шорты и футболку, пот градом катился по его лицу, а ноги ужасно тряслись. Я

испытала легкое изумление, узнав в бедолаге своего ближайшего соседа Карлтона Кокрофта, так любезно предупредившего меня о том, что от него не укрылась моя ночная прогулка.

Я снова сомкнула веки и попыталась сосредоточиться на ката, но мешали удивление вместе с одолевшими меня догадками.

Возглас Рафаэля:

— Четыре минуты! — принес огромное облегчение всем в классе, в том числе и мне.

Мы распрямились, переминаясь с ноги на ногу, чтобы прогнать боль.

— Лили! Разминка! — выкрикнул Маршалл, пробежав глазами по шеренге и едва выделив меня взглядом.

Затем он отошел в угол, чтобы наблюдать за нами и пресекать малейшие попытки дать слабинку. Я поклонилась и побежала на его место, затем развернулась лицом к ученикам. Сегодня вечером нас собралось всего восемь. Из женщин были только я и Джанет. Мы с ней примерно одного возраста. Я думаю, что ей тридцать — на год меньше, чем мне. У мужчин возрастной диапазон был шире — от двадцати до пятидесяти пяти.

— Киостке! — резко произнесла я, призывая всех к вниманию, и затем, поклонившись, распорядилась: — Рэй!

Все поклонились мне в ответ, Карлтон чуть запоздал. Он усердно следил за своим соседом в шеренге, перенимая движения, и мне стало любопытно, что могло его сюда привести. Однако класс ждал моих указаний, и я вытянула правую ногу, осторожно балансируя на левой.

— Носок ноги вверх... и вниз, — наставляла я.

Через несколько минут я закончила разминку выпадами в обе стороны с вытянутыми вперед для равновесия руками, затем поклонилась Маршаллу и побежала на свое место.

— Любимая ученица, а опаздываешь! — шепнул мне Рафаэль одним уголком рта.

Мы с ним часто проводим разминку по очереди. Рафаэль — учитель математики в средней школе. Видимо, карате дает ему возможность выпустить лишний пар.

— Впервые в жизни! — шепнула я в оправдание и увидела, как Рафаэль обнажил зубы в ухмылке.

Маршалл дал нам короткую передышку, и я, хлебнув воды из фонтанчика в силовом зале, направилась к Карлтону. Он выглядел до предела изнуренным, от его «съедобности» не осталось и следа. Лицо стало багрово-красным, а волосы пропитались потом. Прежде я ни разу не видела, чтобы Карлтон вышел на улицу непричесанным, тем более взъерошенным.

Рафаэль подтянулся следом за мной раньше, чем я успела заговорить со своим соседом, и мне пришлось познакомить их. Я считаю Рафаэля другом, хотя вне клуба мы не общаемся. Может быть, теперь я и Карлтона запишу к себе в приятели — после четырех лет проживания бок о бок. Кажется, после нашего обмена колкостями он пересмотрел некоторые свои взгляды.

— Что же побудило тебя прийти на занятие? — с откровенным любопытством спросил его Рафаэль.

Очевидно было, что Карлтон — далеко не качок.

— У меня есть брошюры Маршалла, — пояснил тот, и это стало для меня новостью. — К тому же Лили вот уже четыре года — с тех пор, как я купил дом с ней по соседству — постоянно посещает его занятия, и у нее такой счастливый вид, когда она туда отправляется. Я сегодня позвонил Маршаллу, и он предложил мне попробовать. Что там дальше? Я и так еле выдержал эту шигу, или как там ее...

— А дальше будет ритмика! — заявил Рафаэль с совершенно садистской усмешкой.

— Опять? — в ужасе переспросил Карлтон.

Мы с Рафаэлем переглянулись и дружно расхохотались.

Когда последний ученик покинул зал, я все еще шнуровала кроссовки. Я нарочно медлила, чтобы переговорить с Маршаллом. Мне не хотелось назначать отдельную встречу. Это нарушило бы равновесие наших своеобразных взаимоотношений.

— Припоздала сегодня, — обронил Маршалл, аккуратно складывая куртку кимоно и убирая ее в спортивную сумку.

После тренировки его руки на фоне белой майки приобрели отчетливый оттенок слоновой кости. Бабушка Маршалла была китайкой, а отец — американцем. Он сам однажды говорил об этом Рафаэлю, а я стояла поблизости и слышала. Если бы не цвет кожи, не черные прямые волосы и темные глаза, то его расовую принадлежность сложно было бы вычислить. Он чуть старше меня — думаю, ему около тридцати пяти — и всего на три дюйма выше, зато этот человек сильнее и опаснее любого, кого мне доводилось встречать в своей жизни.

— Из-за полиции, — коротко объяснила я.

— Что?.. Из-за Пардона? — заинтересовался вдруг Маршалл, но я лишь пожале плечами, и тогда он заметил: — Тебе сегодня что-то не давало покоя.

Маршалл ни разу не достаивал меня более личными замечаниями, чем, например, «Хороший удар», «Кисть и запястье должны продолжать линию руки», «Ты хорошо поработала над своими бицепсами». Однако наши долгие товарищеские отношения не позволили мне отмолчаться.

— Есть пара причин, — нехотя ответила я.

Мы оба сидели на полу — нас разделяло полтора метра. Маршалл уже натянул одну кроссовку и теперь ослаблял шнуровку на другой. Он успел обуть ее и зашнуровать, пока я надевала второй носок. Затем Маршалл скрестил ноги и переплел их, как делают йоги, оперся о пол предплечьями и приподнялся на них, удерживая вес тела в воздухе. В таком забавном положении он «пошагал» ко мне, и я попыталась вымучить улыбку, но наше сближение не радовало меня. Мы с Маршаллом никогда не вели доверительных разговоров.

— Так расскажи, — предложил он.

Я зашнуровывала кроссовки и молча тянула время, не зная, как поступить. Где-то в канцелярии зазвонил телефон, и Маршалл повернулся на звук, а я тем временем украдкой поглядела на него. Позвонили, впрочем, всего два раза. Кто-то из служащих взял трубку.

Форма лица у Маршалла ближе к треугольной, губы узкие, а нос сплюснен от ударов. В нем есть что-то кошачье, за исключением вкрадчивости. Телосложением наш тренер скорее напоминает бульдога. Я подумала, что пора определиться: продолжать беседу или заявить об отказе от нее.

— Пардон Элби был вашим партнером? — наконец произнесла я.

— Да.

— И как же теперь?

— У нас был подписан контракт. Если один из нас умирает, другой наследует весь бизнес целиком. Пардону некого было вовлекать со своей стороны. У меня была Тея, но с ней он не хотел иметь дела, поэтому оформил на меня страховой полис на жестких условиях. Если бы со мной что-то случилось, то Тея получила бы только страховую сумму, а не долю в

бизнесе.

— Так теперь... вы владеете клубом?

Он кивнул, изучающе глядя на меня. Я больше привыкла сама пригвозждать других неподвижными взглядами, чем оказываться их мишенью, и мне стоило усилий не выдать беспокойства. К тому же Маршалл придвинулся ко мне гораздо ближе, чем принято у посторонних людей.

— Что ж, хорошо, — натянуто произнесла я, и он снова кивнул. — Полиция уже спрашивала вас о Пардоне?

— Завтра я зайду в участок и поговорю с Дольфом Стаффордом. Мне не хотелось приглашать их сюда.

— Конечно.

Я думала о том, что не имею права заговаривать о Тее — о том, что она ударила девочку. Мне никто об этом нарочно не сообщал, хотя по всему Шекспиру уже ходили сплетни и каждый что-то об этом слышал. А о том, почему Маршалл бросил Тею, спрашивать в лоб было тем более неудобно. Атмосфера все сгущалась, и я чувствовала, что начинаю нервничать.

— А... другая причина? — спокойно спросил он.

Я окинула его быстрым взглядом, снова уставилась на руки, которые без устали тербели чертовы шнурки, и небрежно проронила:

— О ней я говорить не хочу.

— Я ушел от Теи.

— Вот как...

Мы снова сцепились взглядами, и я ощутила, как у меня в горле взбухают пузырьки истерического смеха.

— Ты не хочешь узнать, из-за чего?

— Что «из-за чего»?

Я несла какую-то чушь, но никак не могла собраться с мыслями. Мне не хватало сил сохранять спокойствие. Беседа наедине, телесная близость, разговор по душам — это кого угодно выведет из равновесия.

Маршалл лишь покачал головой и заявил:

— Ничего, Лили. Можно и мне тебя кое о чем спросить?

Я настороженно кивнула. Мне пришло в голову, что мы вдвоем, вероятно, похожи на деревянную игрушку — птичек, поочередно клюющих свой насест.

— Откуда у тебя шрамы? — мягко поинтересовался Маршалл.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Из зала вдруг словно выкачали весь воздух.

— Тебе не надо это знать, — сказала я.

— Нет, надо, — возразил он. — Пока не узнаю, мы никуда с тобой не продвинемся.

Я взглянула в зеркало, висевшее за спиной Маршалла, и не узнала в нем свое отражение.

— Люди меняют свое отношение ко мне, как только узнают об этом. — Во рту у меня резко пересохло, и говорить стало трудно.

— Я не поменяю, — настаивал Маршалл.

Но он не знал, о чем говорил. То невысказанное, что связывало нас, неминуемо разрушилось бы от моего признания, а ему, судя по всему, прежних отношений было уже мало.

— Зачем тебе это нужно? — Я сцепила руки, но они все равно тряслись.

— Пока я не узнаю все, не смогу лучше понимать тебя, — вымолвил он с терпеливой настойчивостью. — А я очень хочу узнать тебя получше.

Тогда я быстрым движением задрала и сдернула с себя футболку. Под ней был надет обычный белый спортивный бюстгальтер. Разглядев шрамы как следует, Маршалл со свистом втянул воздух. Глядя в сторону, я слегка повернулась, чтобы ему были видны и те, что шли по плечам, вторя бретелькам бюстгальтера, затем снова села прямо, чтобы Маршалл полюбовался моей исполосованной подключичной областью. Слегка отклонившись назад, я дала ему возможность оценить нитевидные белесые дуги, краями уходящие вниз, за край брюк, и только после этого поглядела ему прямо в глаза.

Маршалл не мигнул, его подбородок словно окаменел. Мой тренер героическим усилием сохранял прежнюю невозмутимость.

— Я ощутил их под футболкой на прошлой неделе, когда на занятии схватил тебя за плечо, но не думал, что они такие...

— Обильные? — грубо оборвала я, свирепо уставившись на него.

— У тебя вся грудь... изрезана? — спросил Маршалл, чудом сохраняя бесстрашие в голосе.

— Нет, зато вокруг полностью. Кругами. Узорами.

— Кто это сделал?

То, что случилось тогда со мной, разрезало мою жизнь надвое глубже и вернее, чем ножи, прочертившие на коже кровавые завитки. Я уже не могла более сдерживаться, вспомнила все заново, опять погрузилась в ставший привычным ад. Тот июнь выдался непомерно жарким...

Зной не спадал уже целый месяц. Я закончила колледж и последние три года жила в Мемфисе. В восточной части города я снимала хорошую квартиру и работала в офисе «Королевы чистоты» — одной из крупнейших фирм по уборке помещений и участков. Несмотря на глупое название, место было вполне приличное. Я состояла там диспетчером, а также производила выборочные проверки и обзванивала клиентов с целью узнать мнение о качестве предоставленных услуг. Жалованье мне платили нормальное, и я могла позволить себе приодеться.

В тот июньский вторник, когда я закончила работу, на мне было темно-синее платье

без рукавов с большими светленькими пуговицами по переду и белые кожаные «лодочки». Тогда я отращивала темно-русые волосы и ногти. Маникюр был особенным источником моей гордости. В те времена я встречалась с одним из совладельцев компании, поставляющей бутилированную воду.

Наибольшее беспокойство в тот момент мне доставляла коробка передач в моей машине, которая уже не раз побывала в ремонте. Уезжая в тот день с работы, я переживала за то, что мне опять предстоят значительные траты.

Машина заглохла перед съездом с автострады Гудвилл-роуд, прежде чем я успела на нее свернуть. Дальше по ходу движения виднелась сервисная станция, где сновали машины и перебегали туда-сюда люди. Я стала спускаться на автостраду, опасно прижимаясь к поребрику и размышляя, как трудно уместиться на узком съезде женщине-пешеходу рядом с потоком машин.

Неожиданно возле меня остановился микроавтобус, медленно двигавшийся вниз в потоке машин. Я решила, что водитель хочет подбросить меня до автосервиса. Пассажирская дверца резко отъехала в сторону — ее дернул кто-то, сидевший позади и немедленно убравшийся из поля моего зрения.

Водитель целился в меня из револьвера. Я поняла, что не ошиблась, все происходит взаправду.

Сердце у меня забилося так часто и оглушительно, что я едва могла расслышать слова человека, сидящего в микроавтобусе:

— Влезай, или я застрелю тебя на месте.

Я могла бы спрыгнуть вниз, через поребрик, и меня сшибли бы проносящиеся под пандусом машины, сказать ему: «Стреляй!» или влезть внутрь. Я приняла неправильное решение. Как я позже узнала, человек, подобравший меня, был матерый преступник Луи Ферье. Заказчики знали его под кличкой Ворище, данной ему за ловкость при похищении женщин и детей, большинство из которых исчезали безвозвратно. Немногие объявившиеся жертвы похищения были все без исключения мертвы, физически или душевно. Ворище даже сидел в тюрьме, впрочем, по другим поводам.

Едва я влезла в микроавтобус, как меня сковал наручниками человек, прятавшийся за пассажирским сиденьем, — временный сообщник Ворища по кличке Гарри-Велосипедист. Он из-за сиденья схватил меня за запястья, защелкнул наручники, удерживая тянущуюся от них цепочку, а затем завязал мне глаза. Стекла микроавтобуса были густо тонированы — никто вокруг ничего не заметил.

Во время той ужасающей поездки прочь из Мемфиса они болтали меж собой, словно меня и не было рядом. Я поддалась такому чудовищному страху, что даже толком не понимала, о чем они говорят. Смерть будто уже примостилась у меня на коленях.

В конце концов, когда мы были к северу от Мемфиса, Ворище с Гарри свернули с магистрали в том месте, где у них была назначена встреча с компанией байкеров. Ворище сдал им меня в аренду на одну ночь, хотя я об этом тогда знать не могла.

Компания из четырех мужчин и одной женщины отвезла меня в заброшенную хижину, торчавшую посреди какого-то поля. Один из них вырос в той местности и знал ее как свои пять пальцев. Не снимая с меня повязки, они примотали к железной спинке старой походной кровати цепочку, притороченную к моим наручникам, стали выпивать, закусывать и насиловать меня. Когда им и это прискучило, эти ребята начали ножичком выводить на моей коже рисунки — лезвием обвели круги в основании грудей, а все остальное украсили

зигзагами. На моем животе они изобразили мишень, использовав пупок вместо «яблочка». Они ржали и развлекались, а я, прикованная к ветхой койке, визжала как полоумная — до тех пор, пока мне не дали оплеуху и не приказали заткнуться, иначе лезвие войдет глубже. Парни снова насильовали меня.

Пока все это продолжалось, женщина из их компании почти не подавала голоса, и сначала я не могла поверить, что она находится среди них, но не вступает за меня. Потом по мягкому тембру я убедилась, что это все-таки женщина, и стала молить ее о помощи.

Сперва она ничего не ответила, но позже, когда все мужики спали либо вышли на улицу до ветру, ее голос произнес над самым моим ухом:

— Я тоже через это прошла. Ничего с тобой не сделается — они несильно тебя порезали. Просто потеряешь чуть-чуть крови, и все.

Я тогда не знала, что Ворище еще вернется за мной, что меня лишь сдали напрокат, а не продали. Когда насильники утомились и стали собираться восвояси, я начала готовиться к смерти, ожидаемой уже на протяжении восемнадцати часов.

Кличку Задира я ассоциировала с самым крупным самцом в их компании. Когда на следующий день они принялись укладывать пожитки, Задиру вдруг посетила великолепная идея. У него был небольшой пистолетик, однажды подобранный на шоссе. Этот умник решил оставить его мне, вложив в магазин всего один патрон.

— Вот, можешь застрелиться сама, — великодушно напутствовал он меня. — Или побереги пулю для Ворища. Когда он явится за тобой, ты его прикончишь. Думаю, у тебя будет куча времени обдумать, как использовать этот патрон. Ворище не скоро сюда доползет.

— Лучше бы мы сами ее прикончили, — вмешался обладатель голоса, который не вязался у меня ни с одной кличкой или телесной тяжестью.

— Ты сам подумай, — стал убеждать его Задира. — Если она убьет Ворища, мы всегда сможем сказать, что девица сама захотела перепихнуться с нами. Но это в случае, если дело пойдет совсем ни к черту и она нас потом разыщет, что вряд ли. А если мы ее убьем, Ворище достанет нас в такой момент, когда мы меньше всего будем этого ожидать. Тебе он еще не надоел? Меня лично уже заколебал.

Его слова вразумили всю компанию. К тому же, оставив мне пистолет, они нашли лишний повод блеснуть юмором, при отъезде похихатывали, обсуждая, как удивится Ворище, и делали ставки, с кем же в результате я решу свести счеты — с ним или с самой собой.

После того как на разъезженном проселке стих треск мотоциклов, превратившись в отдаленный гул на шоссе, я еще несколько минут пребывала в ступоре, не могла поверить, что осталась жива. Я и сама не знала, радоваться мне этому или нет, и задавалась вопросом, сколько протяну с такими травмами. Моя вагинальная область в лучшем случае превратилась в сплошное месиво, в худшем у меня были внутренние разрывы. Из порезов на теле сочилась кровь, и я мучилась от боли, хотя знала, что ранки неглубокие.

Не сразу, а постепенно я осознала тот факт, что и вправду жива. Только тогда до меня начал доходить смысл слов, сказанных на прощание Задирой. Я подняла скованные руки и стянула с глаз повязку.

Похититель должен был вернуться и забрать меня, чтобы снова сдать напрокат. Тогда все повторилось бы. У меня был пистолет и один патрон. Вначале я едва не соблазнилась желанием враз покончить со всем этим, но мысль о родителях остановила меня. К тому

моменту они успели узнать о моем исчезновении. Меня уже искали. В этой хижине мое тело могло пролежать необнаруженным не один год, и все это время мама и папа тревожились бы, молились бы обо мне и упрямо считали бы живой...

Поэтому я решила, что справедливее будет расправиться с Ворищем, и вскоре уже с нетерпением предвкушала его приход. Каждое движение доставляло мне боль, но я смогла разобраться, как заряжать пистолет. Наручники сильно осложняли дело, впрочем, зазор между ними был достаточен для мелких манипуляций. Я несколько раз вставляла патрон в магазин и снова вынимала его, пока не приноровилась и не убедилась в том, что пуля сидит в нужном гнезде. Затем я сунула оружие себе под бок и принялась ждать появления Ворища, лежа в вонючей душной лачужке. Через дыру в крыше просвечивало небо. Когда солнце вошло в зенит, я услышала, как по проселку приближается знакомый микроавтобус, вспомнила про напарника Ворища и молила Бога, чтобы он в этот раз не приехал.

Я закрыла глаза. Вблизи послышались шаги.

— Как твое самочувствие сегодня, дорогуша? — оптимистично поинтересовался Ворище. — И где этот Задира оставил ключ? Черт, как они тебя уделали!.. Придется выделить тебе время на поправку.

В его тоне явственно слышалась злость на то, что у меня далеко не товарный вид. На мне нельзя будет сразу заработать. Я открыла глаза и взглянула на него в упор. От неожиданности Ворище застыл, нагнувшись за моей отброшенной повязкой, но так и не успел подобрать ее.

Я подняла пистолет, прицелилась настолько тщательно, насколько могла, затем спустила курок. Выстрелом я вышибла Ворищу глаз. Он умер, к моему разочарованию, слишком быстро.

Разумеется, я понятия не имела, где находился ключ от наручников. Ворище успел сказать, что оставил его Задира. Я сползла со своего ложа и заковыляла по полу к его труп, волоча койку за собой на цепи. Мне огромных трудов стоило обыскать Ворища, хотя я и так знала, что ключа при нем нет. Я и в самом деле его не нашла.

Мне думалось, что нет ничего невозможного в том, чтобы выбраться из хижины, но протолкнуть через дверь вслед за собой и койку оказалось непосильной для меня задачей. К тому времени я уже сильно ослабела.

Мне пришлось снова лечь и еще одни сутки провести в хижине в обществе мертвеца. Меня одолевали насекомые. Раны на теле воспалились и источали тлетворный запах. К тому времени, когда работавший неподалеку фермер явился посмотреть, почему на соседнем поле застрял микроавтобус, у меня уже началась лихорадка, но не настолько сильная, чтобы впасть в забытье. Я призывала обморок, наверное, так же неистово, как люди в аду жаждут испить ледяной воды.

Фермер увидел в проеме распахнутой двери лежащее на полу тело Ворища и побежал за помощью. Толпа людей, явившихся на его зов, даже не подозревала, что в этой развалине есть еще и живой человек. Ужас на лицах мужчин, прибежавших посмотреть на труп, красноречиво свидетельствовал о том, что я уже перешла некую черту. Я и вправду оказалась за гранью, невольно превратилась в то, что эти гады и хотели из меня сделать.

Никто из людей, видевших меня прикованной к железной кровати, никогда не свыкся бы с мыслью, что в детстве у меня была собачка по кличке Боло, что когда-то я обожала играть в куклы, что за последние два года мне три раза повышали зарплату, а мой родной дом ничуть не грязнее и не запущеннее, чем у них всех.

После тягостных недель выздоровления, бесконечных допросов, проводимых представителями правоохранительных органов разных уровней, и изнурительной журналистской кампании, придававшей сенсационность событию и без того из ряда вон выходящему, я осознала, что возвращение к прежней жизни отныне для меня заказано. Ее у меня похитили. Мой бывший ухажер все еще позировал перед фотокамерами в том же качестве, но уже давно им не был. Родители не могли справиться с ужасом, внушенным им не только моими страданиями, но и расправой над преступником. Я даже начала подозревать, что глубоко втайне они считают, что я неверно использовала оставленную мне пулю.

Моя младшая сестра Варена вначале была настроена твердо и решительно, но мало-помалу, по мере того как мое физическое и психическое состояние улучшалось, ее беззаботная натура начала давать сбои, а потом и вовсе пустила дело на самотек. Варена не могла дождаться, когда я поднимусь с постели и начну ходить, как все нормальные люди. Она была согласна оставить все происшествие в прошлом и никогда больше не упоминать о нем, даже в рамках моей реабилитации. После наших участвовавших желчных перебранок, где фигурировали советы типа: «Возьми же себя в руки и живи дальше!» или «Хватит уже оглядываться на то, что было и прошло!», Варена упорхнула обратно, к своему привычному укладу — к обязанностям медсестры в небольшой больнице нашего родного городка, преподаванию в воскресной школе и свиданиям с местным фармацевтом.

Еще месяц я прожила у родителей, распахав свои вещи по чердаку и кладовой. Наш дом с большим крыльцом перед входом и розовым садом действовал на меня целительно. Я знала там всех соседей, но большинству из них не удалось сохранить естественность в отношениях со мной. Кое-кто все же пытался, но в основном люди, встречаясь с жертвой насилия, испытывали откровенный ужас.

Я изо всех сил боролась со своим трагическим ореолом, отчаянно укрощая собственное прошлое, но в конце концов сдалась. Мне пришлось уехать из Бартли, забыть даже думать про Мемфис и выбрать себе новое место жительства.

— Почему ты остановилась именно на Шекспире? — спросил Маршалл.

— Из-за названия, — ответила я, очнувшись и почти удивляясь, что рядом со мной кто-то есть, потом надела футболку и пояснила: — Моя фамилия — Бард, как в выражении «эйвонский бард». Значит, Шекспир.

— Ты просто взяла карту и нашла наш город?

— До этого я пробовала еще пару мест, но ничего хорошего не вышло. Оказалось, что метод тыка ничем не хуже всех прочих, — кивнула я. Мгновение я стояла молча. У меня не хватало сил сдвинуться с места. — Увидимся, — наконец вымолвила я. — На сегодня хватит разговоров.

Я подобрала сумку со своим кимоно и оби и пошла прочь из зала, не забыв в дверях обернуться и поклониться.

Домой я доехала на автопилоте, стараясь ни о чем не думать. Несколько лет я никому не рассказывала свою историю, не переживала снова те же события. Эти годы были очень хорошими. Люди смотрели на меня как на обычную, нормальную женщину, не являющуюся жертвой жуткого происшествия.

Теперь шеф полиции дает мне понять, что знает о моем прошлом, значит, ему известно и о том, что я убила человека. Возможно, он даже думает, что меня одолел приступ

ретроспекции и я вполне могла прикончить Элби. Его намеренный вопрос о моих «других взаимоотношениях» с Пардоном, пожалуй, свидетельствовал о подозрениях насчет того, не уделял ли мне домовладелец непрошеного внимания. Однако, зная Пардона, так думать было бы противоестественно.

Придя домой, я присела на край кровати и попыталась представить себя в роли виджиланте, [9]этакой... как же звали девушку, которую изнасиловали в «Тите Андронике»? [10]Лавиния! Да, Лавинией, которой осквернители отрубили руки и отрезали язык, чтобы она не сумела указать на них. Но Лавиния, насколько мне помнится, все же нашла способ выдать их своим братьям. Она поднесла обидчиков их матери в качестве жаркого на обед, поскольку именно та и была попустительницей преступления.

Сама я не старалась любой ценой отомстить всем мужчинам на свете за то, что со мной случилось, но в то же время утратила доверие к людям вообще. Я больше не ожидала от них благодеяний и нисколько не удивилась бы, услышав о чьем-то предательстве. Теперь я не верила ни в природное рыцарство мужчин, ни в безусловную взаимовыручку женщин. Я больше не считала, что люди повсюду одинаковы по сути своей, и не надеялась, что мое доброе отношение к ним отзовется тем же. Я утратила ощущение святой неприкосновенности жизни. Если бы их всех поставили передо мной в рядок — тех четырех насильников и сообщника Ворища, надевшего на меня наручники, — и дали бы мне заряженный пистолет... думаю, я застрелила бы их всех. Но я не рыскаю по байкерским барам, разбросанным по всей Америке, не выстаиваю часами в почтовых отделениях, изучая фотографии преступников, находящихся в розыске, в надежде выяснить, что еще они успели натворить.

Но говорит ли все это о моем психическом здоровье или же о том, что мне пока не представилось удобного повода для убийства? Я ощутила во всем организме покалывание, подобное тому, какое возникает, когда отлежишь во сне руку. У меня бывало такое и раньше — в тех случаях, когда мне не удавалось обхитрить свои воспоминания. Так моя сущность просачивалась сквозь скорлупу, которой я обрастала, погружаясь в глубины памяти.

Я откинула с постели покрывало, проверила, заведен ли на завтра будильник, облегченно заползла под одеяло, затем потянулась к выключателю и погасила ночник. Чувствуя, как по всему телу волной разливается усталость, я подумала напоследок, что не пощадила бы и женщину. Ту, которую даже не видела. Байкеров, впрочем, я тоже не разглядывала, только слышала, ощущала...

Но Пардона Элби!.. Неужели Клод Фридрих и вправду решил, будто я способна уничтожить такого субъекта — человека из моей рутинной жизни?

Да, так он, скорее всего, и подумал.

Меня вдруг заинтересовало, каким оружием был убит домовладелец. Много крови я на нем не заметила, хотя не осматривала труп со всей тщательностью. Обучаясь у Маршалла технике гойю два с лишним года, я теперь, по моему разумению, могла убить человека и голыми руками, если бы потребовалось, — собственно, таково было изначально мое побуждение для изучения боевых искусств. Это обстоятельство как нельзя лучше дополняло представление Фридриха обо мне. Хорошо тренированная женщина... схлестывается с еще не старым, не в меру любопытным и, по всей вероятности, гетеросексуальным мужчиной, живущим в двух шагах от нее. Если сопоставить все эти частности, то донельзя убедительной представляется версия, что я и во сне могла прицелиться Пардона одним пальцем.

Перевернувшись на левый бок, я дала себе обещание, что с завтрашнего дня начну

собственный поиск убийцы Пардона. В полусонном состоянии такая задача решалась проще простого.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Утром, когда я спешила домой, чтобы наскоро принять душ, — я ездила на тренировку в клуб «Телу время», и, к моему облегчению, дверь на этот раз отпер помощник Маршалла, — по дороге мне встретился Маркус Джефферсон, ведущий за руку малыша. Волосы у меня были насквозь пропитаны потом, а на серой футболке и шортах проступили мокрые пятна. Я уже собиралась открывать свою входную дверь, как услышала чей-то оклик.

— Доброе утро, Лили! — поприветствовал меня с тротуара Маркус.

Я впервые в жизни увидела улыбку на его лице и теперь поняла, чем он так привлекает Дидру. Маркус — высокий и мускулистый афроамериканец цвета кофе, в который добавили столовую ложку молока. В его карих глазах играет золотистый отсвет. Мальчонка рядом с ним был еще прелестнее — улыбчивый, одетый как игрушечка, с длинными загнутыми ресницами и огромными темными глазищами.

Мне нестерпимо хотелось войти к себе и немедленно встать под душ, но я из вежливости вернулась к тротуару по подъездной аллейке и присела перед ребенком на корточки.

— Как тебя зовут?

— Кения, — с лучезарной улыбкой ответил негритенок.

— Какое красивое имя — Кения, — сказала я. — А сколько тебе лет?

По довольному виду Маркуса и самого мальчика я рассудила, что веду беседу как подобает.

Кения поднял три растопыренных пальчика. Увидев, какие они малюсенькие, я подавила желание содрогнуться. Меня настолько ужасает крайняя детская беззащитность, что я не решаюсь душой привязываться ни к одному из малышей. Откуда мне взять столько бдительности, чтобы защитить такое хрупкое и драгоценное существо? Так или иначе, другие люди, по-видимому, не разделяют моих страхов. Легкомысленно или дерзостно они рожают детей, наивно полагая, что ничего с их отпрысками не случится до самой зрелости.

Вероятно, с моим лицом стало что-то не так — сомнение в глазах мальчика и его неуверенная улыбка заставили меня опомниться. Я тут же растянула губы в улыбке и осторожно похлопала малыша по плечу.

— Ты вырастешь и станешь совсем большой, Кения, — выпрямляясь, сказала я ему. — Это твой сын, Маркус?

— Да, мой единственный, — гордо ответил тот. — Мы с женой уже несколько месяцев не живем вместе, но договорились, что я как можно чаще буду навещать Кению.

— Ты, наверное, работал с четырех до полуночи? — спросила я за неимением прочих тем.

Маркус кивнул и ответил:

— Я пришел домой и немного соснул после ночи, а потом забрал Кению у жены перед ее уходом на работу. Она — служащая ведомства социального обеспечения.

— Чем же вы сегодня намерены заняться? — учтиво поинтересовалась я, стараясь не очень откровенно поглядывать на часы: по вторникам, в половине девятого утра меня ждали у Дринкуотеров.

— Сначала мы пойдем позавтракаем в «Макдоналдс», — ответил Маркус. — Потом, наверное, засядем у меня и поиграем в «Кэнди ленд» [\[11\]](#)или, может быть, посмотрим

«Барни». ^[12]Ты согласен, дружище?

— «Макдоналдс», «Макдоналдс»! — затащил Кения, дергая отца за руку.

— Думаю, пора идти и подкормить этого парнишку, — сказал мне Маркус, покачивая головой в ответ на сыновнее нетерпение и в то же время не скрывая улыбки.

— Наверное, ты раньше не мог приводить его к себе? — предположила я. — Ведь Пардон не соглашался сдавать квартиры жильцам с детьми.

— Один раз я приходил вместе с Кенией, и мистер Элби не стал возражать, — ответил Маркус, провожая взглядом малыша, убежавшего от нас по тротуару. — Интересно, как поступит следующий хозяин. Ты, случайно, не знаешь, кто это будет?

— Нет, — раздумчиво протянула я и вспомнила, что мне уже вторично задавали этот вопрос. — Понятия не имею. Но мне очень хочется узнать.

— Скажи мне, если что, — попросил Маркус и поднял руку в знак прощания.

— Славный у тебя малыш, — откликнулась я.

Некоторое время я смотрела, как молодой отец догоняет своего шаловливого сынишку, а затем вернулась к дому.

Раз в неделю я посвящаю все утро уборке у Мэла и Хелен Дринкуотер. Им обоим за пятьдесят, и они еще работают: он — окружным инспектором, а она — банковской служащей. Они вовсе не неряхи, но у них большой старинный дом, а также внуки, которые живут на той же улице и постоянно заходят к дедушке и бабушке.

Хелен Дринкуотер из тех женщин, которые не любят, чтобы им перечили. По каждой комнате она готовит список дел, предназначенных для выполнения за те три с половиной часа, что я нахожусь в их доме. К слову, вначале миссис Дринкуотер пыталась добиться от меня, чтобы я по мере выполнения вычеркивала дела из списков и оставляла эти листки в соответствующих комнатах. Я проигнорировала ее требование. Скажу прямо, пока я еще только осваивалась в доме Дринкуотеров, списки мне очень помогали, но теперь все это крючкотворство во время уборки — просто детский сад.

Миссис Дринкуотер — я обещала себе никогда не называть ее Хелен — проглотила мое неповиновение. В первые свои визиты я клала ее списки в комнатах на видное место. Затем миссис Дринкуотер оставила рядом со стиральной машиной кучу грязного белья вместе с запиской: «Суньте все это в машину, пусть постирается и просушится». Для первого раза я скрепя сердце выполнила наказ, а во второй сама оставила хозяйке записку: «Не указано ни в одном из списков». После этого Хелен Дринкуотер больше не нагружала меня дополнительными обязанностями.

Двухэтажный дом начала прошлого столетия в теплых утренних лучах смотрелся очень уютно. Он окрашен в светло-желтый цвет, отделка на нем белая, а ставни — темно-зеленые. Дом отстоит далеко от улицы, к которой относится. Ясно, что такие постройки встречаются только в старейшем из сохранившихся кварталов Шекспира. Позади дома на целые пол-акра простирается лес, который Дринкуотеры оставили нетронутым.

Этим утром мне было о чем поразмышлять. Маршалл объявил, что ушел от Теи, таким тоном, словно сообщал некое важное для меня известие. Надраивая ванную на втором этаже, я раздумывала о том, сохранится ли у Маршалла после вчерашнего разговора хоть капля интереса ко мне. Уже несколько раз случалось так, что, почувствовав в мужчине нечто большее, чем просто дружескую симпатию, я неизменно обращала его в бегство одним лишь рассказом о своем прошлом. Правда, за единственным исключением — нашелся такой, которого мое признание так возбудило, что он сам попытался изнасиловать меня. Я тогда

отбилась, но не сразу и не без труда. После того случая я и решила заняться боевыми искусствами, впоследствии они обернулись для меня одной из приятнейших жизненных составляющих.

Все эти мысли барабанили по моему сознанию, как дождевые капли, падающие на обочину, довольно занимательные, но не всепоглощающие. В то же время я успевала думать и о затычке для ванны, и о том, куда деть книжку комиксов, найденную за унитазом. Я насторожилась лишь тогда, когда половицы на первом этаже скрипнули вторично.

Я замерла, как была, с губкой в руке, которой собиралась начищать раковину. Я глядела в зеркало, но ничего не видела, и прислушивалась, не скрипнут ли половицы еще раз.

Дринкуотеры, уезжая на работу в четверть девятого, оставляют кухонную дверь незапертой, поскольку знают, что уже через пятнадцать минут появлюсь я. Приходя к ним, я запираюсь на ключ, хотя в этой части Шекспира дневные ограбления — дело неслыханное.

Кто-то пробрался в дом именно в этот промежуток времени. Я закрыла глаза, чтобы лучше сосредоточиться, затем осторожно стянула с рук резиновые перчатки, стараясь сделать это бесшумно. Незвестный еще не поднялся по лестнице — я успею занять более выгодное положение.

Снимать обувь не было времени. Я тихо переступила порожек ванной, вспоминая, где на втором этаже скрипит пол. Если распластаться по стене в коридорчике, расходящемся от лестницы под прямыми углами, то я смогу напасть на незваного гостя, когда тот окажется у верхней площадки.

Я прокралась поближе к лестнице, попутно встряхивая кистями рук, чтобы расслабить мышцы. Сердце билось частыми толчками, голове стало легко и бездумно, однако внутренне я была готова — не струшу, дам отпор!

Но мне необходимо было лучше расслабиться. Я чувствовала напряжение во всем теле — это замедлит реакцию. Столько всего предстоит передумать!

Он стоял на лестнице. Руки у меня сжались в кулаки, а ноги налились силой для удара. Сердцебиение гулко отдавалось во всем теле.

До меня донеслось шуршание, словно кто-то задел на ходу стену — совсем близко! — затем еще один негромкий звук неопределенного происхождения. Я чувствовала, что хмурюсь против воли.

Кажется, там что-то звякнуло?.. Снова скрип половиц. Теперь уже точно — на нижних ступеньках?.. Я в недоумении покачала головой.

Снова звук шагов — еще дальше, уже не на лестнице, а на пути в кухню. Он уходит! Этот сукин сын удирает!

Я ринулась к лестнице и, не обращая внимания на что-то белое, лежавшее на одной из ступенек, слетела вниз. Ярость захлестнула меня с такой силой, что я не чувяла под собой ног. Но, ворвавшись в кухню, я услышала лишь, как грохнула дверь черного хода. Я подоспела туда буквально через несколько секунд, но злоумышленнику хватило времени на то, чтобы скрыться в лесу позади дома Дринкуотеров.

С минутой я постояла на пороге, тяжело переводя дыхание. Только теперь до меня полностью дошла суть выражения «лезть в драку». Затем здравый смысл возобладал — и я ретировалась, заперев за собой кухонную дверь.

При каждом шаге я ощущала в теле обратную реакцию. Кровь, насыщенная адреналином, отхлынула от мышц, и они неприятно обвисли. С огромной неохотой я вернулась к оставленному на лестнице предмету. На полпути на второй этаж на ступеньке

валялся белоснежный носовой платок, прикрывавший некую вещь. Я медленно протянула руку и сдернула его.

Цветные лучи, пробивавшиеся сквозь витражное окно на верхней площадке, заиграли на игрушечных наручниках — дешевой железячке, рядом с которой лежал пластмассовый пистолетик.

Я без сил опустилась на ступеньку и закрыла руками лицо.

Всего три дня назад мое прошлое было для всех тайной — по крайней мере, я так думала. Теперь о моих злоключениях разузнал Клод Фридрих, а Маршаллу я рассказала сама. Кто же еще в курсе?

Я вновь оказалась лицом к лицу с жестокой истиной: надеяться мне не на кого, кроме самой себя.

Я обыскала весь дом, разговаривая с собой для храбрости, убеждала себя в том, что сперва все осматриваю и успокоюсь, а потом закончу уборку, — и сдержала обещание.

Наконец с превеликой радостью и облегчением я ушла оттуда и поехала домой. Я позвонила миссис Дринкуотер на работу и сообщила ей, что по пути к ним увидела в углу двора какого-то подозрительного субъекта.

— Думаю, вам не надо оставлять дом открытым до моего прихода даже на пятнадцать минут, — сказала я. — Лучше, если я буду приходить, пока вы еще дома. Или же вы можете дать мне ключ.

Я ясно чувствовала, как подозрения хозяйки передаются мне вместе с легким постукиванием в телефонной трубке — это Хелен карандашом выбивала дробь на собственных зубах. Миссис Дринкуотер не жаждала видиться со мной — ее больше устраивало наслаждаться результатами моей приборки, и до сегодняшнего утра я ничего не имела против такого расклада.

— Наверное, тебе лучше приходить пораньше, Лили, — наконец-то определилась она. — Ты можешь подождать в кухне, пока мы уйдем.

— Договорились, — сказала я и повесила трубку.

Скверная шутка, которую сегодня сыграли со мной, больше не повторится. Я легла на кровать и принялась обдумывать происшедшее. Могло случиться и так, что злопыхатель не предполагал, что я услышу скрип половиц. Возможно, он рассчитывал, что я как-нибудь позже спущусь по лестнице и найду оставленные им игрушки. Разумеется, он хотел избежать прямого столкновения. Это стало ясно из того, как трусливо он скрылся через заднюю дверь. Так или иначе, вопрос состоял в том, намеревался ли негодяй дать мне знать о своем присутствии в доме или нет. Это следовало обмозговать, а может, даже спросить мнение Маршалла.

С этой мыслью я немедленно села на постели и дала себе затрецину. Маршалл значил для меня ничтожно мало. После нашего вчерашнего разговора он вполне мог благополучно забыть о нем. Я пообещала себе, что не позволю Маршаллу вторгнуться в мою жизнь. Он возвратится к Тее. Или, увидев мои шрамы, больше не захочет общаться со мной. Здравый смысл подскажет, что такая, как я, ему не нужна.

Я дала себе зарок, что на сегодня хватит размышлений, наскоро пообедала и снова поехала на работу.

Во второй половине дня по четвергам у меня двое клиентов. Уходя в половине седьмого от второго из них, из бюро путешествий, я почувствовала, как устала за день. Понятно, что я

совершенно не обрадовалась Клоду Фридриху, поджидавшему меня прямо у входа в дом.

«Можно подумать, у него на меня столбняк», — сардонически усмехнулась я.

Я припарковала машину под навесом, обошла дом, чтобы зайти с главного входа, а не с кухонного, как делаю обычно, и отрывисто спросила:

— Чего вам нужно?

— Не очень-то мы сегодня вежливы, да? — Он удивленно поднял брови.

— У меня был трудный день. Я не хочу обсуждать свое прошлое, собираюсь ужинать.

— Тогда пригласите меня к себе и ужинайте спокойно, — необычайно кротко предложил Фридрих.

Я так изумилась, что не знала, как поступить. Мне хотелось побыть одной, но прогнать гостя — не слишком ли грубо получится? А вдруг он не уйдет?

Ничего не говоря, я отперла дверь и вошла в дом. Фридрих, помявшись, последовал за мной.

— Вы голодны или выпьете чего-нибудь? — спросила я, пряча за спокойствием бешенство.

— Я уже поужинал, но от стакана чая не отказался бы, если у вас найдется, — пророкотал шеф полиции.

Я ушла в кухню и там с секунду постояла, положив локти на стол и опершись о них головой. Я слышала, как шаги великана Фридриха отдаются в моем безупречно прибранном доме, замирают на пороге тренировочной комнаты...

Я резко выпрямилась и увидела, что шеф полиции уже в кухне и изучающе меня разглядывает. В его лице я прочла симпатию пополам с настороженностью. Я вынула из шкафчика чистый стакан, налила в него чаю, бросила туда же кусочки льда и без слов подала Фридриху.

— Я пришел к вам не затем, чтобы обсуждать ваше прошлое. Как вы сами понимаете, мне необходимо проверить сведения обо всех, так или иначе связанных с Пардоном. Я и так вспомнил вас по имени... читал раньше в газетах. Но сегодня я хотел бы поговорить с вами вот о чем. Один из ваших клиентов дал показания. Он говорит, что вы можете их подтвердить, — заявил Фридрих. Я изобразила на лице удивление. — Том О'Хаген показал, что в понедельник, в свой выходной день, он пришел домой после игры в гольф около трех дня. — Он ждал от меня какого-то отклика, но я безмолвствовала. — Далее он заявил, что сразу пошел к Элби, чтобы отдать ему плату за квартиру, увидел, что дверь распахнута настежь, и заглянул в прихожую. Ковер в комнате был в совершенном беспорядке, диванчик отодвинут от стены наискось, а на звонок в дверь никто не отозвался. О'Хаген оставил деньги на столике прямо у двери и ушел.

— То есть вы думаете, что в три часа дня Пардона уже, возможно, не было в живых?

— Да, если верить Тому. Вы можете подтвердить его показания.

— Каким же образом?

— Он заявляет, что видел вас, когда спускался по лестнице. Вы в тот момент входили к Йоркам.

Я задумалась, пытаюсь восстановить в памяти совершенно заурядный понедельник. До возвращения с ночной прогулки я даже предположить не могла, что именно этот день мне придется припоминать во всех подробностях.

Я закрыла глаза, прокручивая в голове небольшой отрезок времени после обеда в понедельник. Я держала сумку с продуктами, которые обычно отношу к Йоркам до их

возвращения домой. Нет, две сумки... Мне тогда пришлось поставить их на пол, чтобы выудить из связки нужный ключ, — мой организационный просчет. Помнится, я тогда выговорила себе за непредусмотрительность.

— Никто при мне не проходил через вестибюль, зато я слышала, как кто-то спускался по лестнице. Возможно, это и был Том... — вслух раздумывала я. — Я в это время возилась с ключами — никак не могла разобраться в своей связке. Я вошла к Йоркам, положила сумки... кое-что убрала в холодильник, а что-то оставила прямо на столе. Аспарагус поливать не стала, земля в горшке оказалась совершенно сырой. Шторы в спальне были уже открыты — обычно я сама отдергиваю их. После этого я ушла.

Я вспомнила, как заперла дверь квартиры Йорков, обернулась...

— Да, я видела его! Он шел от квартиры Пардона к себе и очень торопился! — воскликнула я, вполне довольная собой.

Мне не очень нравится Том О'Хаген, но сейчас я обрадовалась, что могу подтвердить его показания, хотя бы частично. Если именно он сначала спускался по лестнице, а через две или три минуты, пока я была у Йорков, уже вышел от Пардона, то, несомненно, ему не хватило бы времени на то, чтобы убить домовладельца. Вот только зачем он ходил наверх? Ведь у него квартира на первом этаже... Дидра? Тоже нет — она была на работе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я слышал, вы знакомы с Маршаллом Седакой, — вторгся в мои раздумья Фридрих.

Я настолько не ожидала подобного замечания, что удивленно уставилась на полицейского и сказала:

— Да.

— Этим утром он приходил в участок и давал показания Дольфу Стаффорду. Тот передал мне, что после смерти Пардона Маршалл наследует его бизнес. А у покойника было немало кормушек.

Я лишь миролюбиво воздела руки. Мол, и что с того?

— Никто здесь толком не знает, что за птица этот Маршалл, — продолжал Фридрих. — Он появился в Шекспире неведомо откуда и женился на Тее Армстронг. Все ломали головы, почему Тея, красавица и умница, не выскочила замуж раньше. Думаю, Маршаллу просто повезло. А теперь, я слышал, он съехал от нее и снял квартирку на Фарадей-стрит.

Я и понятия не имела, где живет Маршалл. Это местечко находилось от меня примерно в трех кварталах.

Я открыла холодильник, вынула контейнер с супом, который сварила в выходные, и поставила греться в микроволновку. Две минуты до щелчка таймера тянулись непомерно долго. Я оперлась о край стола и стала ждать, пока шеф полиции уберется восвояси.

— Пардон Элби был убит мощным ударом по горлу, — сообщил Фридрих. — Сначала ему дали зуботычину, а потом добились сокрушительным ударом спереди в шею.

В этот момент я подумала, насколько силен Маршалл, и спросила, наливая поварешкой суп в миску:

— Так вы считаете, что Седака бросил Тею ради меня и убил Пардона, чтобы присвоить его бизнес, потому что теперь он не может рассчитывать на зарплату в двенадцать тысяч в год, которую его жена получала в ОЦШ?

— Я этого не говорил, — вспыхнул полицейский.

— А я только такой вывод и могу сделать из всего сказанного. Или я что-то упустила и вы мне объясните, что именно? — Я уставила на Фридриха пытливый взгляд. — Ладно. А

теперь займемся делом. Вот это стоит расследовать.

Я протянула ему завязанный узелком носовой платок, чисто-белый, с тисненными полосками разной ширины по краям. Игрушечный пистолетик и наручники неровно выпирали из него.

— Вы расскажете мне? — спросил Фридрих.

Я очень коротко и, надеюсь, бесстрастно описала ему утреннее происшествие у Дринкуотеров.

— Как же так? Кто-то пробрался в дом и вы не стали звонить в полицию? Пусть даже вы сами не пострадали, но ведь неизвестный мог что-нибудь украсть у Мэла и Хелен!

— Я не сомневаюсь в том, что он ничего не украл. Я знаю в их доме все вещи наперечет — ничего не пропало. Не было никаких следов обыска, все осталось на своих местах, ящики тоже не выдвигали.

— Вы предполагаете, что эти вещи подбросил человек, который знает о той истории в Мемфисе?

— А разве это не логичное предположение? Я знаю, что вы в курсе. Вы рассказывали кому-нибудь?

— Нет. Я не уполномочен так поступать. Пару дней назад я звонил в полицейское управление Мемфиса. Я уже говорил, что сам вспомнил ваше имя — стоило лишь напрячь память. Честно говоря, я тогда удивился, что вы не сменили его.

— Имя как имя. Зачем мне его менять?

— Чтобы другие не узнавали вас по нему и не приставали с обсуждениями того случая.

— Какое-то время я подумывала об этом, — подтвердила я. — Но у меня и так достаточно много отняли. Я решила сохранить хотя бы имя. К тому же... это было бы равносильно признанию в непонятном преступлении.

Я смерила Фридриха многозначительным взглядом, дающим понять, что комментарии здесь излишни. Он призадумался и стал молча прихлебывать чай.

Я меж тем задалась вопросом, знал ли Пардон правду о моем прошлом. Он ни единым словом не намекнул мне об этом, но подобные персонажи любят докапываться до всего, распоряжаться сиюминутным спокойствием тех, кто находится рядом. Если бы Пардон что-то пронюхал, то не преминул бы уведомить меня об этом, просто не сдержался бы.

— Из полиции Мемфиса вам прислали какой-то документ, что-то на бумаге? — спросила я.

— Да, — подтвердил Фридрих. — Они отправили мне материалы вашего дела по факсу. Он сунул руку в карман и спросил разрешения закурить трубку.

— Нет, — ответила я. — А где вы оставили этот факс?

— Вы считаете, что кто-то из нашего участка разносит слухи? Вы сами никому здесь не рассказывали о той истории?

— Никому, — солгала я. — Тот, кто подбросил эти игрушки на лестницу к Дринкуотерам, знает, что меня изнасиловали, и при каких обстоятельствах. Поэтому мое мнение таково: информация просочилась из вашего ведомства.

Клод Фридрих посмурнел и сразу стал казаться внушительнее, суровее, огромнее.

— Лили, может, кто-то прознал про это сразу, как вы приехали в Шекспир. Просто раньше ему хватало такта не обнаруживать свою осведомленность.

— Значит, теперь он с бухты-барахты утратил весь свой такт, — не выдержала я. — Вам пора. У меня еще тренировка.

Фридрих ушел, забрав платок и пистолетик с наручниками. Я же была только рада избавиться от них.

Обычно я не хожу на тренировку вечером по четвергам, особенно если уже ездила в клуб утром. Но этот длинный день скопил во мне столько страха и гнева, присовокупив к ним тупую усталость от каждодневной работы, что мне требовалось стряхнуть с плеч напряжение. Боксерская группа сегодня меня не привлекала — мне хотелось тяжестей.

Я натянула ярко-розовые эластичные шорты, спортивный бюстгальтер, поверх него футболку в цветочек, схватила сумку для тренировок и поехала в «Телу время». Маршалл по четвергам не работает, и мне не придется испытывать моральные страдания от его тщетных попыток свыкнуться с новым знанием насчет меня.

Деррик, чернокожий студент колледжа, замещавший Маршалла по вечерам, небрежно помахал мне. Стол с регистрационным журналом находился у главного входа слева. Я задержалась на минутку, чтобы отметить, а затем направилась к силовым тренажерам, на ходу расстегивая на сумке «молнию». В зале тренировались всего двое, оба — опытные культуристы. Они работали над икрами и четырехглавыми мышцами, оккупировав ножной пресс. Я знала их только в лицо, кивнув мне в ответ, они тут же опять занялись своим делом. В других помещениях свет был погашен — в кабинете Маршалла никого, дверь в зал аэробики и карате заперта.

После разминки я для разогрева немного поработала с легким весом, потом надела перчатки для поднятия тяжестей, с обрезанными пальцами и с подбивкой на ладонях, как следует затянула их и застегнула на «липучки».

— Подстраховать? — спросил Деррик после трех периодов.

Я кивнула. Я уже отработала двадцать, тридцать и сорок фунтов и теперь сняла со стойки гантели на пятьдесят. Устроившись на скамейке, я легла в правильное положение, увидев над собой Деррика, выверила позицию. Я удерживала гантели параллельно полу на уровне плеч, затем понемногу подняла руки, пока гантели не встретились над моей головой.

— Хорошо, Лили! — ободрил меня Деррик.

Я опустила руки с гантелями, снова подняла, стараясь не сбиться с уровня. Пот тек по моему лицу — я наслаждалась.

Шестая попытка подъема далась с большим трудом. Деррик обхватил мои запястья и помог самую малость, чтобы довести движение до конца.

— Ну же, Лили, еще чуть-чуть, — шепнул он. — Не сдавайся.

Я одолела седьмой подъем. Положив пятидесятифунтовые гантели обратно на подставку, я взяла другие, на пятьдесят пять, снова легла на скамейку и с огромным усилием подняла руки с утяжелителями. Истина, известная всем спортсменам, состоит в том, что первая попытка — самая трудная. Однако собственный опыт подсказывал мне, что если начало не задастся, то и последующие подъемы потребуют недюжинной выносливости. Деррик поддерживал запястья, а когда освобождал их, мои руки опускались сами собой. Я выжала пятьдесят пять фунтов шесть раз, ощерив зубы в сосредоточенном напряжении.

— Еще раз, — выдохнула я, чувствуя, как по жилам предательски растекается изнеможение.

Я так сконцентрировалась на последней попытке, что только когда гантели победно застыли над головой, обратила внимание на пальцы, обхватившие мои запястья. Они были не черные, а цвета слоновой кости.

Я удерживала вес до тех пор, пока не ощутила внезапной слабости в руках, и быстро предупредила:

— Вниз!

Маршалл немедленно отступил от скамейки, и я опустила гантели, не стала просто бросать их с такой высоты. Я аккуратно развела руки, расслабленно раскинула их и только тогда разжала пальцы, но гантели не раскатились, упав на резиновый мат.

Я села, оседлав скамейку. Удовольствие от тренировки затмевало даже мою обеспокоенность от встречи с Маршаллом — первой после нашей исповедальной беседы с ним. Он был одет так, словно пришел на работу, — в спортивную майку и брюки крикливой расцветки из той специальной коллекции, которую клиенты могут заказать себе через клуб.

— Куда подевался Деррик? — спросила я, вытаскивая из сумки розовенькое полотенце.

— Я весь город объездил — тебя искал.

— А что случилось?

— Ты была здесь весь вечер?

— Нет. Я приехала сюда... э-э, с полчаса или минут сорок назад.

— А до этого ты где была?

— У себя дома, — ответила я, начиная терять терпение.

Если бы спрашивал кто-то другой, а не Маршалл, то я и не подумала бы отвечать. В зале было совсем тихо. Я только сейчас заметила, что мы совершенно одни.

— А где Деррик? — снова спросила я.

— Я отослал его домой, когда ты взяла пятьдесят пять фунтов. К тебе сегодня кто-нибудь приходил?

— А в чем дело? — Я уставилась на него, вытирая полотенцем грудь и лицо.

— Лили, примерно полтора часа назад кто-то вошел к Тее с черного хода — она в это время сидела в гостиной — и подбросил ей на кухонный стол дохлую крысу.

— Фу! — с отвращением сморщилась я. — Кому взбрдет в голову учудить такое? — И вдруг до меня дошло: — Ты думаешь?..

От негодования я не могла подобрать слов. У меня даже непроизвольно сжались кулаки.

Маршалл сидел на другом краю скамейки лицом ко мне, протянул руку, прижал палец к моим губам и заявил:

— Нет. Ни за что. Я никогда на тебя не подумал бы.

— Тогда зачем было спрашивать?

— Тея полагает, что...

Ни разу прежде я не видела Маршалла таким потерянным, а теперь смущение явно завело его в тупик.

— Тея думает, что это я?

— Она считает, что ты могла это сделать, — сознался он, глядя на жалюзи, опущенные на огромное, затворенное на ночь окно.

— Но почему? — Я пришла в полное замешательство. — Ради бога, зачем мне заниматься подобными вещами?

— Тея вбила себе в голову, что я с ней расстался из-за тебя. — На щеках Маршалла вспыхнул румянец.

— Но, Маршалл, что за вздор!

— Тея такая и есть... вздорная.

— Но с чего она это взяла?

Он промолчал.

— Можешь пойти и сказать своей Тее... я с превеликим удовольствием сообщила бы ей сама, что сегодня ко мне с непрошеным визитом навевался начальник полиции и пробыл у меня до того момента, как я поехала сюда. Поэтому мое алиби можно считать железным.

Маршалл с видимым облегчением вздохнул.

— Слава богу! Надеюсь, хоть теперь она от меня отстанет!

— Все-таки объясни, почему это Тея думает, что вы с ней расстались именно из-за меня?

— Наверное, я слишком часто называл твое имя, когда рассказывал про свои уроки карате и про посетителей клуба.

Наши взгляды встретились. Я ощутила ком в горле и сглотнула. В один момент меня пронзило острое осознание того, что мы одни. Никогда прежде я не оставалась с Маршаллом наедине — кроме нас, в здании не было никого. Он потянулся и щелкнул выключателем. В зале теперь оставался только свет, проникавший сквозь жалюзи с улицы, — он полосами исчертил лицо и тело Маршалла. Мы по-прежнему сидели верхом на скамейке лицом к лицу. Маршалл медленно, давая мне вдоволь времени на то, чтобы привыкнуть к его намерению, наклонился вперед и коснулся своими губами моих. Я съежилась, ожидая панического приступа, какие навещали меня в эти последние годы всякий раз, как я решалась на близкие отношения с мужчиной.

Но никакой паники не последовало. Мои губы с готовностью прижались к его губам. Он придвинулся ближе, подсовывая свои бедра под мои. Я приподнялась, обхватила его ногами за талию, пристроив пятки на скамейке, и обняла. Он гладил мне спину, крепко прижимая к себе.

Возможно, сыграла свою роль неожиданность, безопасность или, может, то обстоятельство, что вначале Маршалл был мне просто приятелем. Невообразимо трудное внезапно обратилось в совсем несложное и крайне необходимое.

Маршалл одной рукой снял с меня футболку. Он уже видел мои шрамы — этого можно было не бояться. Дрожащими руками я стянула майку с мужчины, язык которого без устали блуждал у меня во рту. Я впервые осязала его нагое тело. Он сдернул с меня бюстгальтер, освободив груди, и устремился осваивать губами новые области.

Я издала тихий стон. Это возрождалась к жизни та часть моего существа, которую я считала полностью атрофированной. Необычность ситуации передалась моим рукам. Не выдержав, я привстала над скамейкой, чтобы снять с себя эластичные шорты. Я стояла перед Маршаллом, он целовал мой живот, а потом его язык скользнул ниже. Всего лишь на мгновение я поставила колено на скамейку, сдернула шорты и услышала, как в темноте шуршат его брюки. Полосы света пролегли по тренированному мускулистому телу, и через секунду Маршалл уже стоял на коленях у края скамейки, а я лежала на спине, переполненная им. Слова, которые он шептал, вызывали во мне чувство счастья, и все прошло просто прекрасно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я проснулась с радостью. Это состояние для меня настолько редкое, что я даже не сразу его распознала. Я потянулась на постели, чувствуя в теле какое-то непривычное истощение. При мысли о вчерашней очень усердной тренировке я довольно ухмыльнулась, а потом решила, что не стоит сегодня тащиться в «Телу время»: достаточно отжиманий на дому.

Я включила кофеварку, пошла в тренировочную комнату и там энергично отжалась от пола пятьдесят раз. Затем я так же быстро приняла душ, а после него облачилась в джинсы свободного покроя и футболку — свою обычную рабочую одежду. Мне никогда не понять, каким образом женщины, надевая джинсы в обтяжку, собираются драться в них, если придется, или заниматься уборкой.

Я сходила за газетой, а потом уселась завтракать хлопьями с кофе. Все это время меня не покидало ощущение невыразимой расслабленности и удовольствия. Оно было совершенно неожиданным, поэтому я даже толком не знала, как его воспринимать, и с изумлением поймала себя на том, что откровенно люблюсь погожим утром за окном.

«Удивительно все же, как меняется мироощущение от удачного секса», — размышляла я.

Дело было не только в том, что акт оказался невыразимо приятным сам по себе. Важно, что завершился он как надо, без панических припадков и волн отторжения к партнеру с моей стороны.

Тем не менее я гадала, позвонит ли мне сегодня Маршалл или нет. А что будет вечером на занятии? Я безжалостно гасила подобные мысли в самом зародыше. Что было, то было — отличный секс, и ничего более. Я взглянула на часы, с неохотой взяла контейнер с чистящими средствами и мочалками и отправилась к первому на сегодня месту уборки — на квартиру к Дидре Дин.

Ей на работу к восьми, но, когда я постучала в дверь, прежде чем воспользоваться ключом, она все еще была дома. Я не впервые заставала Дидру за запоздалыми сборами. Сегодня она встретила меня в черной кружевной комбинации, с волосами, накрученными на термобигуди. Когда Дидра открыла мне, из своей квартиры как раз выходил Маркус Джефферсон, и Дидра не преминула дать ему возможность как следует разглядеть свое нижнее белье. Войдя в прихожую, я обернулась, чтобы закрыть дверь и заодно оценить реакцию Маркуса. На его лице было написано раздражение... не лишенное любопытства.

Я покачала головой. Дидра тут же метнулась обратно в ванную, чтобы закончить макияж, успев, впрочем, показать мне язык. Я с трудом подавила желание отвесить ей оплеуху в надежде вбить хоть немного рассудка в ее бестолковую башку. Сколько-то винтиков там наверняка имелось, раз Дидра до сих пор умудрялась удерживать за собой место, где надо изображать хотя бы видимость работы.

— Лили! — окликнула она меня из ванной, пока я мрачно обзревала царивший в квартире хаос. — Скажи, ты расистка?

— Нет, Дидра, не думаю, — ответила я, с наслаждением вспоминая тело Маршалла оттенка слоновой кости. — Но если вы про Маркуса, то это все забавы, ничего серьезного. Близость с чернокожим мужчиной — настолько деликатный вопрос, что надо испытывать к нему по-настоящему сильные чувства, прежде чем решиться лезть в это дерьмо.

— У него тоже ничего серьезного, — возразила Дидра, на секунду высовываясь из-за

двери с одной щекой нарумяненной, а другой — натуральной, бледной.

— Ладно, займемся пока сущей ерундой, — пробормотала я и начала складывать в стопку журналы, письма и счета, раскиданные на столике.

За этим занятием меня застигла неожиданная мысль: чья бы корова мычала, а моя бы молчала?

«Нет, — тут же успокоила я себя. — У нас с Маршаллом все всерьез. Я пока не знаком насколько, но, во всяком случае, не шутки ради».

Я прибиралась, словно Дидра и не было дома — по крайней мере, мне этого очень хотелось бы. Она же продолжала собираться на работу как ни в чем не бывало, мурлыча что-то себе под нос, напевая и треща без умолку, чем страшно действовала мне на нервы.

— Как ты думаешь, что будет со всеми нами теперь, когда Пардона больше нет? — спросила Дидра, застегивая пуговицы на платье в черно-красную полосу, одновременно всовывая ноги в туфли-лодочки ему под цвет.

— Вы третья спрашиваете меня о судьбе этого дома, — вспыхнула я. — Откуда мне знать?

— Лили, видишь ли, нам кажется, что кому и знать, как не тебе, — безапелляционно заявила Дидра. — Но ты помалкиваешь — кстати, правильно делаешь. — Я только вздохнула, а она продолжила, не меняя тона: — А этот Пардон был еще той сволочью. Как он меня доставал! Все время тут околачивался, выспрашивал, как моя мамочка поживает, будто я без него не помню, что она платит аренду за меня! Вечно рассусоливал, как славно было бы мне найти приличного жениха, желательно белого и хорошего специалиста — адвоката, доктора или директора банка. Пытался вправить мне мозги, чтоб я жила как все.

«Я тоже попыталась бы, если бы верила, что от этого будет хоть какая-то польза», — призналась я себе.

Теперь, когда Пардон Элби умер, Дидра могла сколько угодно дерзить на его счет, но в прошлую нашу встречу она сама до смерти испугалась при мысли, что он мог обшаривать ее квартиру.

Застегнув последнюю пуговицу на платье, Дидра вернулась к зеркалу в ванной, чтобы напоследок поправить искусно растрепанные белокурые волосы.

Как бы между прочим, она своим гнусавым голоском начала:

— В прошлый понедельник я пошла к нему платить за квартиру. А еще я собиралась умолять этого старого пердуна, чтобы он не сболтнул никому про Маркуса. А он взял да и заснул на кушетке.

Я немедленно насторожилась и спросила как можно безразличнее:

— Который же был час?

— Э-э, хм... где-то полпятого, — задумавшись, ответила Дидра. — Я на несколько минут отпросилась с работы: забыла отдать ему чек в обеденный перерыв, а ты ведь сама знаешь, как он следит, чтобы все оплатили к пяти.

Я подошла по коридору к ванной, чтобы видеть в зеркале ее лицо. Дидра заново подкрашивала бровь.

— А в квартире все было нормально?

— Ты и у него прибираешь? — с любопытством поинтересовалась Дидра, отшвырнула карандаш для бровей, привела лицо и волосы в идеальный порядок и начала порывисто собирать необходимые мелочи. — Вообще-то, диванчик у дверей был сдвинут с места. Он же на колесиках. Один конец уехал к журнальному столику, а коврик у дивана был весь

перекошен.

— Значит, ты вошла и все как следует рассмотрела?

Дидра, уже протянувшая руку за сумочкой, лежавшей на тумбочке у дверей, вдруг застыла на полпути.

— Хм, постой-ка... Лили, я вошла в комнату просто потому, что никто не ответил на мой стук. Я подумала, что Пардон, наверное, где-то в квартире, потому что дверь была не заперта. Ты же знаешь, в день оплаты он всегда сидел дома, и я решила, что лучшего времени для разговора с ним не найти. Ну и денек я выбрала! С самого утра все у меня шло черт знает как — машина не хотела заводиться, босс наорал на меня. Вдобавок, выезжая с парковки обратно на работу, я чуть не врезалась в автоприцеп. В общем, мне показалось, что в квартире кто-то есть. Я распахнула дверь — и на тебе! Пардон спит как убитый. Я оставила чек на столике — там уже лежало несколько — и пару раз громко окликнула его, чтобы он проснулся, но потом ушла.

— Он не спал, — сказала я. — Он и был убитый.

Дидра разинула рот, отчего ее рудиментарный подбородок стал и вовсе незаметным.

— Нет! — пораженно прошептала она. — Я не думала... решила, что он спит. Ты точно знаешь?

— В общем, да.

Однако пока что я с трудом постигала, как увязать ее признание с рассказом Тома О'Хагена, где присутствовал и измятый коврик, и скособоченный диван, но не было трупа — примерно часом раньше.

— Вы должны рассказать об этом полиции, — обратилась я к Дидре, все еще пребывавшей в ступоре.

— Я уже говорила им, — рассеянно ответила она. — Но они мне даже не намекнули... Ты уверена?

— Практически, да.

— Значит, вот почему он меня не слышал. А я, между прочим, почти кричала.

— Вы рассказывали полицейским, о чем хотели поговорить с Пардоном?

— Черт, нет! Я просто сказала им, что ходила платить за квартиру.

Взгляд, брошенный Дидрой на золотые наручные часики, придал ей ускорение. Она схватила связку ключей и еще раз оглядела себя в большое зеркало, висевшее над кушеткой.

— Ты тоже ничего не говори им, Лили Бард! О моей личной жизни никому знать не обязательно.

Дидра захлопнула за собой дверь, оставив мне информацию к размышлению. Труп Пардона Элби лежал на диванчике в его квартире около половины пятого вечера — плюс-минус минут пятнадцать. В три часа его там не было. Однако в тот момент туда заходил Том. В комнате царил беспорядок, и дверь была распахнута, словно там произошла потасовка. Где же находилось тело до того момента, как я ночью увидела неизвестного типа, катившего груженую тележку к дендрарию?

Наконец квартира Дидры вновь обрела жилой вид. Я собрала весь свой скарб в контейнер и тщательно заперла за собой дверь. Мне вовсе не хотелось, как на прошлой неделе, выслушивать от хозяйки нелепые обвинения.

Затем я не спеша спустилась на первый этаж, к О'Хагенам. Уборка их квартиры должна была занять остаток утра пятницы.

Мне открыла Дженни. Стало быть, ее смена в «Биппиз» была вчера, с двух дня до десяти

вечера. После закрытия дежурный О'Хаген приходит домой к одиннадцати или в двенадцатом часу и утром может выспаться, а другой встает в пять утра и к шести идет открывать ресторан. В Шекспире рано встают и ложатся.

Дженни — рыжеволосая, веснушчатая, плоскогрудая и широкозадая, но одевается она хорошо и умело скрывает эти свои особенности. Впрочем, сегодня, наряженная в обычный цветастый халат, она вряд ли рассчитывала произвести на меня впечатление. Как бы там ни было, Дженни предпочитает видеть во мне лишь приложение к домашней обстановке. Безразлично буркнув какое-то приветствие, она плюхнулась обратно в кресло с откидной спинкой и закурила сигарету, не отрывая глаз от ток-шоу в телевизоре, которое я и смотреть бы не стала.

Из всех людей, встреченных мной за последние пять дней, только у нее поведение ничуть не выбилось из нормы. О'Хагены сами занимаются стиркой, но и Дженни, и Том терпеть не могут убираться на кухне. Это неудивительно, если учесть, что они держат ресторан. По этой причине мне почти всегда приходится загружать в посудомоечную машину гору грязных тарелок — некоторые из них по виду недельной давности, — а мусорное ведро постоянно забито пластиковыми поддонами и контейнерами для быстрого разогрева в микроволновке. Думаю, и в этом их можно понять. Они хотят отдохнуть от готовки хотя бы дома.

Пока я сновала по квартире, Дженни не обращала на меня ни малейшего внимания. Она и бровью не повела, когда я сняла все со столика рядом с ее креслом, вытерла с него пыль, а потом разместила на нем пульт, пепельницу и прочее в прежнем порядке. Я терпеть не могу сигаретного дыма, и мне удивительно было вдруг осознать, что Дженни — единственная курящая среди моих клиентов.

Приборка уже час шла своим чередом, когда зазвонил телефон. Я слышала, как Дженни ответила, убавив громкость телевизора. Я не интересовалась ее разговором. Она несколько минут что-то бормотала в трубку, а потом положила ее на рычаг. Понемногу я добралась до хозяйской спальни, где мигом сменила белье и так же сноровисто расправила на постели покрывало. Затем я опустошила пепельницу на столике с того края, где спит Дженни — рыжие волосинки на подушке, — и обогнула кровать, чтобы вытряхнуть пепельницу мужа.

Неожиданно в дверях возникла хозяйка и выдала без всякого предисловия:

— Спасибо, что прикрыла Тома.

Я вскинула голову, пытаюсь прочесть выражение ее веснушчатого лица, но разглядела на нем только неприязнь. Дженни не привыкла чувствовать себя кому-то обязанной.

— Просто сказала правду, — заявила я, сваливая окурки в мусорное ведро.

Протерев пепельницу, я с легким стуком снова поставила ее на тумбочку, заметила валявшийся на полу карандаш, подобрала его и бросила в выдвижной ящик ночного столика.

— Я понимаю, рассказ Тома показался им немного странным, — осторожно начала Дженни, словно ждала, что я на это скажу.

— Только не мне, — сухо ответила я.

Я оглядела комнату, не нашла никаких упущений и направилась к двери во вторую спальню, приспособленную О'Хагенами под кабинет. Дженни отступила, пропуская меня. Тряпку, которой протирала пыль в спальне, я предусмотрительно заткнула за пояс и теперь выдернула ее, чтобы приступить к уборке кабинета. К моему удивлению, Дженни потащила следом. Я коротко взглянула на часы и продолжила свое дело. К Уинтропам мне

нужно было поспеть к часу, и я рассчитывала еще что-нибудь перехватить на обед.

Мой взгляд не укрылся от Дженни.

— Работай-работай, — радушно разрешила она, как будто я занималась чем-то другим. — Я просто хотела сказать, что мы благодарны тебе за то, что ты все как следует вспомнила. Том был рад, что ему больше не надо отвечать ни на какие вопросы.

Один из них, впрочем, посетил меня не далее как сегодня утром. При нормальном положении вещей мне и в голову не пришло бы задавать этот вопрос Дженни, но я была уже сыта по горло резкой переменой в поведении хозяйки — от полного игнорирования до назойливого преследования.

— А в полиции его спрашивали, что он делал на втором этаже, хотя сам живет на первом, и от кого именно спускался? — Я стояла спиной к хозяйке, но ясно расслышала, как та пораженно охнула.

— Да, Клод его спрашивал, но только сейчас, — ответила Дженни. — Он интересовался, почему Том раньше не упомянул об этом.

Мне-то было понятно, почему Клод Фридрих решил прояснить этот момент. Ведь он сам живет на втором этаже, как раз напротив Норвела Уитбрета.

— И что Том ему ответил?

— Тебя это не касается! — вспыхнула Дженни.

Вот теперь передо мной была прежняя О'Хаген.

— Пусть, — сказала я, протирая тряпкой металлические части стула на колесиках, стоявшего рядом с письменным столом.

— Что ж...

Дженни умолкла на полуслове и удалилась в спальню, плотно прикрыв за собой дверь. Она появилась вновь лишь с окончанием уборки — я была вправе исключить всякое совпадение, — переодевшись в ярко-зеленую спортивную рубашку и серые слаксы.

— Ты очень хорошо все прибрала, Лили, — сказала Дженни, даже не взглянув на результаты моего труда.

Она почему-то предпочла остаться в новом образе, хотя мне привычнее было бы общаться с уже знакомой бесцеремонной Дженни — по крайней мере, при ней я четко знала свое место.

— Хм... Вы выпишете мне чек сейчас или потом пришлете по почте?

— Вот оплата наличными.

— Ладно. — Я выписала квитанцию, сунула деньги в карман и собралась уходить.

— Да, хорошо! — поспешно произнесла Дженни, словно спохватываясь. — Я только хотела сказать, что Том не делал ничего предосудительного там, на втором этаже! Он действительно поднимался туда, но так просто...

С изумлением я увидела, что глаза и нос Дженни покраснели, будто она вот-вот ударится в слезы. Я понадеялась, что женщина все-таки сдержится: не мне утешать ее, поглаживая по спине. Вероятно, и сама Дженни думала так же.

— До следующей недели, — сдавленно произнесла она.

Я лишь пожала плечами, забрала свой контейнер и пошла к двери.

— До свидания, — из чистой вежливости сказала я хозяйке на прощание, обернувшись через плечо.

Я резко захлопнула за собой дверь, словно, как всегда, торопилась к очередному месту работы, однако в вестибюле остановилась и огляделась. Вокруг все было тихо — никто не

спускался по лестнице, не ходил по второму этажу. Пятница — будний день. Кроме Йорков и миссис Хофстеттлер, в это время все жильцы на работе.

Мне еще раньше пришло в голову, что кладовка под лестницей, где Пардон хранил всякую полезную всячину, вроде запасных лампочек и мощного пылесоса для уборки коридоров, являлась прекрасным местом для временного хранения его неприкаянного тела. К тому же у меня совершенно случайно имелся ключ — Пардон сам дал мне его три года назад, когда единственный раз на моей памяти взял отпуск. Тогда он отправился на автобусе в Канкун ^[13] с экскурсионной группой, большую часть которой составили жители Шекспира. Пока он отсутствовал, я взяла на себя труд убирать в коридорах, протирать застекленную заднюю дверь, следить, чтобы на парковке у дома не валялся мусор, а также направлять жалобы жильцов соответствующим ремонтным рабочим. Вручив мне тогда ключ, Пардон так и не потребовал его назад, вероятно, прогнозируя для себя другие турпоездки.

Как бы там ни было, такая суета по поводу собственного здоровья в конце концов оказалась небеспочвенной. Врач в Литтл-Роке предупредил мистера Элби, что его сердце не совсем в порядке, и тогда Пардон навсегда зарекся от путешествий из страха, что где-нибудь за границей с ним может случиться приступ. Впрочем, он без устали показывал желающим свои канкунские снимки, клятвенно заверяя, что едва разминулся со смертью.

Все доверенные мне ключи я помечала кодом собственного изобретения. Допустим, у меня украли бы связку. В этом случае я никак не желала бы, чтобы вор смог забраться в квартиры и офисы моих клиентов. Сам код был незамысловатым: я просто брала каждую предыдущую букву по алфавиту, поэтому на ключе от кладовки Садовых квартир Шекспира на полоске клейкой ленты жирно написала черными чернилами: «РИЧ».

Подбросив и правой рукой поймав связку с ключами, я все еще колебалась, заглядывать в кладовку или нет, но все же решила — да, заглядывать! Исчезновение и повторное появление трупа Пардона, его окончательное обретение в парке, куда он попал не без помощи моей тележки, разожгли во мне любопытство и гнев. Прежде всего это событие приоткрыло неизведанные глубины в характере одного из моих довольно близких знакомых, поскольку я не решилась бы оспаривать тот факт, что убийцей мог стать только обитатель этого дома. Я и сама не знала, когда пришла к этому выводу, но полностью все уразумела, лишь вставив и провернув ключ в замочной скважине.

Я заглянула в кладовку. Поскольку вход в нее расположен прямо в вестибюле, а потолком служит лестничный пролет, то слева она гораздо выше, чем справа.

Я потянулась к шнуру, свисавшему с голой лампочки на потолке, но едва успела коснуться его, как кто-то за моей спиной пробасил:

— Что вы здесь ищете, мисс Лили?

Я непроизвольно ахнула, но в следующее же мгновение узнала обладателя голоса и обернулась. За мной стоял Клод Фридрих. Я пытливо уставилась в его широкоскулое лицо.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — осведомился он.

— Боже праведный, где же вы были? — сердито спросила я, разозлившись на себя за то, что не услышала шагов, и на него — за то, что испугал меня.

— В квартире Пардона.

— Подстерегали кого-нибудь?

Я увидела, что разгневать его, чтобы отбить охоту к расспросам, мне нипочем не удастся.

— Обследовал место преступления, — добродушно пояснил Фридрих. — Пытался

уяснить — как и вы, очевидно, тоже, — каким образом один свидетель видел труп на диване в половине пятого, когда другой говорит, что в три часа диван был свободен, хотя в квартире, судя по описанию, произошла драка.

— Пардон мог умереть не сразу, — предположила я, сама изумляясь простоте, с которой выкладывала полицейскому все, что было у меня на уме.

— Да, при более слабом ударе, конечно... — Фридрих тоже удивился, а заодно обрадовался и медленно встряхнул сидящей шевелюрой. — Но от такого мощного удара по горлу он довольно скоро задохнулся бы.

Тут он поглядел на мои руки — незанятые, поскольку, открывая дверь в кладовку, я поставила контейнер на пол. Руки у меня были с виду сухие и жилистые — сильные.

— Я могла бы убить его, но не сделала этого. Мне незачем.

— А если Пардон проговорился вам, что хочет разболтать всем в городе историю о ваших плохих временах?

— Он о них понятия не имел. — Я пришла к такому умозаключению сегодня утром. — Вам ведь известно, какая была натура у Пардона. Он хотел знать все обо всех и душу бы вытряхнул у того, про кого ему удалось что-то пронюхать. Он был бы рад посочувствовать мне из-за того случая. Но никто ничего здесь не знал до тех пор, пока вы не позвонили в Мемфис и не оставили досье лежать без присмотра.

Вот чем еще мне предстояло заняться лично — выяснить, кто из полицейского участка растрепал про меня и кому именно. Я была готова поклясться, что, кто бы ни подбросил наручники и пистолетик на лестницу к Дринкуотерам, значимость для меня этих вещей он уяснил от чрезмерно болтливой служительницы правопорядка.

— Возможно, тут вы правы, — согласился Фридрих, приятно удивив меня в ответ на мою недавнюю откровенность. — Я сейчас с этим разбираюсь. Стало быть, вы решили осмотреть кладовку, чтобы проверить, не здесь ли прятали труп?

От резкой перемены в разговоре я сморгнула. Вероятно, Фридриху был неприятен мой намек на недостаточную секретность в работе полицейского управления.

— Да. — И я объяснила, каким образом ко мне попал ключ.

— Что ж, давайте посмотрим, — предложил Фридрих, нарочитая коммуникабельность которого была мне подозрительна.

— Вы же уже смотрели, — заметила я ему.

— Вообще-то, нет. Связка ключей Пардона куда-то запропала, а ломать дверь мы пока не стали. Сегодня утром должен был подойти слесарь и вскрыть замок, но благодаря вам городское управление Шекспира сэкономило энную сумму. Мне и в голову не приходило спросить, есть ли у вас ключ от кладовки.

Мне показалось, что сейчас не лучший момент для признания шефу полиции в том, что у меня также имелись ключи от парадного и черного входов в их дом.

— Почему же вы не обратились к Норвелу Уитбреду? — поинтересовалась я. — Раз в неделю по утрам он ведь работает у Пардона...

— Он сказал, что ключа у него нет. Мне же кажется, что Пардон и не доверил бы ключ такому, как Норвел. Скорее всего, он сам открывал ему кладовку в случае необходимости.

Я меж тем пыталась увязать пропажу связки ключей домовладельца с прочими обстоятельствами его загадочной кончины. Фридрих обошел меня, потянул за шнур и осмотрелся. Яркий свет проникал во все углы крохотного помещения. Пардона, несмотря на его прочие недостатки, нельзя было упрекнуть в неоправданной экономии электроэнергии.

— Здесь все так, как было всегда? Что скажете? — спросил меня Фридрих, когда мы осмотрели кладовку вдоль и поперек.

— Да, — слегка разочарованная, призналась я.

На полках в глубине слева в стройном порядке были разложены предметы первой необходимости: мешки для мусора, запасные лампочки, чистящие средства, а также прочие мелочи, которые, по мнению Пардона, могли когда-нибудь еще пригодиться, к примеру мышеловки, вазы, дверная ручка, подпорка, используемая всякий раз, когда чистили ковер в вестибюле и потом проветривали его, распахнув парадный вход настежь. Справа в кладовке хранился внушительных размеров пылесос. Он был уже устаревший, но очень мощный, стоял на своем привычном месте, а его шнур был уложен с невероятной тщательностью. Это свидетельствовало о том, что последним коридор убирал не Норвел.

«Ему бы ни за что так красиво не смотреть», — подумала я, любуясь аккуратными кольцами.

Как бы там ни было, именно Норвелу Пардон поручил обеспечивать чистоту в их доме.

Фридрих тем временем вдумчиво и внимательно изучал содержимое полок, очевидно мысленно составляя поштучную опись всех хранившихся в кладовке предметов. Я слегка потянула его за рукав, но тут же пожалела об этом и извинилась.

— Д-да?.. — рассеянно спросил Фридрих.

— Посмотрите на шнур пылесоса. — Я дождалась, пока он уделит должное внимание моей просьбе, и пояснила: — Пылесос сюда убирал не Норвел, а кто-то другой, хотя заниматься этим должен именно он. — Я высказала полицейскому свои соображения, которые его, кажется, слегка развеселили.

— Значит, по форме колец этого шнура вы можете сделать предположение, кто его сматывал? — с улыбкой спросил шеф полиции.

Я вдруг почувствовала, что он легонько тычет меня в ногу. Хо-хо...

— Да, могу! Я видела, как прибирал пылесос сам Пардон. Это, похоже, его работа. Каждый понедельник с утра Норвел должен пылесосить ковры в коридорах, протирать застекленные двери, подметать дорожку перед домом, а сзади собирать мусор с парковки. А в этот понедельник он, судя по всему, отлынивал от своих обязанностей.

— Как много может рассказать обычный пылесос!

Я сдержала раздражение и безразлично пожала плечами, затем сняла со связки ключ от кладовки и молча отдала его Фридриху. Полицейский не успел ничего сказать, как я уже подхватила свой контейнер и размашисто зашагала к выходу из здания, мгновенно выкинув из головы и Фридриха, и наш разговор. Я пыталась вспомнить, зачем мне нужно было зайти домой, но не могла — обедать мне почему-то расхотелось. Наверное, следовало сразу ехать к Уинтропам...

Но на моем пути возникла новая помеха. Кто-то припарковал машину на подъездной аллее, преградив выезд моему «скайларку», ^[14]стоявшему под навесом, и теперь небрежно опирался на его капот. Сердце в моей груди екнуло: я узнала Маршалла.

Я смущенно приблизилась, не зная, что нужно делать и говорить в таких случаях, чувствовала только, как пылают у меня щеки. Он взял у меня контейнер, поставил его на землю, утянул меня за руку под навес и там обнял за талию. Через секунду и я обвила руками его шею.

— Я не мог позвонить тебе, — шепнул он мне на ухо. — Не знал, как говорить с тобой по телефону. Я и сейчас не знаю, что сказать тебе...

Если уж он не знал, то мне и подавно не стоило испытывать судьбу. Мне были приятны его объятия, но не нравилось, что мы стоим под навесом, на всеобщем обозрении. Хотя опьянение близостью Маршалла, его столь памятный запах и прикосновения понемногу ослабили мои тревоги. У меня начала кружиться голова. Он провел языком по моим губам.

— Маршалл, мне надо на работу, — с трудом выговорила я.

Седака слегка отстранился, пристально посмотрел мне в лицо и спросил:

— Лили, ты отвергаешь меня, потому что я тебе не нужен? Ты жалеешь о вчерашнем?

— Нет! — Для убедительности я помотала головой.

— Тебя мучают воспоминания о том происшествии с тобой?

— Н-нет... — Я помолчала. — Но, знаешь, один успешный половой акт не спасает от боязни нового изнасилования. Мне существовать с этим всю оставшуюся жизнь.

Меня не назовешь безотказной женщиной, и далеко не всегда я настроена дружелюбно. Если до Маршалла это еще не дошло, то теперь с моими особенностями ему придется считаться.

— Честно, мне и самой очень жаль, но уже пора к очередному клиенту, — прозаически призналась я.

— Лили, — вымолвил он нежно, будто даже называть меня по имени доставляло ему наслаждение.

Поникнув головой, я смотрела в ту точку, где соприкасались наши груди, потом подняла на него глаза. Он приник губами к моим.

Я ощутила готовность его плоти и взмолилась извиняющимся тоном:

— Только не сейчас!

— Сегодня вечером, после занятия?

— Хорошо...

— Смотри, ничего не ешь — мы что-нибудь сообразим у меня.

Я в любом случае никогда не ужинаю перед ритмикой, поэтому кивнула и улыбнулась ему. Промелькнувшая по улице красная машина напомнила мне о беге времени. Подняв руку за спиной Маршалла, я взглянула на часы, от души мечтая о возможности позвонить Уинтропам и сказать больно. Но этот мужчина был в моей жизни аномалией, а работа — нормой.

Как бы там ни было, я начала питать надежду на то, что с Маршаллом наконец почувствую себя такой, какая есть. Прежняя Лили из города Мемфиса, девица с русыми локонами, которая после двадцати минут на беговой дорожке судорожно пыхтела и задыхалась, никогда не решилась бы на то, что проделала с Маршаллом нынешняя натренированная блондинка. От моей ласки трепет прошел по всему его телу.

— Ты сама не представляешь, что творишь, — признался он, когда к нему вернулся дар речи.

Я поняла, что Маршаллу тоже есть что рассказать мне.

— Если у тебя точно не найдется сейчас десяти минуток, то придется мне, видно, ждать до вечера, — на пределе дыхания вымолвил он. — Сегодня на занятии не буду вступать с тобой в спарринг!

При мысли о любовных корчах Маршалла, сопровождающих блокировку моих ударов, я невольно улыбнулась. Видя мою реакцию, он сам в голос расхохотался.

— Пока, — сказала я, отчего-то внезапно застеснявшись, осторожно высвободилась из его объятий и пошла к своему «бьюику», а он — к своей «тойоте».

Взглянув ему вслед, я невольно залюбовалась его широкоплечим силуэтом и ладным задком.

Я настолько привыкла к тому, что мои планы на вечер ограничивались очередной порцией библиотечного чтения или взятым напрокат фильмом, что, следуя знакомым маршрутом к очередному месту уборки, я прямо-таки терялась в мыслях. После занятия я вся вспотею... Можно ли будет у него принять душ? Захочет ли он, чтобы я осталась на ночь, или мне придется ехать домой? Где мне припарковать машину? Мое посещение съемной квартиры Маршалла никого не должно касаться. Я очень оберегаю свою частную жизнь.

Поспешно вылезая из машины, которую припарковала у черного входа дома Уинтропов, я уличила себя в радостном предвкушении, смешанном со страхом. Но больше всего меня одолевала неопределенность — чувство, несовместимое с удовольствием. Столкновение с таким количеством перемен в жизни было для меня внове. Впрочем, все это я должна была отодвинуть подальше, на край сознания, и приступить к работе.

Я вошла, заперла за собой дверь и осмотрелась в кухне. Чувствовалось, что здесь недавно побывала кухарка Эрлин Поффард. Стол был вытерт начисто, а мусорный бак под мойкой полон. Эрлин навещается к Уинтропам дважды в неделю и готовит столько еды, чтобы хватило на ужины до следующего ее прихода. Я ни разу не встречалась с ней лично, но составила о кухарке представление по результатам ее труда. Все свои блюда Эрлин снабжает ярлычками, всегда складывает мусор в мешки, сама моет, сушит и убирает в шкафы посуду. Мне лишь остается время от времени протирать снаружи микроволновку и дверцу посудомоечной машины, потом пройтись разок шваброй — и кухня в порядке. Впервые за все время меня посетила мысль, что неплохо было бы познакомиться с этой Эрлин. Возможно, ей и самой интересно узнать меня поближе.

Годами сформированная привычка взяла свое, и я споро принялась за работу. В этот день мне было особенно невыгодно опаздывать на занятие. Я горела желанием поскорее увидаться с Маршаллом-любовником, и мне очень не хотелось, чтобы Маршалл-сэнсэй сверкнул на меня укоряющим взглядом, как было в прошлый раз.

Вытерев везде пыль, я достала из кладовки швабру, и в этот момент щелкнул дверной замок.

— Привет, Лили! — раздался в прихожей знакомый фальцет.

— Привет, Бобо, — откликнулась я, напоминая себе, что надо попросить у Бини новую швабру.

— Эй, а что там с тем стариканом, которого убили где-то в твоём районе? — спросил приближающийся голос.

Я покосилась через плечо. Опиравшийся на мойку юноша — вернее, верзила под два метра ростом — в обрезанных джинсах и в рубашке от «Умбро» выглядел очень живописно. Ухмылка выдавала его возраст, зато все прочие части тела были вполне взрослыми. Если я прибираюсь у Уинтропов, то отвечаю и на телефонные звонки. Летом абсолютное большинство их адресовано именно Бобо. Разумеется, у него есть свой мобильник, но номер он дает только закадычным друзьям — к вящему неудовольствию матушки.

— Он умер, — отрезала я.

— Ничего себе ответ! Давай-ка, Лили, выкладывай все, что ты об этом знаешь!

— Ты сам слышал ровно столько, сколько и я!

— Правда, что кто-то позвонил старику Клоду Фридриху, пока он дрыхнул у себя дома,

и подсказал, где лежит трупак?

— Ага.

— Вот-вот, об этом-то ты мне сейчас и расскажешь!

— Ты и так все знаешь, Бобо. — Мое терпение понемногу улетучивалось.

— Лили, хоть какой-нибудь завалящий секрет! Ты наверняка в курсе того, что не попало ни в одну газету!

— Вряд ли.

Бобо любит поболтать, и если ему в этом потворствовать, то он готов слоняться за мной по всему дому.

— Сколько тебе лет? — спросила я.

— Я уже совершеннолетний! Мне семнадцать, — с гордостью заявил он. — Вот почему я сегодня пораньше из школы. Лили, будешь скучать по мне в следующем году, когда я уеду и поступлю в колледж?

— Ты и сам догадываешься, Бобо. — Я достала из кухонного шкафчика средство «Лоск и блеск» и пустила в раковину горячую воду. — Мне придется запрашивать с твоих родителей гораздо меньшую сумму, потому что уже не надо будет чистить и прибирать за тобой.

— Кстати, Лили... — Он почему-то осекся.

Подняв голову, я увидела, что юнец весь зарделся. Воздев брови в знак того, что жду завершения признания, я разбрызгала по полу немного моющей жидкости. Горячая вода уже набралась. Я выжала швабру и начала протирать пол.

— Когда ты в прошлый раз убирала мою комнату, случайно не находила... одну вещь... интимную?

— Презерватив, что ли?

— Э-хм... Да. Ага. — Бобо рассматривал что-то очень интересное в районе своей правой ноги.

— Угу.

— И что ты с ним сделала?

— Ты о чем? Выкинула, конечно! А ты ожидал, что я положу его на ночь себе под подушку?

— А ты... не говорила ничего моей маме? Или папе?

— Это не мое дело, — буркнула я, отметив про себя, что Хоувелл Уинтроп-младший решительно уступает супруге первенство в списке людей, которых боится их сын.

— Спасибо, Лили! — с восторгом воскликнул Бобо.

Он даже на секунду решился взглянуть мне в глаза — бравый молодчик, скинувший с плеч тяжкий груз.

— Используй их и дальше.

— Что? А... Конечно.

Бобо покраснел еще сильнее, хотя, казалось бы, больше было некуда. Потом он ушел, сияясь произвести впечатление крайней беспечности, позвякивая ключами и насвистывая, унося в себе приятное ощущение от разговора о сексе с взрослой женщиной. Я была уверена, что в дальнейшем он будет осмотрительнее при хранении личных вещей, что само по себе очень неплохо.

Убираясь у Уинтропов, я неожиданно для себя стала напевать, хотя несколько лет обходилась без этого. Иногда наедине с собой я пою церковные гимны, а знаю я их

бессчетное количество. Уже не упомню, сколько месс я высидела в церкви, куда нас с Вареной водили родители, — всегда на одной и той же скамье, пятой слева от центрального прохода. Мне вдруг припомнились и мятные леденцы, которые мама носила с собой в сумочке, и карандаш с блокнотом, которые папа давал мне, чтобы порисовать, если я становилась слишком непоседливой.

Впрочем, воспоминания о детстве редко вызывают у меня иные чувства, кроме боли. Тогда родители при разговоре со мной еще не отводили глаза, не ходили на цыпочках вокруг тем, которые могли бы растравить душу их поруганной дочери. Я сама была еще способна заключить их в объятия без всякой моральной подготовки...

С помощью долгой практики я научилась блокировать это непродуктивное и заезженное направление мыслей. Взамен я сосредоточилась на удовольствии, получаемом от пения. Мне всегда казалось странным, что природа наградила меня красивым голосом. Несколько лет подряд я брала уроки вокала и исполняла сольные партии в церковном хоре, иногда даже выступала на свадьбах. Сейчас я затянула «Изумительное благоволение» и, когда закончила, привычным жестом попыталась убрать со лба волосы. Каким же потрясением было вспомнить, что у меня короткая стрижка!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

У меня совершенно вылетело из головы, что в среду на занятие явился мой сосед-домосед. Судя по всему, ему тогда пришлось несладко, поэтому, поклонившись при входе в зал, я с удивлением обнаружила среди прочих разминавшегося Карлтона. Он делал наклоны, пытаясь достать носки ног, и по тому, как болезненно кривился его рот, я рассудила, что каждое движение доставляет ему мучения.

— Все тело ноет, да? — поинтересовалась я, сев на пол и снимая обувь.

— Даже волосы болят, — сквозь сжатые зубы ответил он, продолжая наклоны, но еле доставая кончиками пальцев до щиколоток.

— Сегодня будет хуже всего, — предупредила я.

— Так-то ты меня утешаешь?

— Я думала, тебе не помешает знать, что уже завтра станет гораздо легче.

Я скатала носки в аккуратные комочки и сунула их в обувь, затем поднялась, легонько покрутила шей и перегнулась в талии, прижав ладони к полу. Чувствуя, как расправляются позвонки и отступает напряжение рабочего дня, я издала облегченный вздох.

— Хвастунья, — процедил Карлтон.

Я выпрямилась и посмотрела на него в упор. На тренировку Кокрофт надел шорты и футболку. На дилетантский взгляд он был в неплохой форме, но мне сразу бросились в глаза его недостаточно оформленные и малоразвитые плечевые и бедренные мышцы. Спору нет, лишний вес у него отсутствовал, но и рельеф тоже.

Появился Маршалл и, прежде чем к нему успел подойти с вопросом один из его подопечных, потихоньку мне улыбнулся. Я незаметно проследила за ним взглядом, но тут же переключила свое внимание на Карлтона, сидевшего на полу, раскинув ноги, и пытавшегося поочередно налечь на них грудью. Его густые темные волосы, обычно прибранные за уши и обильно смазанные гелем, теперь совершенно растрепались и мотались во все стороны, вторя его движениям. Я вынула из сумки кимоно, оделась и стала подпоясываться.

— Итак, Карлтон, ты запомнил ослабляющий захват, который мы отрабатывали на прошлом занятии? — спросила я.

Кокрофт с трудом собрал себя в кучу, поднялся и промямлил:

— Э... нет. Столько всего нового за один вечер...

Маршалл неподалеку о чем-то шутил с молодыми ребятами из нашей группы.

— Хорошо. Вытяни правую руку и схвати меня за куртку. Так. Цепляйся сильнее.

Судя по всему, Карлтон боялся лишиться меня равновесия, поэтому едва держался за мое просторное кимоно.

— Нет, надо ухватиться как следует, иначе подумаешь, что я тебя одолела только потому, что ты взялся не в полную силу!

Карлтон усилил захват, но явно обеспокоился и принялся протестовать:

— Нет, я ни за что бы так не подумал!

— Теперь вспоминай. Я завожу правую руку вот сюда, видишь? Вставляю большой палец в зазор между твоими большим и указательным, чтобы ослабить захват — вот, получилось, — затем выворачиваю твою руку таким образом, чтобы ее внешняя сторона, где мизинец, была направлена к потолку. Вся она при этом выкручивается, понимаешь? — Я видела, что Карлтон уже все вспомнил. — Теперь я прижимаю твой сжатый кулак к своей

груди и при этом слезу, чтобы твоя рука оставалась по-прежнему вывернута. Я стискиваю твою ладонь и постепенно увеличиваю сжатие, а большим пальцем давлю на... вот так.

— Не-е-ет! — заскулил Карлтон, падая на колени и перегибаясь пополам.

Такую реакцию в нем вызвало противодействие на его предплечье, которое я проделала левой рукой.

— Ты помнишь болевой сигнал, который показывал тебе в прошлый раз Маршалл?

Всецело поглощенный своей болью, Карлтон лишь замотал головой.

— Хлопни по бедру свободной рукой.

Он, не теряя времени, так и сделал, и я тут же отпустила захват. Затем Кокрофт поднял на меня жалобные, как у спаниеля, глаза — вероятно, на других женщин такой взгляд действовал неотразимо, — многозначительно помолчал и признался:

— Было и вправду больно.

— У нас не принято извиняться, Карлтон, — мягко сказала я. — Я просто тебя учила. Нам всем здесь бывает больно.

Кокрофт встал, отряхнулся. Выдержав борьбу с собственной гордостью, он все же склонился на сторону здравого смысла.

— Что ж, я научился, — страдальчески констатировал бухгалтер. — Теперь, как я понимаю, мне надо показать все это прямо на тебе, да?

Я без слов схватила его за куртку, и мы еще раз прошли все этапы выполнения болевого приема.

— Извини, но так ты меня не согнешь. Выкрути мне руку посильнее. Теперь чуть легче — ты же не хочешь мне ее сломать. Для этого дождись настоящего поединка. Рафаэль, проследи, все ли Карлтон делает правильно?

— Он стоит слишком далеко от тебя, — выдал диагноз тот.

— Итак, ты отступил. Это означает, что я могу высвободиться или, по крайней мере, пнуть тебя, и ты сам меня отпустишь.

Для наилучшей демонстрации я неожиданно лягнула соперника, но вовремя отдернула ногу, лишь слегка задев область паха.

Карлтон, охнув, тут же разжал захват.

— Потом еще потренируемся, — пообещала я ему. — Возможно, тебе больше понравится состязаться с Рафаэлем или с кем-нибудь из ребят, потому что мужчины в спарринге с женщинами обычно осторожничают — боятся их ушибить.

— Тебя это заботит? — спросил он.

— Я привыкла. Хотя думаю, что в реальной ситуации это только сработает мне на пользу. Женщины физически слабее мужчин, поэтому я и стараюсь усвоить побольше приемов. — Я смерила Карлтону придирчивым взглядом и любопытствовала: — Почему все-таки ты стал сюда ходить?

— Мне стало интересно, за каким куражом бегаешь сюда ты. Три раза в неделю, несколько лет подряд... ни разу не пропустила, не опоздала. Я решил, что это занятие, наверное, доставляет массу удовольствия.

— Еще бы! — ответила я, удивившись, что можно воспринимать это как-то иначе.

— Но пока удовольствия что-то не видно, — заметил Карлтон.

Я и не думала, что он может быть таким ехидным.

— Появится. Вот подучишься немного и не будешь так конфузиться.

Маршалл уже начинал занятие, и я побежала к своему месту в шеренге. Я не очень

доверяла объяснениям Карлтона насчет того, что он проследил мой распорядок дня из-за всепоглощающего интереса ко мне лично, особенно учитывая нашу стычку, приключившуюся у меня дома на прошлой неделе.

— Киостке! — выкрикнул Маршалл, призывая группу к вниманию.

В перерыве после ритмики он как-то незаметно оказался рядом. С самого начала занятия я поняла, что сэнсэй только ждет удобного случая, чтобы подойти ко мне, чувствовала, чем он занят в каждый отдельный момент, хотя Седака в это время занимался то с одним учеником, то с другим. Его близость будоражила меня, но я не имела представления, о чем мы будем с ним разговаривать.

— Слышал ли ты еще какие-нибудь подробности о том происшествии с Теей? — спросила я после того, как мы обменялись малозначащими кивками.

— Нет. В полиции сказали, что отпечатки пальцев на двери ничего существенного не дали, а соседи никого подозрительного не заметили. У нее маленький дом, весь задний двор совершенно запущен, поэтому неудивительно. Крысу, очевидно, просто вынули из капкана, а не замучили или что-то в этом роде.

— Тея сильно переживала?

Ответ Маршалла показался мне неоднозначным.

— Вообще-то, она легко возбуждается.

Я задалась вопросом, не просила ли Тея мужа вернуться домой, чтобы защитить ее, но от этой мысли мне стало только противно. Я совершенно не хотела встречать в разногласия Теи и Маршалла, но тут же выговорила себе за это: «Если у тебя секс с чужим мужем, то ты волей-неволей становишься частью его отношений со второй половиной».

Пока я отрабатывала технику бунтай в паре с Джанет Шук, второй неизменной посетительницей занятий по карате, меня вдруг посетило неожиданное предположение: нет ли взаимосвязи между омерзительным розыгрышем, которому я подверглась у Дринкуотеров, и не менее отвратительной шуткой, сыгранной с Теей? Нет ли у Маршалла неизвестной воздыхательницы, так вот гадко мстящей всем женщинам, с которыми у него близкие отношения? От этой мысли у меня по коже поползли мурашки, зато она хоть как-то объясняла совершенно нелепые инциденты.

— Лили! — окликнул Маршалл.

Мы с Джанет прервали череду ударов и блокировок, я поклонилась ей и побежала на зов сэнсэя. Он только что отзанимался с Карлтоном, и вид у него был несколько раздраженный.

— Ты хорошая наставница, Лили, а мы с Карлтоном... все никак не притремся. Мне сейчас нужно помочь Дэвиду в освоении ката. Ты не могла бы?..

— Конечно, — ответила я.

Маршалл похлопал меня по плечу и перешел к Дэвиду, субтильному страховому агенту лет двадцати.

— Извини, что приходится на меня отвлекаться, — сказал Карлтон, впрочем, без особого сожаления.

— Какой элемент упражнения тебе не удастся?

— Все, — заявил он, и я вздохнула, не скрывая досады. — Вообще-то, мне трудновато запомнить последовательность.

— Хорошо. Прими шико-дачи. Нет, носки ног развернуты. Глубже приседай.

Карлтон застонал. Я села в позицию лицом к нему.

— Теперь ты поворачивайся в правую сторону, а я — налево. Нет, бедра на месте,

двигается только торс.

— Объясни мне, зачем бить рукой об руку? — с патетическим видом спросил Карлтон.

— Чтобы вызвать привыкание. Зато, когда нам придется драться, больно уже не будет.

— Лучше потерпеть сейчас, чтобы потом не мучиться?

— А? Ага. Теперь предплечья вниз, вверх — поменяли направление! Вверх, вниз — снова поменяли!

— Скажи, что будет, если я сейчас наклонюсь и поцелую тебя в шею? — пыхтя, спросил Кокрофт через некоторое время.

— Дело в том, что твоя позиция полностью открывает для удара гениталии. Поэтому я, скорее всего, применю сейкен и нанесу тебе мощный удар прямо в пах, а когда ты сложишься пополам, локтем припечатаю тебя по затылку и dokonчу уже на полу несколькими хорошими пинками.

— Тогда лучше не буду.

— Да уж, не надо.

— Просто хотелось выяснить.

— Я тоже кое-что хотела у тебя уточнить.

— Что же?

— Мне надо знать, кто наследует дом Пардона и все прочее, что у него имеется.

Я нечаянно толкнула Карлтона локтем, он поморщился, но ответил:

— Племянница, дочь его покойной сестры. Она вчера звонила адвокату Пардона, тот связался со мной и сказал, что послезавтра наследница приезжает в Шекспир для организации дядиных похорон — ох, Лили, полегче! — собирается просмотреть со мной его счетные книги. Живет эта девица в Остине, штат Техас. Уверен, что данная персона придется тебе по душе: она инструктор по тхеквондо. Пардон однажды говорил мне о ней.

— Может, ты решил прийти сюда по этой причине, а вовсе не потому, что тебе интересны мои занятия?

— Я бы сказал, пятьдесят на пятьдесят.

— Но я должна тебя сразу предупредить, что гойю — совершенно не то, что тхеквондо. Другая философия, боевые приемы, позиции...

Я замолкла и увеличила темп упражнения, пока Карлтон неожиданно не сдался. Я уже предвидела это по характерным признакам: трясущимся ногам, обильному поту и решительно ощеренному рту, но безжалостно их игнорировала.

— Дай же мне передышку! — взмолился Карлтон, и мне стало почти совестно, что я его так умотала.

— Отпугиваешь мне ученика, Лили! — заметил стоявший за моей спиной Маршалл.

— Нет, сэр! — с притворным раскаянием отозвалась я.

— Строиться! — скомандовал Маршалл остальным, работавшим в парах.

Ученики бодро потрусили, а кое-кто и поковылял на свои места.

— Киостке!

Класс притих.

— Рэй!

Мы поклонились.

— Занятие окончено.

— Мои любимые слова, — шепнул Карлтон Джанет.

Она засмеялась, по-моему, слишком весело для такой пустяковой шутки.

Маршалл подошел ко мне и еле слышно сказал:

— Я потом заеду за тобой.

Этим он ответил сразу на все мои вопросы. Я села на пол и начала обуваться. Вставать в зашнурованных кроссовках было не так ловко, как босиком, но мне нельзя было подкачать. На одном из складных стульев, выставленных рядком вдоль стены, сидел Карлтон, склонив голову набок, и смотрел на меня, словно на не внушающую доверия стодолларовую банкноту.

— До свидания, — коротко попрощалась я.

— До свидания, — ответил красавчик, осклабившись во весь рот, и склонился, чтобы зашнуровать кеды.

Я пожалала плечами и прошла сквозь дверные створки мимо кабинета Маршалла. Он был у себя — просматривал расписание занятий в клубе. Я помахала ему и миновала опустевший главный зал, где Стефани Миллер, одна из помощниц Маршалла и инструктор по аэробике, вооружившись огромным промышленным пылесосом, чистила зеленое, изрядно потертое ковровое покрытие. Я кивнула ей и, выйдя через главный вход, заспешила к своему «скайларку» — одному из четырех оставшихся на парковке автомобилей. На его капоте лежал какой-то предмет.

Нет, я не застыла на месте, но замедлила шаг, чтобы на подходе рассмотреть получше. Неужели там... кукла?

Остановившись в полуметре от машины, я выпустила из рук сумку. Да, там лежала кукла — Кен. Один его глаз был замалеван красным лаком для ногтей, совсем свежим — я даже ощущала его резкий запах. На щеке куклы кто-то очень художественно пририсовал кровавые подтеки, создав полное впечатление, что Кен стал жертвой выстрела в левый глаз, в тот самый, в который получил от меня пулю Ворище. Мне в подробностях вспомнился весь тот эпизод — хрип злодея, стук его тела об пол... Изуродованный Кен даже отдаленно не был на него похож.

— Что случилось? — раздался рядом голос Карлтона. — Что-то с машиной?

Я была несказанно рада, что меня вовремя выдернули из знакомого кошмара, и отступила в сторону, чтобы он тоже посмотрел.

— Это лежало прямо здесь?

— Да. Машину я закрываю, поэтому положили на капот.

Коварство неизвестного «дарителя» повергло меня в дрожь.

— Что там? — окликнул нас Маршалл.

Он как раз закрывал двери клуба. Стефани уже успела сесть в свою машину и теперь выезжала с парковки. Не в силах притронуться к зловещему «приношению», я лишь молча указала Маршаллу на куклу.

— Лили, какой ужас! — помолчав, произнес он.

— У меня такое впечатление, что я чего-то недопонимаю, да? — осведомился Карлтон.

Я с шумом выпустила воздух, пытаюсь охладить разгоряченное лицо. Страшная усталость навалилась на меня.

— Думаю, я должна отвезти это прямо в полицию.

— Лили, отложи эту затею на завтра, — возразил Маршалл. — А сейчас езжай домой. Я скоро заскочу.

— Нет. Я хочу сейчас же избавиться от этого. Позвоню тебе, когда буду дома.

— Лили, мне поехать вместе с тобой в участок? — спросил Карлтон.

Я уже и забыла, что он до сих пор стоял рядом, и меня вдруг пронзило непривычное чувство сердечной благодарности к соседу.

— Спасибо за доброту, Карлтон, — сухо ответила я, кляня себя за скудный отклик на его любезность. — Думаю, лучше мне поехать одной. Спасибо, что предложил.

— Ладно. Если понадобится, звони.

Карлтон захромал к своей «ауди» и тут же отбыл, без сомнения, уже предвкушая горячий душ и мягкую постель. Я долго провожала взглядом его машину, потому что мне было невыносимо смотреть в глаза Маршаллу.

— Вот что интересно, — вымолвила я, все еще вглядываясь в темноту. — Может, у тебя есть тайная поклонница, которая где-то вызнала мое прошлое и теперь оставляет мне подарочки? Она же могла поймать крысу и оставить ее на столе у Теи...

— В общем, тебе стало страшно, и нам надо забыть все, что было? — прицепился к словам Маршалл, выглядевший расстроенным и озлобленным.

«Но мне тоже несладко!» — вскипела я, а вслух сказала:

— Нет, я не это имела в виду.

— Ты хочешь сказать, что нам сегодня лучше не встречаться?

— Не знаю. Нет, не это... Я жду встречи нисколько не меньше, чем ты. — Я подняла руки, выставив вперед ладони, словно шла сдаваться. — Но творится неладное, ты согласен? Кто-то шпионит за мной... подкрадывается и оставляет всякую мерзость. — Я ткнула пальцем в сторону куклы. — Прикидывает, чем бы меня еще достать!

— Ты позволишь такому человеку обратить себя в полное ничтожество?!

Я так резко повернулась к нему, что у Маршалла непроизвольно сжались кулаки. У меня в голове теснилось столько мыслей, что выдать их все разом не представлялось возможным.

— Мне казалось, будто я уже много лет как завязала с этим, — наконец произнесла я и от гнева так напряглась, что могла ударить Маршалла. — Пусть я и мечтала сегодня вечером трахнуть с тобой, но не обратилась бы в ничтожество, если бы это не состоялось!

— Я тоже хотел переспать с тобой, — так же злобно ответил Маршалл. — Но и просто побыть рядом. Поболтать, поговорить нормально — если получится...

Я нанесла удар, целясь ему в солнечное сплетение, — как я рассудила позже, так бьет обезумевший человек, которому уже плевать на целостность зубов. Прежде чем я успела поставить блокировку свободной левой рукой, Маршалл мгновенно среагировал и схватил меня за запястье правой в тот момент, когда ее фаланги почти коснулись его живота. Другая рука сэнсэя лезвием нависла над моей шеей, и некоторое время мы стояли, выпучив глаза друг на друга в безмолвной ярости, пока рассудок не возобладал. Маршалл ослабил хватку и пальцами нащупал на моей шее бешено пульсирующую жилку. Я тоже разжала кулак и бессильно свесила руку.

— Почти одолела тебя, — вымолвила я и застеснялась своего дрожащего голоса.

— Почти, — согласился он. — Но ты первой оказалась бы на земле.

— Ничего подобного! — не согласилась я. — От удара под дых тебя скрючило бы, и ты не попал бы мне по шее.

— Но я все равно угодил бы куда-нибудь, — не уступал Маршалл. — Силой удара тебя отбросило бы назад. Признаюсь, если бы ты и вправду мне врезала... — Он не договорил, и мы смущенно посмотрели друг на друга.

— Наверное, не одна я не умею нормально разговаривать, — проговорила я.

— Видимо, так и есть. Нелепица какая-то выходит.

Мы оба осторожно, словно облепленные колючками, втиснулись в объятия друг другу.

— Расслабься, — шепнул мне Маршалл. — У тебя не шея, а сплошные жгуты.

Я неуверенно опустила голову ему на плечо, прижалась губами к коже и промурлыкала:

— Вот что я сейчас сделаю. Отвезу куклу в полицейский участок, расскажу, где ее нашла, и поеду домой. Как только вернусь, сразу позвоню тебе, и ты заедешь за мной. У тебя мы поужинаем, а потом займемся очень приятными вещами.

— А изменить порядок действий на противоположный ты не согласна? — поинтересовался он, нежно массируя мне шею.

— До скорого, — пообещала я, выскользнула из его объятий и села в машину, бросив гротескного друга Барби на сиденье рядом с собой.

Я направилась в полицейское управление, находившееся в двух кварталах от центра города, в здании бывшей аптеки. На парковке возле участка стояла всего одна машина, темно-синяя, с надписью «Полиция Шекспира» и номером «3» на дверце.

В участке я застала одного лишь Тома Дэвида Миклджона. Он сидел, взгромоздив ноги на стол, и в одной руке держал бутылку с «Ар-си колой», ^[15] а в другой — сигарету. Тома Дэвида я знала только с виду. По моим представлениям, он вылитый типаж неотразимого трактирного завсегдатая. Его кудри острижены под гребенку, а на востроносом узкогубом лице шныряют пронзительные глазки. По выходным он предпочитает одеваться в ковбойском стиле. На прошлое Рождество Миклджон снюхался с Дидрой, и в течение месяца или двух я постоянно сталкивалась с ним в дверях Садовых квартир. В то время он еще состоял в браке с женщиной столь же брутальной, как и он сам, — по крайней мере, так отозвались о ней агенты бюро путешествий, когда я убирала офис и нечаянно подслушала их разговор. Через несколько месяцев в местной газете я прочитала уведомление о разводе Миклджонов.

Во время ночных скитаний я не раз замечала курсирующую по улицам патрульную машину Тома Джона. Теперь он лениво обозревал мою белоснежную экипировку, словно силясь разгадать ее назначение.

— Едете на пижамную вечеринку? — наконец спросил коп.

«Так-то он учтив с общественностью, на страже которой стоит», — подумала я, хотя большего от него и не ожидала.

Но ведь не все в полиции — клоды фридрихи. Если тот и допускает ошибки, то хотя бы в состоянии это признать.

— Это оставили на капоте моей машине рядом с клубом «Телу время», — коротко сообщила я и положила куклу на стол рядом с его ботинками.

Кен был завернут в обрывок бумажного полотенца — я всегда ношу с собой на тренировку рулончик в сумке. Я молча развернула бумагу. Том Дэвид сначала сел как следует, затем поставил колу и затушил окурок, не сводя глаз с куклы.

— Пакость, — заметил он. — Вот так мерзость! Вы видели кого-нибудь у машины?

— Я провела в клубе больше часа. Любой мог заехать на парковку, положить куклу мне на капот и уехать абсолютно незамеченным. Сегодня там было мало народа — в пятницу вечером почти никто не тренируется.

— Вы ходите на занятия, которые проводит Маршалл Седака?

Он как-то необычно выговорил имя нашего сэнсэя — не то чтобы неодобрительно, а как-то недружелюбно.

Я тут же насторожилась и подтвердила:

— Да.

— Он считает себя крутым, — сказал вдруг Том Дэвид, в хитрых глазках которого полыхнул холодный огонек. — Азиаты думают, что могут обращаться с женщинами, как с овцами, как не знаю с чем...

Я подняла брови. Если кто-то и расценивал женщину как предмет мены, то это именно сам Миклджон.

— Седака видал?

— Да, — ответила я.

— Он-то не мог подбросить ее на капот? У вас с ним что, шуры-муры?

— Нет, Маршалл не имел такой возможности. Он приехал в клуб раньше меня, а ушел позже.

— Послушайте, я сейчас здесь один. Лотти вышла купить макнаггетсов, а когда вернется, мне уже будет пора на дежурство. Может, лучше приедете завтра — тогда и напишете заявление?

— Ладно.

— Я пока сниму отпечатки — посмотрим, что получится.

Я кивнула и пошла к выходу, но не успела взяться за ручку двери, как Том Дэвид вдруг выдал:

— Теперь понимаю, зачем вам понадобилась самооборона.

Я поглядела сквозь дверное стекло в темноту и ответила, не оборачиваясь:

— Она может пригодиться любой женщине.

Выйдя из участка, я поехала домой, обуреваемая страхом и бешенством. Я думала об одноглазом Кене, о том, как Том Дэвид Миклджон со своими собутыльниками перетирает подробности моих злоключений. Я практически не сомневалась в том, что наконец обнаружила, кто повинен в утечке информации из полицейского участка.

Я поставила машину на привычное место, отперла дверь черного хода и отнесла сумку в дом, оставив при себе лишь водительские права и ключи от машины. Их я запихнула в нагрудный карман, и он неестественно оттопырился. Мне нужно было пройтись — лучшего средства для успокоения я не могла придумать.

Было девять, улицы к этому часу уже опустели. Вечер выдался намного жарче, чем мою прошлую прогулку. Воздух был насыщен влагой — верной предвестницей невыносимо душных летних ночей. Уже совершенно стемнело, и я, неслышно и мягко ступая в тени деревьев, миновала дендрарий. Отсюда до Фарадей-стрит было рукой подать. Я не знала номера дома Маршалла, но угадала бы его машину.

Я привыкла стряхивать напряжение, гуляя невидимкой по городу, вот и сейчас отчасти почувствовала себя прежней Лили, с устоявшейся жизнью, которую вела до убийства Пардона Элби. Тогда единственной моей проблемой были бессонные ночи, выдававшиеся не чаще двух раз в неделю, — все остальное мне удавалось держать под контролем.

Скрываясь в молодой древесной поросли, я переждала, пока по Джамайка-стрит проедет запоздалая машина, и только потом перешла улицу. Я не продумывала маршрут заранее, но, вероятно, из сущего любопытства неведомо как оказалась поблизости от того места, где совсем недавно протекала семейная жизнь Маршалла. Спрятаться на Селия-стрит, в общем-то, было негде. Она вся состояла из скромных, но довольно приятных на вид белых домиков с ухоженными задними дворами.

Приближаться я не спешила, поскольку вышла на прогулку раньше обычного. По пути

мне могли встретиться люди, которых в Шекспире и так — раз-два и обчелся. Еще попадались случайные машины, из какого-нибудь дома мог ненадолго выскочить жилец, забывший что-то в своем джипе или пикапе. К тому же летом детвора играла на улице почти до темноты. Впрочем, в этот весенний вечер все, кажется, сидели по домам.

Я пошла по улице, стараясь не бросаться в глаза, но и не вызывать подозрений, поскольку вокруг еще всю кипела жизнь. Выполнение такого компромисса было делом нелегким. Пусть уж лучше меня увидели бы, чем сделали бы предметом обсуждений. Исходя из этого соображения, я предпочла шагать по тротуару твердо и уверенно, нежели красться, придерживаясь тени. Я была вся в белом, а это далеко не маскировочный цвет. Но никто из обитателей улицы, кажется, не проявил ко мне интереса — все окна были одинаково плотно занавешены.

Оказавшись у дома, где раньше жил Маршалл, я заприметила и знакомую полицейскую машину. Она была припаркована на стыке двух изгородей, отделявших задние дворики Теи и ее ближайшего соседа от собственно проезжей части. Патрульное авто приютилось аккуратно за другой машиной, судя по всему, принадлежавшей самой Тее, — в тусклом свете фонаря она выглядела то ли темно-красной, то ли коричневой. Словом, у меня не сложилось впечатления, что служитель правопорядка завернул сюда по официальному поводу. Напротив, логика подсказывала, что Том Дэвид Миклджон, машина которого под номером «3» скучала сейчас без дела, не патрулировал, как положено, улицы Шекспира, охраняя покой вдов и сирот, а зашел перекинуться словечком с одолеваемой грызунами миссис Седакой. Бравый блюститель закона предпочел состоять персональным телохранителем при одной, отдельно взятой без пяти минут разведенке.

Я поймала себя на мимолетном желании снова анонимно уведомить об этом Клода Фридриха, однако потом поняла, что поступить так было бы не только гнусно, но и бесчестно. Более того, взаимоотношения Теи и Тома Дэвида меня совершенно не касаются.

В размышлениях я продолжила путь по тихой пустынной улице, бесшумно продвигаясь в темноте, и через пять минут была уже на Фарадее. Машина Маршалла стояла на углу, на гравиевой дорожке, ведущей к домику, воткнутому прямо посередине небольшого и основательно запущенного участка. Это съемное жилье было не чета комфортабельному особнячку на Селия-стрит. Мне стало любопытно, с легким ли сердцем Маршалл оставил собственный дом во владение Тее.

Фонарь у главного входа изливал приглушенно-желтый свет. Я, не останавливаясь, миновала дворик и обошла дом. Глаза скоро привыкли к темноте, и я без труда отыскала дверь черного хода. Трижды громко постучав, я услышала быстрые приближающиеся шаги.

— Кто там? — недовольно спросил Маршалл, как и я, не расположенный к сюрпризам.

— Лили.

Он тут же отпер. Я поднялась на ступеньку и вошла. Несмотря на все недавние приглашения к доверительному разговору, Маршалл, едва дверь за мной захлопнулась, привлек меня к себе и поцеловал. Мои руки в ответ скользнули ему под футболку, в нетерпении касаясь его голого тела. У меня уже не оставалось времени порадоваться своей неспособности испытывать страх во время секса. Я не успела и задаться вопросом, правильно ли поступаю, — ведь моего душевного груза хватило бы на двух, а Маршалла даже с натяжкой нельзя было назвать ничем не обремененным человеком. Однако на этот раз мы позаботились о предохранении, и я понадеялась, что наше прошлое безумство не откликнется нежелательными последствиями.

Потом я забыла, что существуют телесные ограничения, и не могла представить, что сумею снова сморщиться до размеров матрицы, в которую сама загнала себя еще до приезда в Шекспир. Впервые за много лет ее уют обернулся для меня теснотой.

Тем не менее, озирая спартанскую комнату Маршалла — каркасную пружинную кровать без спинок с полуторным матрасом, допотопный комод, явно вытасченный с чьего-то чердака, тумбочку, приобретенную на благотворительной распродаже, — я заскучала по своей обжитой спальне. Я не помнила, когда в последний раз заходила в чужой дом, если не считать клиентов.

После занятий любовью мы тихо лежали, прижавшись друг к другу. Маршалл обнимал меня, то и дело целовал сзади в шею и нежно поглаживал. Доверительность момента подстрекала и пугала меня одновременно.

— Ты знаешь, что у Теи кто-то есть? — негромко спросила я.

Если Маршалл намеревался разводиться с ней, то ему не помешало бы это знать. Если же он думал воссоединиться с Теей, то тем более такая информация не была для него лишней.

— Я так и предполагал, — после долгого молчания вымолвил он. — Ты знаешь, кто это?

— Как ты поступишь, если я назову его имя?

Я повернулась к нему лицом, непроизвольно потянув на себя простыню, чтобы прикрыть шрамы. Прежде чем ответить, Маршалл схватился за край и отдернул ее.

Он поцеловал меня в грудь и прошептал:

— Не прячься от меня, Лили.

Мои руки конвульсивно сжались. Я с трудом подавила желание выхватить у него простыню и накрыться. Маршалл придвинулся ближе, заслонив своим телом шрамы, и я, прижавшись к нему, постепенно расслабилась.

— Ты думаешь, я способен его подкараулить и поколотить, чтобы защитить ее честь? — спросил он, дав мне время понять, что амурные дела Теи лично его не касаются.

— Но я же не знаю тебя настолько, чтобы судить, на что ты способен, а на что — нет.

— Тея — местная прелестница. Она хороша собой и выросла в этом городе, поэтому знает, когда и где надо любезничать и раздавать улыбки. Тея умеет общаться с детьми. Однако найдутся те, кто прибережет свои восторги для кого угодно, только не для нее. Это те мужчины, с которыми она когда-то долго встречалась, проще говоря, спала с ними.

Я слегка отстранилась, чтобы посмотреть в его лицо. У Маршалла было такое выражение, словно он съел что-то противное.

— Лили, когда я приехал в этот город, Тея уже успела перебрать несколько парней, которых сочла достойными кандидатами в мужья. Думаю, ей и самой приходило в голову, что люди начинают задаваться вопросом, почему милая очаровательная Тея все никак не подберет себе спутника жизни. Поэтому она выскочила за меня замуж, едва мы познакомились. До брака мы с ней не спали. Тея сказала, что надо подождать, и я исполнил ее пожелание, но примерно через месяц после свадьбы кое-что понял. Она просто опасалась, как бы я не пошел на попятный. Именно так поступили все прочие претенденты.

— Она не любит заниматься сексом? — осторожно поинтересовалась я.

Кому-кому, а мне точно не пристало осуждать женщину, у которой не ладились интимные отношения с мужчинами.

Маршалл невесело засмеялся и ответил:

— Нет, очень любит. Но по-своему, не так, как мы с тобой. — Он нежно погладил меня по спине, по бедру. — Ей нравится заниматься извращениями, причинять боль. Я любил ее и старался подладиться, но кончилось это для меня очень неприятно. Печально...

«Унизительно», — договорила я про себя.

— Потом она решила, что ей нужно родить ребенка. Я тогда еще надеялся, что это спасет наш брак, и подчинился ее требованию. Но к тому времени у меня уже пропало всякое желание и... ничего не вышло. — Видно было, какой ценой далось Маршаллу это признание. — Тогда она начала обзывать меня, всячески насмеяться, но наедине, когда больше никто не слышал. Нет, до меня ей не было никакого дела — просто Тея не хотела, чтобы другие знали, что она способна произносить подобные вещи. Я возвращался вечером домой, словно в ад, не мог так жить дальше. Лили, я полгода обходился без секса, но это было далеко не худшее из того, что со мной происходило. Теперь я сижу здесь, в этой дыре, и размышляю, как мне развестись с Теей так, чтобы она не оттяпала у меня мой бизнес!

Я не могла избавить его от финансовых опасений. У меня самой было крайне мало наличных денег, поскольку я усиленно откладывала их на тот день, когда мне пришлось бы покупать новую машину, жилье или еще что-то, словом, на любую из тех непредвиденных трат, которые способны разорить несемейного человека. Но вся моя бухгалтерия, худая или хорошая, зависела только от меня и ни от кого больше. Я не представляю, что чувствовала бы, если бы мне пришлось подарить половину своих активов тому, кто меня с удовольствием унижал или мучил.

— Том Дэвид Миклджон.

Взгляд Маршалла был сосредоточен в некой точке, затерянной в смутной дали где-то за моим плечом.

— Коп?..

Его темные глаза встретились с моими. Я еле заметно кивнула.

— Да, наручники ее точно забавляют, — проронил он.

При мысли о женщине, скованной наручниками, мне захотелось вернуться в прежнюю скорлупу. Я сделала над собой усилие, но выдала себя невольным всхлипом.

Маршалл немедленно переключил внимание на меня и спокойно посоветовал:

— Не вспоминай об этом, Лили. Лучше думай вот о чем. — Он осторожно провел рукой у меня между ног, приник губами к груди, и мои мысли действительно улетели в совершенно иные области.

— Маршалл, если ты случайно не заметил, то я должна сообщить тебе, что у меня нет абсолютно никаких жалоб по поводу твоей мужественности, — заявила я некоторое время спустя.

Он беззвучно засмеялся, а потом мы немного вздремнули. Впрочем, вскоре я проснулась, ощущая тревогу и неловкость. Стараясь двигаться как можно тише, я выбралась из постели и натянула одежду. Дыхание Маршалла оставалось ровным и глубоким. Он незаметно сместился на освободившуюся половину кровати. Колеблясь, я склонилась над ним, едва не тронула за плечо, но отвела руку. Мне до смерти не хотелось будить его, хотя не терпелось уйти.

Я вышла через черный ход, прижав «собачку» замка, чтобы он за мной защелкнулся. Пока Маршалл рассказывал мне о бывшей жене, у меня из ума не шла та дохлая крыса, которую кто-то оставил на кухонном столе Теи, в ее чистеньком беленьком домике на

Селия-стрит. Когда я проснулась, мысль об этом начала одолевать меня с новой силой.

Кукла Кен, игрушечные наручники,дохлая крыса... Понятно, что подброшенные мне вещицы имели отношение к моему прошлому, а вот крыса в их ряду была явно лишним звеном. В голове слизнем проползла мысль: вдруг Тея мучила в детстве зверушек? Может быть, эта крыса — тоже напоминание о ее прошлом? Шагая по улицам в темноте, я невольно поморщилась — не переношу жестокости по отношению к беззащитным существам.

В этот ночной час улицы были пустынные, город погрузился в глубокий сон. Я шла, не соблюдая обычных предосторожностей. Увидеть меня поздней ночью могли только два патрульных копа, причем я знала, где в данный момент пребывает один из них. По пути домой я на всякий случай проверила — Том Дэвид еще не уходил от Теи. Скорее всего, он отпросился с дежурства. Неужели полицейская диспетчерша решилась бы выдернуть его из постели?

Шагая по своей подъездной аллейке, я, зевая во весь рот, уже достала из кармана ключи и направилась к входу в дом. Тут-то меня и застигло нападение. Усталость и рассеянность не сыграли никакой роли. Я готовилась к этому моменту на протяжении целых трех лет.

Едва заслышав шаги бегущего ко мне человека, я развернулась к нему лицом, зажав в кулаке ключи, чтобы усилить удар. Но нападавший в лыжной маске держал в руке то ли швабру, то ли черенок метлы. Он неожиданно замахнулся и засадил мне по ребрам. Сверхчеловеческим усилием я устояла на ногах, когда злоумышленник снова занес палку для удара, кинула на землю ключи, схватила черенок обеими руками, выбросила вперед ногу и лягнула противника прямо в грудь — прием не самый блестящий, но явно лучший в сложившейся ситуации.

Нападавший поневоле выпустил из рук палку, что было плюсом, но я при этом пошатнулась и уронила ее. Это уже послужило минусом. Однако мой пинок отбросил его на спину, что позволило мне принять более устойчивое положение, прежде чем он очухался, ощерился как взбесившийся пес и кинулся на меня.

Я и сама чувствовала, что вот-вот потеряю над собой контроль. Вперив взгляд в затянутую лыжной маской голову, ничем, впрочем, больше не защищенную, я набрала в грудь воздуха и нанесла кулаком удар во всю свою мощь, затем выдохнула и автоматически заняла оборонительную позицию.

Нападавший взвыл и завалился назад, руками прижав то место, где у него находился нос. Я помогла ему упасть, напоследок поддев коленом под подбородок.

На этом все и окончилось. Я продолжала стоять на изготовку к бою, а на моей лужайке катался по траве, рыча и булькая, поверженный злодей. В доме неподалеку загорелись огни. Людей разбудили пронзительные жалобные вопли незадачливого драчуна. Клод Фридрих, привыкший к различным непредвиденным ситуациям, метнулся ко мне из-за изгороди со скоростью, делавшей честь возрасту. Я остановила его взглядом и снова сосредоточила внимание на преступнике, корчившемся на траве. Фридрих так и застыл на месте.

— Что, черт возьми, вы тут творите, Лили Бард? — на одном дыхании выпалил он.

Я снова поглядела на шефа полиции, на этот раз подольше, и отметила, что из одежды на нем только слаксы защитного цвета. Смотрелся он в них совсем неплохо.

— Эта сволочь напала на меня, — ответила я, довольная тем, что в моем голосе нет и признака дрожи.

— Я бы сказал, что все обстоит совсем наоборот, если бы не эта лыжная маска на нем, а вы, мисс Бард, не находились бы в собственном дворике.

Я не сочла нужным отвечать и снова устремила взгляд на корчащегося на земле, хныкающего злоумышленника.

— Кажется, его неплохо отделали, — заметил Фридрих с едва уловимой ноткой сарказма в голосе. — Лили, будьте так добры, ступайте в дом и позвоните в полицию. Скажите, что мне требуется небольшое подкрепление.

Мне же больше всего хотелось броситься на обидчика и садануть пару раз. Адреналин еще играл в крови, к тому же, черт возьми, он меня испугал не на шутку! Но все же в словах Фридриха присутствовал здравый смысл — ни к чему добывать себе лишние неприятности!

Я выпрямилась, устало опустила руки и облегченно перевела дух. Тронувшись в сторону дома, я неожиданно почувствовала такой резкий приступ боли, что вынуждена была замереть на месте.

— Что с вами? — встревоженно и отрывисто спросил шеф полиции.

Я ощутила, что боль вызвана не столько желанием наказать злодея, сколько его первым, весьма увесистым ударом. К тому же он ухитрился расцарапать мне лицо — я даже не помнила, в какой момент. Когда ярость во мне пошла на убыль, на ее место просочилась боль.

— Переживу, — угрюмо ответила я и наклонилась, чтобы подобрать ключи.

Как назло, цепочка на связке порвалась, и все они рассыпались по траве. Я отыскала только один — к счастью, это был ключ от дома. Открыв входную дверь, я поковыляла в спальню, сразу позвонила в полицию, положила трубку и, не снимая с нее руки, задумалась. Я тут же забыла, что сказала дежурной, той самой неведомой Лотти.

На часах было полвторого ночи. Маршалл взял с меня обещание позвонить ему, если со мной что-то случится. Я взяла обрывок бумаги, где он записал свой новый телефон, и набрала номер.

— Да? — Голос в трубке был хриловатым, но не сонным.

— Я уже дома, Маршалл, — сообщила я.

— Я понял, что ты ушла, — проронил он.

— На меня напали.

— Ты не пострадала?

— Немножко. Ему досталось больше.

— Я уже выхожу.

В трубке раздались короткие гудки.

Я испытывала неодолимое желание прилечь на кровать, но понимала, что пока не время. Я с трудом поднялась со стула и медленно двинулась туда, где Клод Фридрих все еще держал под прицелом нытика, прижимавшего ладони к пропитанной кровью лыжной маске. Я до сих пор не знала, кем он был.

— Думаю, Лили, надо помочь ему снять маску, — предложил полицейский. — Сам он, видимо, не справится.

Я, кряхтя, нагнулась к напавшему на меня типу и приказала:

— Руки убери, гад!

Он немедленно повиновался. Правой рукой я подцепила трикотажную маску и потянула ее вверх. Снять ее полностью было невозможно, потому что лежавший негодяй прижимал ее к земле затылком, но все же я достаточно приподняла край, чтобы узнать своего обидчика.

Из ноздрей Норвела Уитбрета обильно струилась кровь.

— Ты нос мне сломала, сука, — хрипло выругался он.

Я тут же замахнулась на него, и он скрючился от страха.

— Прекратите! — рявкнул шеф полиции.

Его окрик совершенно не напоминал прежний добродушный рокот. Усилием воли я сдержалась и отступила.

— Даже сюда воняет бурбоном, — с отвращением заметил Фридрих. — Что вы делали, Лили, когда он на вас напал?

— Я спокойно шла к своему дому, по собственному дворику, а выходила по личным делам, — язвительно ответила я.

— Ага, вот, значит, как...

— Да, именно так, — подтвердила я.

— Норвел, ты самый тупой из всех шельмецов, которые рождались на этот свет, — обратился Фридрих к Норвелу для поддержания разговора.

Тот застонал, что-то проворчал, и его вырвало.

— Боже милосердный! — воскликнул Фридрих и посмотрел на меня. — Как вы думаете, Лили, почему он так поступил?

— Он уже однажды угрожал мне в церкви, когда я приходила туда на работу, и получил свое, — прямо заявила я. — Вот, вероятно, и решил мне отомстить.

Очевидно, Норвел предпочитал использовать для нападения исключительно орудия собственного труда. Я почти не сомневалась, что его палка и есть та самая метла, которой он вооружался против меня на церковной кухне, только теперь предусмотрительно снял с нее помело.

Из-за угла вывернула полицейская машина с вращающимися «маячками», но с выключенной сиреной — хоть на этом спасибо! Меня осенила неожиданная догадка, и я присела на корточки на почтительном расстоянии от Норвела, от которого теперь пахло вовсе не аппетитно.

— Послушай, это ты вечером оставил у меня на капоте куклу? — спросила я его.

Уитбред обрушил на меня поток непристойной брани, лейтмотивом которой было непонимание сути вопроса.

— О чем речь? — поинтересовался шеф полиции.

— Ладно, Норвел, давай зайдем с другой стороны, — продолжила я в порыве вдохновения и предостерегающе подняла руку, чтобы Фридрих пока не вмешивался. — Зачем Тому О'Хагену надо было подниматься к тебе в тот день, когда убили Пардона?

— Затем, что он не может удержать в шпанах своего дружка, — взревел Норвел, которому надоело скрывать чужую, пусть даже прибыльную, тайну. — Этот тип дал мне каких-то паршивых шестьдесят баксов, чтобы я не проболтался его жене, что он трахает Дидру.

Клод Фридрих стоял совсем близко от нас. Он незаметно придвинулся, когда я задала Уитбреду второй вопрос. Услышав ответ, полицейский разразился гневом, впрочем сдержанным.

— Ты утаил от меня этот пустячок, Норвел! — вскипел он. — Сейчас мы ненадолго завернем в больницу, а потом поедem в тюрьму, и там, уже в камере, у нас с тобой состоится серьезный разговор!

Он кивнул помощнику шерифа, трусившему к нам от патрульного автомобиля, молодому парнишке, по моим меркам мальчику. Пока тот надевал на Норвела наручники и запихивал его в машину, Клод Фридрих взирал на меня с высоты своего роста. Я все еще

сидела на корточках, потому что предвидела, как больно будет подниматься. Заткнув револьвер за пояс, начальник полиции протянул мне руку, и я, секунду поколебавшись, подала ему свою. Он с силой дернул, и я, охнув, выпрямилась.

— Бесполезно спрашивать, куда вы ходили ночью. Впрочем, и так, кажется, ясно, — добавил он, увидев, как за полицейской машиной остановилась «тойота» Маршалла.

Фридрих тут же отпустил мою руку, которую до этого удерживал в своей. Маршалл с лестной поспешностью выскочил из машины. Он не обнял меня, не схватил за плечи, а прошелся по мне придиричивым взглядом, словно осматривал на распродаже приглянувшуюся мебель, выискивая на ней царапины и зазубрины.

— Надо идти в дом, — пробормотал он. — Здесь плохо видно.

Клод Фридрих переступил на месте и произнес:

— Добрый вечер, мистер Седака.

Маршалл, словно только сейчас его заметив, коротко кивнул, а затем принялся разглядывать царапины на моих щеках.

— У Лили на лице кровь, — указал он полицейскому. — Мне нужно проводить ее в дом, чтобы прочистить ранки. Тогда будет видно, насколько они серьезны.

Мне дико хотелось захихикать. Меня не осматривали с такой тщательностью с самого детства, когда маме однажды сообщили из школы, что у меня завелись вши.

— На нее напал Норвел Уитбрэд, — как бы между прочим сообщил маститый полицейский.

Он уже успел озябнуть, судя по гусиной коже на голом торсе. Фридрих то ли недвусмысленно подсказывал Маршаллу взять на себя роль заботливого любовника, то ли пытался утешить меня после зверского набега Уитбрэда, едва не стоившего агрессору жизни.

— Надеюсь, ты надрала ему задницу? — спросил меня Маршалл.

— Да, сэнсэй, — ответила я и, не выдержав, ударилась в смех.

Собеседники воззрились на меня с таким откровенным изумлением, что я еще больше развеселилась. В конце концов у меня от смеха начались корчи.

— Может быть, ее стоит отправить в больницу вместе с Норвелом?

— А что, его туда отвезли?

Маршалл был так польщен, словно работал тренером детской бейсбольной команды малой лиги и его любимый воспитанник одним ударом решил исход чемпионата.

— Я нос ему сломала, — пояснила я в промежутках между приступами смеха, которые уже заметно шли на убыль.

— Он был не с пустыми руками?

— С метлой, кажется. Вон там валяется.

Я показала туда, куда приземлилась палка, — в низенькие кусты подле крыльца. Фридрих пошел ее искать.

«Улика», — догадалась я.

Потом шеф полиции подошел ко мне, аккуратно держа палку за самый конец, и пророкотал:

— Лили, вам придется завтра зайти в участок и дать показания. Сегодня я не настаиваю. Уже поздно, вам надо прийти в себя. Если хотите, я могу сейчас же отвезти вас в больницу.

— Спасибо, не нужно, — сдержанно произнесла я, подавляя последние вспышки веселости. — Мне уже очень хочется домой.

Я ощущала, что сейчас больше всего нуждаюсь в хорошем душе. У меня был длинный

рабочий день, потом я посетила занятие по карате, совершила две долгие прогулки, позанималась сексом и напоследок подралась. Мне казалось — впрочем, так оно наверняка и было, — что от меня разит потом.

— Тогда я вас покидаю, — спокойно подытожил полицейский. — Рад, что вы сумели за себя постоять. Полагаю, по приходе в участок я смогу выяснить, что там была за история с куклой, которую оставили у вас на капоте.

Я победно посмотрела на Маршалла и многозначительно приподняла брови. Какое счастье, что я прислушалась к своей интуиции и вечером, не откладывая, заехала в полицейский участок!

Седака вспыхнул, а я улыбнулась и ответила, стараясь торжествовать не слишком явно:

— Да, сэр. Я уже сообщала об этом Тому Дэвиду Миклджону. Он предложил мне явиться завтра, тоже для дачи показаний.

— С утра в субботу вы работаете?

— Да, но к полудню уже освобожусь.

— Тогда до завтра. Спокойной вам обоим ночи.

И Фридрих пошагал прочь, унося с собой черенок от метлы. С его уходом мое изнеможение достигло предела.

— Давай войдем в дом, — взмолилась я и принялась рыскать взглядом по траве, тускло освещенной фонарями, торчавшими на углах дендрария.

Цепочка порвалась, но, к счастью, в связке были только мои личные ключи — от дома, машины и абонентского ящика. В траве блеснуло что-то металлическое — нашелся ключ от машины. Не раздумывая, я нагнулась за ним и сразу почувствовала болезненную пульсацию в том боку, который принял на себя первый, самый крепкий удар. Я зашипела. Маршалл, все еще провожая взглядом удалявшегося служителя правопорядка, тут же отвлекся и помог мне выпрямиться.

Ключ от абонентского ящика обнаружился уже на подходе к крыльцу — Маршалл поднял его. Поддерживая, он повел меня по ступенькам в дом. Лишь заметив, как неуверенно озирается сэнсэй, я вспомнила, что Маршалл до сих пор не бывал у меня.

Тут он сказал, что нам надо сразу идти в ванную, жестом попросил показать направление и там очень, хм, по-медицински меня раздел. Вначале он промыл царапины на моем лице и смазал их антибиотической мазью, затем переключил внимание на ребра. Оценивая степень повреждений, он бегло ощупал каждое, нажимая аккуратно, но сильно и задавая мне вопросы, где больше болит.

— Прими две таблетки аспирина, а утром позвони мне, — наконец заключил Седака. — Кажется, все в целости, но ушиб сильный, пройдет не скоро. Я сейчас наложу пластырь. Хорошо еще, что на тебя напал этот хлюпик-алкаш, иначе больницы тебе не миновать. Он что, набросился внезапно?

— Можно сказать и так, — подтвердила я. — Подстерег под навесом, на лицо натянул маску, и сам был во всем темном. Но все же...

Я не договорила, поскольку поняла, что больше не в силах связно изъясняться. Маршалл вынул из бельевого шкафчика аптечку первой помощи и некоторое время проделывал надо мной какие-то манипуляции.

— Мне нужно под душ, — сказала я. — Выйди.

— Только не мочи пластырь. Не подставляй под струю этот бок.

— Хорошо, сэнсэй.

— Я сегодня посплю у тебя на диванчике.

— Он не для спанья. Тебе придется свернуться клубочком.

— А спальный мешок найдется?

— Нет. Такой вид отдыха не по мне.

— На полу?

— Можешь спать со мной. У меня тоже полуторка.

Ему очень хотелось узнать, почему я ушла от него этой ночью. Мне было приятно, что порядочность не позволяет ему изводить меня расспросами в момент крайней усталости. Маршалл лишь помог мне снять оставшуюся одежду и молча вышел. Меня охватило чувство неизмеримой благодарности к нему и облегчения. Я включила душ, дождалась, пока вода прогреется, встала под горячие струи, задернула занавеску и предоставила потоку омыwać мое тело со всех сторон. Вдоволь насладившись, я взяла мыло, шампунь и натерлась мочалкой настолько тщательно, насколько позволял наклеенный сбоку пластырь. Мне даже удалось подбрить подмышки, а вот нагнуться, чтобы намылить ноги, оказалось непосильной задачей.

Затем я в окутанной влажным паром ванной почистила зубы и после этого почувствовала, что почти пришла в норму. Ночная сорочка висела на крючке на двери. Я натянула ее через голову, предварительно проделав обычные вечерние процедуры — нанесение дезодоранта, крема для тела и для удаления кутикулы.

Я вспомнила, что у меня гость, только когда вошла в спальню и испытала некоторое потрясение, увидев на соседней с моей подушке чью-то темноволосую голову. Маршалл галантно предоставил мне наружную половину постели рядом с ночным столиком, а сам лег к стенке. Ночник он оставил включенным, а сам уже крепко спал, отвернувшись к краю кровати.

Стараясь ступать бесшумно, я, как обычно по вечерам, проверила двери главного и черного входа, а также все окна. Потушив лампу, я осторожно скользнула под одеяло и устроилась на правом, здоровом боку, повернувшись спиной к Маршаллу. Несмотря на непривычность ситуации — чужой человек у меня дома, в моей постели, — меня тут же утянуло в омут сна, словно воду в сливное отверстие раковины.

Я резко открыла глаза — было восемь утра. Прямо передо мной на тумбочке стояли электронные часы. Я попыталась понять, что со мной не так... и вспомнила происшествия прошлой ночи. Сзади я ощущала странное тепло — ко мне спиной прижимался Маршалл. Он перевернулся на другой бок и обнял меня. Сквозь тонкую ткань сорочки меня грел жар его тела.

— Как ты? — тихонько спросил он.

— Еще не проснулась, — шепнула я в ответ.

— Хочешь это сделать?

— Ты на что-то конкретное намекаешь? — поинтересовалась я и почувствовала реакцию его плоти на мои слова.

— Лишь бы тебе не было больно...

Я сильнее притиснулась к нему, а Маршалл в ответ страстно сжал меня в объятиях.

— Нам надо просто взять и испытать, будет мне больно или нет, — прошептала я.

— Точно?

Я повернулась, поглядела ему прямо в глаза и подтвердила:

— Точно.

Его силы вполне хватило, чтобы удерживать на весу свое тело. Глаза сэнсэя излучали беспримесное наслаждение, невзирая на мое расцарапанное лицо и огромный кровоподтек на боку. Это растрогало и удивило меня. Я поняла, что понемногу привыкаю к тому, что Маршалл не замечает моих шрамов.

Вот почему я вдвойне смутилась — мы уже лежали после всего рядышком, взявшись за руки, — когда он вдруг сказал:

— Лили, мне надо с тобой кое о чем поговорить.

Седака произнес это преувеличенно серьезным голосом, и мое сердце сразу ушло в пятки.

— О чем? — спросила я как можно будничнее и натянула на себя одеяло.

— О твоих квадрицепсах.

— О... четырехглавых мышцах? — недоверчиво переспросила я.

— Тебе просто необходимо их подкачать, — заверил Маршалл.

Я непонимающе уставилась на него.

— У меня весь живот в шрамах, щеки расцарапаны, на боку — вот такой синячище, а ты решил покритиковать только мои квадрицепсы?!

— Ты в прекрасной форме, если не считать их.

— Какой же ты болван!

Не зная, смеяться или браниться, я выхватила у себя из-под головы подушку и обрушила ее на Маршалла. Боль мгновенно напомнила о себе, и я, не сдержав вскрика, ухватилась за ушибленный бок.

— Откинься назад, — велел Маршалл и сел, чтобы поддержать меня. — Ложись на спину, медленно... вот так. Руку чуть отведи в сторону.

Он снова подсунул подушку мне под голову, устроил меня поудобнее и только потом решился признаться:

— Лили, я тебя просто поддразнил.

— Ага... — Мне сделалось ужасно неловко за собственную глупость, я помолчала и откликнулась: — Да, нормальное общение теперь не для меня.

— Лили, почему ты ушла вчера ночью?

— Мне стало как-то беспокойно. Я не привыкла быть с кем-то вместе, встречаться, вообще ходить по гостям. Ты ведь пока женат, еще не успел забыть присутствия рядом другого человека. Может быть, вы с Теей были заманчивыми партиями... Но я не такая. Я ни к кому не хожу на свидания. Я просто... — Я запнулась, не зная, как лучше охарактеризовать свой стиль жизни за последние годы.

— Лавируешь?

Помолчав, я возразила:

— Существую как умею. День за днем, зато безопасно. Делаю свою работу, чужой хлеб не ем, не высовываюсь. Живу себе спокойно.

— Сама по себе?

— Почти всегда, — согласилась я. — Очень мало людей вокруг вызывают во мне уважение или симпатию, поэтому я и не стремлюсь к общению.

Маршалл привстал, опершись на локоть и обнажив мускулистую грудь — настоящее лакомство для моих глаз.

«Вот именно, деликатес, — пришло мне на ум. — Им угощают редко и, может, больше никогда не предложат».

— Кому же ты симпатизируешь? — спросил он.

Я задумалась, потом ответила:

— Мне нравится миссис Хофстеттлер. Думаю, и Клод Фридрих, несмотря на всякие различия. Ты нравишься. Большинство учеников в нашей группе по карате — вполне хорошие люди, хотя Джанет Шук я все-таки недолголюбиваю. Мне приятна и наша новая докторша. Впрочем, я едва их знаю.

— А есть у тебя друзья не по работе и не по карате, кто-нибудь из ровесников, с кем ты, к примеру, ходишь вместе по магазинам или едешь ужинать в Литтл-Рок?

— Нет, — сухо ответила я, начиная закипать от гнева.

— Хорошо-хорошо. — Маршалл миролюбиво поднял руку. — Я просто спросил. Хотелось узнать, как далеко все зашло.

— Боюсь, что дальше некуда. — Я подавила вспышку раздражения и взглянула на часы. — Маршалл, жутко не хочется расставаться, но придется идти трудиться.

— Это что, новый приступ необщительности или тебе и вправду сегодня утром надо на работу?

— В самом деле. Я должна убрать в кабинете у врача, навестить миссис Хофстеттлер, потом зайти в полицейский участок, а после обеда сделать покупки.

Я контролирую расходы на продукты, перед еженедельным походом в магазин составляю подробнейший список, от которого никогда не отступаю.

— А твой бок? Как же ты справишься со всем этим?

— Просто буду делать то же, что и всегда, — удивилась я. — Это же моя работа. Если я ее не выполню, то мне не заплатят. В этом случае я вылеку в трубу.

— Мне тоже пора в клуб, — с неохотой признался Маршалл. — В субботу мы открываем поздно, но до часу дня в офис никто из помощников не подойдет — придется мне самому.

— Тогда давай собираться, — предложила я и внезапно поняла, как мне лень вылезать из теплой постели, где пахнет Маршаллом и сексом.

— Поужинаешь со мной сегодня?

На миг я ощутила знакомое тягостное чувство, едва не отказалась, не выпалила «нет!», но тут же сурово выговорила себе за то, что режу по живому. Маршалл бросал мне спасительный конец, а я не желала за него хвататься.

— Конечно, — ответила я, понимая, что он заметил мою натянутость и тревогу.

Маршалл изучающе посмотрел на меня и предложил:

— Тебе выбирать. Что ты предпочитаешь?

Я не могла признаться, как давно не была в ресторане, опасаясь, что меня просто не поймут. Если мне вечером бывает лень готовить — а такое случается редко, потому что я обожаю стряпать, к тому же это гораздо дешевле, — то я просто покупаю что-нибудь.

— Хм, — замялась я, воскрешая в памяти былые пристрастия. — Я люблю мексиканскую кухню.

— Прекрасно, я тоже. Тогда поедем в «Эль-Пасо гранде» в Монтроузе.

В этот ближайший крупный город жители Шекспира ездят за основными покупками, если не хотят тратить полтора часа на дорогу в Литтл-Рок.

— Хорошо.

Я осторожно приподнялась, спустила ноги с кровати и села. Закусив губу, я некоторое время не двигалась, пытаясь заставить себя встать и пойти чистить зубы. Мне вовсе не

хотелось, чтобы Маршалл заметил мои внутренние борения, и — о чудо! — он действительно не стал торопить меня.

Наконец я неспешно поднялась, одеревенело дотопала до ванной, там наскоро обтерлась мокрой губкой, очень тщательно почистила зубы и расчесала волосы. Затем я быстро, но густо подкрасилась, надеясь, что царапины будут не так бросаться в глаза. Оглядев лицо в зеркало с обеих сторон, я решила, что выгляжу более-менее сносно. Впрочем, вид у меня был все равно довольно побитый. На негнущихся ногах я вышла из ванной и уступила место Маршаллу.

К тому времени, как он побрился и почистил зубы щеткой, которую я оставила для него в пластиковом футлярчике на краю раковины — дантист выдает мне такие бесплатно каждый раз, когда я прихожу удалять зубные камни, но продукция этой фирмы меня не вдохновляет, — мне удалось облачиться в обычную рабочую одежду: дешевые джинсы свободного покроя и поношенную бордовую толстовку с отрезанными рукавами и университетской эмблемой на спине. Носки надеть я все же не смогла, поэтому пришлось всунуть ноги в мокасины вместо привычных кроссовок.

Вернувшись из ванной, Маршалл хотел что-то сказать, но запнулся и, видимо, передумал, спросил только:

— Я заеду за тобой к шести?

Я была благодарна ему за то, что он избавил меня от лишних вопросов типа: «Ты точно справишься одна? Может, отменишь работу на сегодня? Давай я помогу тебе». Их я больше всего опасалась.

— Договорились. — Я улыбкой выразила ему признательность за понимание.

— Увидимся, — коротко попрощался Маршалл и пошел к своей машине, которая до сих пор перегораживала подъездную аллею к дому.

С трудом передвигаясь, но не давая себе расслабляться, я собрала все, что нужно для работы, и поехала на уборку к доктору. Машину я припарковала на асфальтированной площадке за зданием, в котором располагался кабинет и вспомогательные помещения. Я равнодушно отметила про себя, что машина врача тоже стоит на площадке. Доктор Траш недавно приехала в Шекспир. Я работала у нее всего три недели.

Я открыла дверь своим ключом и неловко переступила через высокий порог. Кэрри Траш с обеспокоенным видом высунулась из дверей своего кабинета.

— Ох, слава богу! Это вы, Лили! — воскликнула она. — Я и забыла, что вы сегодня придете.

Я подошла ближе, и облегчение на ее лице сменилось озабоченностью.

— Боже праведный, Лили, что с вами приключилось?

— Подралась сегодня ночью, — сообщила я.

— В баре? — удивилась молодая докторша, черные брови которой недоверчиво выгнулись над такими же темными глазами.

— Нет, на меня напали в собственном дворе, — пояснила я только из одолжения к ее неподдельному сочувствию.

Сегодня у меня было маловато энергии для работы, поэтому я решила переделать только самое необходимое и сразу открыла дверь в туалет для посетителей. Это самое трудоемкое место, и я всегда начинаю именно с него. У меня создалось неистребимое впечатление, что между моими назначенными уборками доктор Траш приходит каждое утро пораньше и сама слегка здесь протирает, иначе в этом туалете было бы гораздо грязнее.

Я натянула перчатки и приступила к делу: вымыла небольшую комнатку с двойными дверями, где пациенты оставляют анализы мочи, и протерла ручку двери, ведущей в лабораторию. Затем положила в дозатор свежие бумажные полотенца для вытирания рук после анализов, тут же вспомнила, что не проверяла эту пару перчаток на целость, и наказала себе не забыть сделать это дома. Не хватало только подцепить здесь микробов.

Оказалось, что доктор Траш стоит на пороге и придирчиво меня оглядывает.

— Нет, вы не можете работать в таком состоянии! — заявила она беспрекословным тоном, который выработала, видимо, для того, чтобы люди не забывали, что имеют дело с врачом.

Кэрри Траш ниже меня и весьма пухленькая. У нее круглое лицо с волевым подбородком, густые брови, на щеках — метки от угрей. Ее короткие черные волосы острижены под каре и заправлены за уши. У доктора Траш круглые карие глаза. Их ясный взгляд избавляет ее лицо от явной заурядности. Думаю, что лет ей примерно столько же, сколько и мне, — чуть за тридцать.

— Почему же, могу, — возразила я, поскольку она ждала от меня какого-то ответа.

Дальше спорить мне не хотелось. Я насыпала в раковину чистящего порошка, намочила губку и начала надраивать фаянсовую поверхность. Губы я сжала в жесткую линию, которая должна была свидетельствовать о моей непоколебимости.

— Позвольте мне обследовать ваши ребра! Ведь они у вас болят, верно? Послушайте, Лили, вы же в кабинете врача!

Я продолжала чистить раковину, но здравый смысл вскоре одолел мою гордость. Я отложила мочалку, стянула перчатки и задрала толстовку.

— Вижу, вам уже оказывали помощь! Сейчас мы это аккуратно отклеим...

Мне пришлось вновь претерпеть всю процедуру ощупывания, чтобы услышать от настоящего врача то же, что и от Маршалла, — ни одно ребро не сломано, но кровоподтек большой и еще поболит какое-то время. Разумеется, Кэрри Траш увидела и старые шрамы. Она болезненно поджала губы, но не стала задавать никаких вопросов.

— Вам сейчас лучше бы воздержаться от работы, — сказала она. — Но мне ясно, что никакие мои увещевания вас не остановят, поэтому продолжайте.

Я недоуменно заморгала. Ничего себе поддержка! Кэрри Траш мне все больше импонировала.

Уборка в городской клинике — задача довольно несносная по причине обилия макулатуры. Бумажки — вот настоящий бич врачебного кабинета. Формуляры в трех экземплярах, платежные квитанции, истории болезней, заключения лабораторных обследований, страховые полисы, листки «Медикэр» ^[16] и «Медикэйд» ^[17] — все они разложены стопками где попало. Мне не следовало нарушать целостность этих пирамид, лишь аккуратно переключивать, протирать под ними пыль, потом возвращать на прежнее место. В кабинете располагаются администратор и секретарша, поэтому передвигаться здесь не легче, чем по минному полю. Приемная и смотровая после него кажутся мне развлечением.

Впервые за три недели мне пришло в голову, что и эти комнаты кто-то убирает между моими еженедельными посещениями. Пока я пылесосила, такая мысль не давала мне покоя. Кто же? Администратор Нита Тайри? Но я не могла даже представить, чтобы она согласилась на такой довесок к своим обязанностям. Мы с ней едва знакомы, но я знаю, что у нее четверо детей, и двое из них совсем маленькие — они посещают детский сад при

ОЦШ. Нита уходит домой сразу, как закрывается дверь за последним пациентом, и ее совершенно не волнует, в каком виде она оставляет свой рабочий стол.

Кандидатуру пятидесятилетней медсестры Дженнетт Джинкс я отмела сразу. Неделю назад я стояла за ней в очереди в продуктовом супермаркете и слышала от нее, как и все остальные в радиусе двух метров, насколько же тяжело работать, если твой начальник — женщина, как неразумно поступает по своей молодости доктор Траш, отвергая ее — Дженнетт — накопленный с годами опыт. На этом моменте я переключила внимание на заголовки таблоидов, поскольку их информативная ценность была несравнимо большей.

Следовательно, ежедневную нелегальную уборку в кабинете производила собственноручно доктор Траш. Я сложила в стопку рассыпавшиеся счета. Мне довелось стать невольной свидетельницей того, сколько Кэрри Траш до сих пор выплачивает за полученное образование, и я не могла избавиться от ощущения, что бывают недели, когда ей не по силам платить не только мне, но даже Дженнетт и Ните.

Подобные мысли крутились у меня в голове, пока я мыла шваброй пол, все и везде вытирала и пылесосила вокруг рабочего места доктора. Сама Кэрри Траш в это время сидела за своим столом, на котором из-за вездесущих бумажных кип не оставалось ни дюйма свободного пространства. Добившись того, что все вокруг пусть не заблагоухало, но хотя бы засверкало чистотой, я просунула голову в кабинет, чтобы сказать «до свидания».

— Я сейчас выпишу вам чек, — спохватилась доктор Траш.

— Не надо.

— Что-что? — Она задумчиво потыкала в щеку концом шариковой ручки.

— Не надо. Вы меня осматривали. Будем считать это бартером.

Я знала, что подобное предложение противоречит принципам моей работодательницы, но не сомневалась в его чрезвычайной заманчивости, и оказалась права.

Кэрри Траш радостно улыбнулась и сказала:

— Слава богу! Не надо заполнять никаких квитанций!

— Слава богу, никаких отчислений в налоговую, — ответила я.

Уходя, я ощутила, что между мной, уборщицей, и врачом Кэрри Траш возникли не то чтобы доверительные отношения, но, по крайней мере, зачаточное чувство взаимной благодарности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Субботный день еле тянулся, а мой ушибленный бок болел все сильнее. Я, словно улитка, ползала по квартире миссис Хофстеттлер, но у нее как раз выдался плохой день, и она не обращала внимания на мою медлительность. Я же задавалась вопросом, каково это — день за днем недомогать и непровержимо знать, что такое состояние продлится до конца жизни.

Я дала показания в полиции, сидя на стуле очень прямо и делая неглубокие вздохи. Сотрудник, который их записывал, работал, очевидно, детективом, поскольку был одет в штатское. Он назвался Дольфом Стаффордом и заявил, что бесконечно рад со мной познакомиться. Коп то и дело искоса поглядывал на меня, в его нарочитой любезности сквозила жалость. Я поняла, что он тоже посвящен в мои прошлые злоключения, которые мне приходилось везде таскать с собой, подобно Старому Мореходу с извечным альбатросом на шее. [18]

Повествуя о гнусных подробностях истории с куклой и нападении Норвела, я мысленно наткнулась на давнишнюю проблему. Мое прошлое теперь раскрыто — значит, пора уезжать? Раньше я не задумываясь ответила бы «да», но я прожила в Шекспире четыре года — дольше, чем в прочих местах после изнасилования. Впервые в голове промелькнула мысль, а не проще ли было бы пережить все и забыть. И неожиданно эта мысль прочно обосновалась в голове.

Когда Дольф Стаффорд отпустил меня, я тут же отправилась домой, чтобы поскорее лечь, отдав себя на откуп боли. В конце концов, за продуктами можно будет сходить и в воскресенье, и в понедельник. Впрочем, мое нежелание отправляться в магазин было вызвано не только недомоганием. Я знала, что весь город уже слышал о выходке Норвела, и мне вовсе не хотелось там и сям наткнуться на сочувственные или испуганные взгляды.

Кэрри Траш на прощание дала мне несколько таблеток различных болеутоляющих. В прочих обстоятельствах я дважды подумала бы, прежде чем принять тайленол, но сейчас была готова проглотить любые пилюли, лишь бы они принесли облегчение.

Запив на кухне водой две капсулы, я уже собиралась завалиться в постель, как вдруг в дверь постучались. Сначала я решила просто не открывать, но резкий характер этого «тук-тук-тук» свидетельствовал о нетерпении и настойчивости посетителя. Его вторжение и без того немало разозлило меня, поэтому, подойдя к двери и взглянув в глазок, за которым обнаружился один из моих нанимателей, преподобный Джоэл Маккоркиндейл, я окончательно поникла духом и весьма неохотно отодвинула засов на двери.

— Приветствую вас, сестра! — Улыбка на устах священника поблекла, едва он разглядел мои царапины и неловкую позу. — Можно мне войти ненадолго? — Он мудро избрал тактику величавого сочувствия, не моргнув глазом, переступил порог, осмотрел мои скромные хоромы и заметил с неподдельной искренностью: — Прелестно.

Я напомнила себе, что обольщаться не стоит. Искренность — альтер эго нашего пастора. Я не предложила ему стул, и он тоже проглотил это весьма спокойно.

— Мисс Бард, мне известно, что у вас с Норвелом Уитбредом случилась личная ссора, хотя вы и работаете вместе в нашей церкви, — начал преподобный, разведывая мой настрой, и я насмешливо фыркнула. — Хочу, чтоб вы знали, насколько я удручен его вчерашним необдуманном поступком, и спешу сообщить: он ужасно раскаивается в том, что сильно

испугал вас.

Я смотрела в пол, выжидая, пока он окончит молоть языком, потому что постель, казалось, обрела дар речи и взывала ко мне все громче и выразительнее. С усилием я подняла глаза на Джоэла Маккоркиндейла и заверила его:

— Вовсе он меня не испугал. Вzbесил — да, но страха не вызвал.

— Что ж, это... замечательно. Должен сказать, что он просит прощения за нанесенные травмы.

— Я повыбила из него дерьмо.

— Он сегодня в таком плачевном состоянии! — вспыхнул святой отец.

Я улыбнулась и подстегнула гостя:

— Давайте ближе к делу.

— Я пришел нижайше попросить вас... Как вы отнеслись бы к тому, чтобы забрать из полиции заявление против него? Норвел раскаивается. Он понимает, что не должен был выпивать, знает, что кругом неправ, затаив на вас злобу. Ему прекрасно известно, что Господь заповедовал нам не обижать ближнего, тем более женщину...

Я прикрыла глаза, задаваясь вопросом, слушает ли пастор сам себя хоть иногда. Пока Маккоркиндейл живописал мне душевные страдания Норвела, я размышляла о том, что если бы не мое давнишнее, пусть и недолгое, столкновение нос к носу со смертью, то мне, чего доброго, захотелось бы прислушаться ко всей этой чуши.

Я подняла руку, призывая пастора замолчать, и жестко сказала:

— Я собираюсь преследовать его по всей строгости закона, и мне дела нет, откажетесь вы впредь от моих услуг или нет. Вы же знали, что он уже неделями не выходит из запоя — не могли не знать! Вам известно, что, несмотря на все его прекрасные уверения, он забудет о них в тот же момент, как увидит очередную бутылку. Вот его настоящая религия! Мне никогда не понять, зачем вы держите у себя этого типа, когда все, у кого есть глаза, уже не сомневаются на его счет. Может быть, у него на вас имеется компромат. Я этого не знаю и знать не хочу, но заявление не заберу.

Пастор, человек сообразительный, все уяснил сразу. Он задумчиво опустил глаза долу, очевидно что-то просчитывая в уме.

— Должен вам сказать, Лили, что некоторые члены нашей общины испытывают по отношению к вам те же чувства. Они не раз интересовались, почему я не избавлюсь от вас. Знаете, Лили, характер у вас — не приведи Господь!

Меня разбирал неудержимый хохот — вероятно, начинало действовать снотворное.

— Вы непостижимая и жестокая женщина, — продолжал свои нападки преподобный Маккоркиндейл. — Меня уже в открытую спрашивают, имеете ли вы право и дальше работать в этом городе, по крайней мере — в нашей добропорядочной общине!

— Меня не колышет, буду я и дальше работать в вашей добропорядочной общине или нет. Но если мне станет известно, что вы подстрекаете моих нанимателей уволить меня только потому, что я «непостижимая и жестокая», то ждите суда и вы. Чтобы постичь меня, достаточно заглянуть в мое прошлое. Что до моей якобы жестокости, предоставьте мне список инициированных мной драк или моих отсидок за решеткой — будет любопытно с ним ознакомиться!

Уязвленная тем, что стала так усердно оправдываться в ответ на притянутые за уши обвинения, я красноречиво указала пастору на дверь и решительно задвинула за ним засов. Моя кровать уже просто вопила. Я была не в силах игнорировать ее призыв, кое-как

пробралась через коридор к спальне и даже не вполне запомнила мучительные подробности отхода ко сну.

Проснувшись, я обнаружила на тумбочке рядом с кроватью записку. Должна признаться — и Джоэлу Маккоркиндейлу было бы небезынтересно это услышать, — что на сей раз я действительно испугалась.

Записка оказалась от Маршалла. Своим угловатым бисерным почерком он сообщал мне следующее:

Заглядывал к тебе в шесть, чтобы ехать ужинать в Монтроуз. Пришлось стучать пять раз — только тогда ты открыла, впустила меня, а сама снова пошла в комнату, легла в постель и тут же уснула. Я даже встревожился, но потом увидел конвертик с надписью «Болеутоляющее». Звони мне сразу, как проснешься.

Маршалл.

Прочитав его послание два раза, я уразумела, что бояться нечего, посмотрела на часы — ровно пять. Хм... Осторожно перекатившись к другому краю кровати, я встала и раздвинула планки жалюзи. Темнотища... Значит, пять утра.

— Боже праведный! — сказала я вслух, впечатленная действием предложенных доктором Траш пилюль.

Я бесцельно побродила по комнате, с удовольствием отметив, что после долгого сна чувствую себя несравненно лучше. Самая сильная боль уже отступила. Однако меня беспокоило то, что я впустила Маршалла в дом. Откуда я узнала, что это был именно он? Неужели я точно так же впустила бы кого угодно? Если так, то мне крупно повезло, что больше никто ко мне не постучался... Или стучался?..

Меня охватило внезапное беспокойство, и я принялась обследовать дом. Все осталось в том же состоянии, в каком было накануне. Единственным прибавлением была записка Маршалла да конвертик, в котором лежали еще две неизрасходованные пилюли.

Прибрав чудодейственные анальгетики про запас, я сварила себе кофе и задумалась, на что потратить предстоящий день. В воскресенье у меня выходной, но не по религиозным соображениям, а потому, что, с точки зрения большинства моих клиентов, это наименее подходящий день для уборки. Что ж, я считаю, что заслуживаю полный день для отдыха хотя бы раз в неделю. По утрам я обычно навожу порядок у себя дома или подстригаю лужайку. В час пополудни открывается «Телу время». Я еду туда и провожу в клубе около двух часов, потом возвращаюсь домой и стряпаю себе на неделю, про запас. Иногда беру напрокат фильмы в «Радужном видео» — «Кино широкого спектра» — или, бывает, звоню родителям.

Однако сегодня я поднялась слишком рано, да и вся неделя выдалась явно нетипичной, поэтому ни одно из упомянутых дел не показалось мне заманчивым. Я бегло пролистнула большое воскресное приложение к газете, выходящей в Литтл-Роке, едва скользнув глазами по колонке, где чаще всего сообщалось о побитых женах, брошенных детях и покинутых стариках, и задержалась лишь на тех сведениях, которые могла читать безболезненно. В основном они сводились к извещениям о сбежавших опасных домашних питомцах — на этой неделе, например, пропал удав, — политике и спорту.

Затем я с предосторожностями оделась, надеясь, что телодвижения не разбудят боль в

боку, и обрадовалась, убедившись, что худшие ощущения не возобновились. Правда, чувствительность еще оставалась повышенной, сгибаться было легко только в одну сторону, но все это не шло ни в какое сравнение со вчерашним днем.

«Вот и славно, — решила я. — Значит, непокорное недомогание и вялость вполне можно побороть».

Мой дом нуждался в хорошей уборке. Я натянула резиновые перчатки с ощущением, близким к удовольствию. Однако у меня тут же промелькнула мысль, не позвонить ли сейчас Маршаллу или не побежать ли к нему, пока не рассвело, чтобы скользнуть в постель. Впрочем, я тут же отмела подобные соблазны. Они грозили мне зависимостью от него, иллюзией, будто все в моей жизни раз и навсегда изменилось... Я постояла некоторое время, мечтательно разглядывая руки в перчатках и живописуя себе прелести секса с Маршаллом, красоты его тела и радости нового ощущения — быть желанной.

Тем не менее я приступила к генеральной уборке. Дом у меня небольшой, он просто не успевает зарости грязью, к тому же я знаю его как свои пять пальцев. Часа через полтора, когда горожане только-только начали просыпаться, мое жилище уже сверкало чистотой, а сама я мечтала об освежающем душе.

Однако на самом пороге ванной меня застал тихий стук в заднюю дверь. Чертыхнувшись, я вновь обернулась белым махровым халатом, неслышно подошла к двери и взглянула в глазок. На меня с той стороны смотрел Маршалл. Я вздохнула, не зная, радоваться мне или огорчаться тому, что он не прекращает вселять в меня необоснованные надежды.

С этими мыслями я открыла дверь и заявила прямо с порога:

— Если ты и дальше будешь продолжать в том же духе, то я решу, что мы с тобой — два сапога пара.

— И тебе привет, — откликнулся Маршалл, удивленно подняв брови. — Ты теперь в полном сознании?

— Почему бы тебе не сходить со мной в душ? — предложила я, уже спеша в ванную, к вожделенной горячей воде. — Вот тогда и посмотрим...

Оказалось, что я абсолютно в сознании. Он целовал меня под струями воды, а я переживала пугающее чувство желания сохранить этот драгоценный момент в неприкосновенности. Я понимала, что долгосрочные планы всегда подвержены огрехам, и знала, что мои нынешние уступки не могут пройти бесследно. Все это очень страшило меня.

После душа я одолжила Маршаллу свой махровый халат, а сама надела цветной, из тонкой ткани, и мы вместе уселись смотреть по телевизору старый фильм. Я положила между нами на диванчик плоску с виноградом, под ноги поставила скамеечку, и мы прекрасно провели время, восхищаясь игрой актеров и смеясь над сюжетными хитросплетениями.

Фильм кончился около полудня. Я встала, чтобы убрать остатки винограда в холодильник, и сквозь жалюзи на окне гостиной заметила красную машину, которую где-то уже видела. Она проехала мимо нарочито медленно.

— Кто это, Маршалл? — быстро спросила я, досадуя, что внешний мир никуда не исчез и вновь меня атакует.

Седака вскочил, взглянул в окно и ответил:

— Тея.

За его сдержанностью я угадала сильное озлобление и заметила:

— Она здесь уже не раз проезжала.

Ту же самую машину я видела, когда мы с Маршаллом обнимались у дома на стоянке. За последние дни она часто попадалась мне на глаза.

— Черт возьми! — выругался Маршалл. — Извини, Лили. Поскорей бы оформи развод! Ни один судья не поверит, что эта слабая беспомощная красавица-южанка способна откалывать такие фокусы!

Я все еще задумчиво глядела в окно, когда мимо дома прошествовала Йорки. Элва и Т. Л. шли степенно, рука об руку, одетые совсем не по-воскресному. Стало быть, направлялись они не в церковь — происшествие из ряда вон. Впрочем, при виде их я несколько не удивилась. Вся прошедшая неделя изобиловала примерами нетрадиционного поведения большинства моих немногочисленных знакомых. К ним я могла приплюсовать и самое себя.

Пардон доболтался до того, что стал жертвой убийства. Непоколебимые богобоязненные Йорки после изнасилования внучки утратили почву под ногами. Подобострастный Норвел Уитбрэд после двух лет примерного поведения показал себя в истинном свете. Том О'Хаген изменил своей жене Дженни. Дидра Дин видела Пардона мертвым. Клод Фридрих, получив секретное досье, прозевал утечку информации. Карлтон Кокрофт проявил и доказал на практике неожиданный интерес к своей соседке. Маркус Джефферсон играл с сынишкой в съемной квартире. Мэри Хофстеттлер дала показания полиции. Преподобный Джоэл Маккоркиндейл наведлся с визитом ко мне домой. Маршалл Седака увлекся одной из своих учениц. Она ответила ему взаимностью. Некто отвез тело в дендрарий. Еще один тип оставил наручники там, где я не могла их не заметить, убил крысу и подбросил размалеванного Кена мне на капот.

— В общем, прошедшая неделя переплюнула все предыдущие, — подытожила я, повернувшись к Маршаллу.

— То ли еще будет, — откликнулся он и очень удивился, когда я от души расхохоталась.

— Давай-ка я расскажу тебе, что случилось в прошлый понедельник, — предложила я и впервые выложила то, чему стала свидетельницей на ночной прогулке.

— Так ты видела убийцу?

— Того, кто избавился от тела.

Маршалл призадумался, потом сказал:

— Понимаю, почему ты до сих пор ничего не рассказала полиции. Тут замешана твоя тележка. Поскольку никого по этому делу до сих пор не арестовали, ты, скорее всего, в серьезной опасности.

— Почему же?

— Убийца может подумать, будто ты разглядела то, что тебе видеть не полагалось, — пояснил Маршалл. — По крайней мере, в фильмах преступники часто так рассуждают и потом начинают охотиться за тем, кто у них на крючке, — даже если этот бедолага ничего на самом деле не знает.

— Да, но то в фильмах, а здесь — Шекспир!

Когда до меня дошел смысл сказанного, я вновь рассмеялась. Маршалл недоуменно посмотрел на меня, и мне пришлось пояснить.

— Лили, мне кажется, чем скорее полиция арестует кого-нибудь по подозрению в убийстве, тем будет лучше для тебя, — заметил он.

— Кто бы спорил!

— Тогда мы бы смогли не отвлекаться от поисков того, кто так зло подшучивает над

тобой и Теей!

Надсадная нотка в его голосе насторожила меня, поэтому я спросила:

— С ней еще что-то случилось?

— Она позвонила мне сегодня около шести утра. Ночью кто-то пробрался к ее задней двери и красящим спреем написал там: «Сучка».

— Да ну! — Мой скептицизм явно поверг Маршалла в изумление. — Ты пришел ко мне ради меня самой или желая посмотреть, не крадусь ли я к дому через задний дворик с баллончиком спрея?

Он сомкнул веки, глубоко вздохнул и ответил:

— Лили, я думаю, что если бы ты точила зуб на Тею, то вызвала бы ее на поединок или игнорировала бы до конца жизни. Но я не могу представить, чтобы ты подкралась в темноте к дому соперницы и изукрасила ее дверь спреем!

Впрочем, мне показалось, что он в этом не убежден на сто процентов. Когда я поставила вопрос ребром, в его глазах на секунду, буквально на миг, промелькнуло что-то похожее на облегчение.

Я опустила в кресло и пристально посмотрела на Маршалла.

— Не знаю, может, я и ошибаюсь, но то ли слишком остро на все реагирую, то ли Тея так подточила в тебе доверие к собственным суждениям, что ты даже свою интуицию ставишь под сомнение.

Седака не торопился с ответом, и я это одобрила. Мне хотелось, чтобы он поразмыслил как следует.

— Может быть, то и другое, — наконец признался сэнсэй. — Ладно, нам уже пора на занятие.

Натягивая старые серые спортивные штаны и темно-синюю футболку, я обдумывала, хорошо ли, что Маршалл не прочь заняться со мной сексом, несмотря на то обстоятельство, что в вотуме доверия он мне, кажется, отказал. Означает ли это, что радость от новообретенной мужественности породила в нем равнодушие к возможной травле его благоверной с моей стороны?

«Взаимоотношения полов по большей части напоминают хождение по минному полю», — брезгливо подумала я.

Маршалл уже ждал меня в гостиной. Он расхаживал по комнате, тоже переодетый в синие спортивные и терракотовую футболку с эмблемой клуба. Мне странно было смотреть из коридора на его подвижную фигуру, чувствовать прилив желания и знать, что наши интимные отношения не понудят его передергиваться всякий раз от воспоминания о рассказанной мною ужасной истории. Тем не менее я время от времени отстранялась от него.

Так случилось и на этот раз. В моей машине по дороге в «Телу время» мы почти не разговаривали, но перспектива заняться с Маршаллом тем, что доставляет мне удовольствие, равно как и ему, побеждала мою скованность.

Войдя в клуб, мы застали Джанет Шук на беговой дорожке. Она вытаращила на нас глаза, очевидно что-то наскоро соображая. Я небрежно махнула ей. Маршалл перекинулся парой фраз с Дерриком, открывшим клуб вместо него, и мы наметили план тренировки. На этот раз был «ножной» день — не самый мой любимый, но в компании подкачивать ноги гораздо веселее. Как, оказывается, удобно и приятно, когда Маршалл ставит или снимает утяжелители, подстраховывает, — и как здорово, что можно отплатить за любезность тем

же!

С началом нашего романа те люди, которые раньше только кивали, теперь подходили и сами заговаривали со мной. Разумеется, Маршалла здесь все знали, однако выяснилось, что и я им знакома. Ученики называли меня по имени. Мое расцарапанное лицо привлекало косые взгляды, но никто не решился упомянуть имя Норвела Уитбрета. Конечно, это тоже мне льстило, хотя скоро я обнаружила, что после обмена приветствиями больше ничего не могу сказать приятелям Маршалла. Поэтому я просто стояла рядом и слушала их болтовню. Сэнсэй чем-то сродни местному рекламно-информационному агентству. Кто бы ни подходил к нему, все непременно обсуждали с ним либо сплетни, либо последние новости. Меня при этом никто не стеснялся — мне даже стало интересно, почему это так. Ответ на вопрос дал один из клубных сплетников. Он намекнул Маршаллу, что я умею держать язык за зубами. Я удивилась тому, что люди меня вообще замечают, но потом вспомнила простую истину: в маленьком городе невидимкой не проживешь.

Несмотря на боли в боку, я выжала ногами триста фунтов. В этот момент тренировавшийся рядом Брайан Грубер, один из крупнейших предпринимателей в Шекспире, возглавляющий фабрику по производству матрасов, потихоньку подошел к Маршаллу и что-то зашептал ему на ухо. Седака угрюмо слушал и то и дело быстро кивал. Разговор у них был явно мужской, поэтому, чтобы дать им закончить, я перешла к следующему комплекту утяжелителей. Маршалл ведь велел мне подкачать четырехглавые мышцы.

Закончив, я решила сначала отдышаться, не вставая с тренажера. Брайан уже отправился на свое место, где доводил до совершенства бицепсы, а Маршалл с задумчивым и недовольным видом добавил себе с каждой стороны по двадцать пять фунтов. Я двинулась в его сторону, но он отвел глаза. Я взяла полотенце, начала вытирать лоб и решила: черта с два спрошу первая.

Маршалл занял положение на тренажере, поставив ноги на толчковую планку и тщательно выровняв их. Сначала он нажал легонько, снимая утяжелители с опор — они тут же отошли в стороны. Затем, ощерившись от напряжения, Маршалл начал серию отжиманий. Возможно, так он пытался подбодрить меня. Триста фунтов были моим потолком. Я знала, что Маршалл способен выжать в два раза больше, но я с каменным лицом выжидала, пока он закончит упражнение и положит утяжелители обратно на стойки. Все еще лежа, он сделал мне знак подойти, и я присела рядом на корточки.

Новости, которые он сообщил мне, оказались неважными:

— Брайан недавно слышал, что Тея всем в церкви трезвонит о том, что при разделе имущества обдерет меня как липку. Но он повторил то же, что я уже слышал от тебя, — ночью она принимала гостя, а это при разводе сыграет против нее.

— У тебя тоже была гостья, — заметила я.

Маршалл смутился. Я встала и начала утирать лицо полотенцем, как будто оно было мокрым от пота. На самом деле мне требовалось охладить внутренний пыл и вернуть прежнюю невозмутимость. Я очень хотела подхватить сумку и, не говоря ни слова, удалиться, но тем самым только выказала бы свою трусость.

Я привалилась спиной к ножному тренажеру и стала наблюдать за симпатичной девицей, весело болтающей с Бобо Уинтропом. Она сетовала ему на то, с каким трудом ей удастся выжимать лежа две двадцатифунтовые гантели. Бобо невзначай посмотрел на меня, захолопал глазами, удивившись моему понурому виду, беззвучно спросил: «Все нормально?».

и я поспешно кивнула. Девушка на скамейке отвлекла его внимание, и тут же я отвела глаза, чтобы больше не встречаться взглядом с Бобо, иначе он вынужден был бы подойти ко мне.

Кто-то положил руки мне на плечи, и я дернулась, словно лошадка, сгоняющая муху.

— Значит, мне нужно найти какую-то другую зацепку, — спокойно сказал Маршалл и принялся снимать с тренажера двадцатипятифунтовые утяжелители.

— Оставь-ка, — попросила я и легла на тренажер.

Упершись в планку, я отодвинула подпорки и начала толкать. После пяти попыток я явственно почувствовала, что вот-вот опять подступят сильные боли.

В завершение тренировки в зале для аэробики мы сделали три серии выпадов и махов ногами, по тридцать в каждой.

Немного передохнув, мы с Маршаллом присели побеседовать, и я сказала ему то, что он, вероятно, ждал от меня:

— Наверное, нам до твоего развода не стоит видеться. Тея нервничает, у нее проблемы и дома, и на работе. Давай не будем ухудшать ее положение, и без того неважное. В конечном счете это может плохо отразиться и на тебе — при разделе имущества и прочем.

— Мне вовсе не нравится, что эта ненормальная указывает, как мне строить свою жизнь, — ответил Маршалл.

Он действительно был раздосадован, но отчасти и обрадован моим предложением. Я не имела права сердиться на него, поскольку тоже зарабатывала на жизнь в поте лица.

— К тому же остаются еще эти гадкие шуточки, — добавила я, сделав многозначительную паузу. — Мне тоже не хочется выходить из дома и каждый раз трястись, как бы кто-то не подбросил мне на крыльцо или на капот какую-нибудь дрянь. Может быть, если мы перестанем видеться на какое-то время, то это все прекратится. Если такие фокусы устраивает тот же человек, который издевается над Теей, судя по всему, у него к тебе серьезные претензии. Если меня не будет рядом с тобой, он — или она — вероятно, не замедлит их высказать. Ты там сам разберешься, и мне будет спокойнее.

— Даже не знаю, что сказать на это, Лили, — задумчиво обронил Маршалл. — Я не хочу расставаться с тобой, когда мы только-только...

— Я никуда не исчезаю, — оборвала его я, вставая и не обращая внимания на возобновившиеся боли в боку. — Мы будем видеться на занятиях по карате и просто так, время от времени.

Я не стала дожидаться, пока Маршалл придумает какое-нибудь возражение, и ушла. По дороге домой я ощутила давно забытое мною чувство — разочарование.

Едва свернув на Трэк-стрит, на изгибе подъездной аллеи к своему дому я заприметила полицейскую машину, к которой прислонился Клод Фридрих — воплощенная монолитность и незыблемость, словно у него в запасе было все время до скончания веков.

Я незамедлительно приняла решение ехать покупать продукты. Пока он не успел меня засечь, я осторожно попятилась, глядя в зеркало заднего вида, и покатила по шоссе в противоположном направлении. В тот момент мне не хотелось разговаривать ни с кем, а меньше всего — с всевидящим Фридрихом.

Я уже несколько лет не выбиралась в магазин без списка покупок. Обычно в воскресенье я готовлю себе еду на неделю, и к сегодняшнему дню мой холодильник был практически пуст. В прошлое посещение «Крогера» я затаривалась продуктами для себя и для Йорков. Хм, они так и не вернули мне деньги — ни за продукты, ни за уборку в среду. Мне до ужаса не хотелось им докучать, учитывая их угнетенное состояние после суда над

насильником внучки. Впрочем, если уж Йорки нашли в себе силы прогуляться, значит, их дела не так плохи, и они могли бы вернуть мне долг.

Пока я натужно вспоминала ингредиенты, составляющие мою любимую тортилью, в мою тележку неожиданно врезалась другая. Я в злобе подняла на растяпу глаза и обнаружила, что наконец-то нашла отдушину, как нельзя лучше позволяющую выпустить закипавшее во мне раздражение. Она, в скромном платье-рубашке и мокасынах, стояла совсем рядом со мной.

Свою тележку в меня направила Тея Седака. Она сделала это нарочно. Ее уставленный на меня взгляд довольно бездарно выражал сожаление — он весь сочился ненавистью. Я давно не видела ее вблизи. За это время она нисколько не подурнела. У хрупкой и миниатюрной миссис Седака, хотя уже практически бывшей, приятное округлое лицо, безукоризненно обрамленное темными волосами до плеч. При одном взгляде на ее великосветскую изысканность я начинала казаться себе дояркой-нескладехой и даже не знала, производит ли Тея это впечатление намеренно, или во всем виновата моя излишняя чувствительность.

Но теперь я проникла в тайные глубины натуры Теи и поняла, каким образом она добивалась моего низложения. Дамочка посмотрела на меня снизу вверх. Я была не намного выше ее, но все равно почувствовала себя явным исполином. Затем, слегка нахмурившись, Тея стала разворачивать тележку с таким видом, словно это была тяжело груженная подвода. Ее темно-зеленое платье было сплошь усыпано крохотными розоватыми цветочками — Тея не переносит ничего аляповатого, кричащего. Взглянув на мою спортивную экипировку, она скорчила презрительную мину.

Наконец, управившись с тележкой, Тея поравнялась со мной. Мы стояли в самой середине прохода с овощными консервами. Я увидела, как ее губы скривились в ехидной усмешке, поняла, что она измышляет, что бы такого обидного мне сказать, но опередила Тею и сама основательно припечатала эту особу. Я склонилась к ее уху и тихо проговорила с самой обворожительной улыбкой, на какую была способна:

— Еще раз проедешь мимо моего дома, и я попрошу Клода Фридриха тебя арестовать.

Тея очень забавно смешалась, но быстро нашла достойный ответ.

— Маршалл мой! — прошипела она, вызвав во мне яркие воспоминания о школьном спектакле, который мы ставили в седьмом классе. — Ах ты, разлучница! Вздумала разрушать благополучную семью!

— Наверное, все же не слишком удачную, — возразила я. — Посоветуй лучше Тому Дэвиду найти другое место для парковки.

Тея опять пришла в замешательство. Но не такова была общепризнанная городская красавица, чтобы в мгновение ока не овладеть собой.

— Если это именно ты подбрасываешь мне в дом всякие мерзости, то прошу, перестань! — У нее на глазах даже блеснули слезы.

Она намеренно повысила голос, так что старушка, изучавшая этикетки на суповых заправках, в ужасе покосилась на меня.

— Какие такие мерзости? — не моргнув глазом спросила я. — Вот бедняжечка! Кто-то подбрасывает тебе на крыльцо не пойми что? А как же полиция?

Тея запунцовела. Ни в какую полицию она, разумеется, не обращалась, потому что эта самая служба в лице Тома Дэвида Миклджона и так всегда была под рукой.

— Знаешь, если ты опасаясь воров, то Клод наверняка не откажется выставить возле

твоего дома охрану, — сказала я почти с натуральным участием.

Старушка одобрительно кивнула на мои слова и побрела дальше по проходу, сравнивая ценники на баночках с томатным соусом. Я ничем не погрешила против искренности, наоборот, постаралась подбодрить и в чем-то надоумить собеседницу. Тее волей-неволей пришлось двинуться дальше, в сторону мясного прилавка. Нетерпеливо дернув тележку, она напоследок процедила:

— Я это так не оставлю.

Жалкая концовка.

Из супермаркета я вышла с несколькими увесистыми сумками и, пока ехала домой, почти восстановила душевное равновесие. Но шеф полиции никуда не делся. Как бы не так! Он только убрал с подъездной аллеи машину — наверное, поставил ее на стоянку за Садовыми квартирами, — зато сам все еще торчал на моей парковке.

Я подрулила к дому и открыла багажник. Не хватало еще, чтобы я начала сторониться собственного жилья. Фридрих недолго стоял сложа руки. Завидев меня, он неторопливо тронулся в мою сторону.

— Что с вами такое? — недовольно спросила я. — Почему вы без конца сюда приходите? Я ничего плохого не совершала.

— По вам не скажешь, что вы мне очень рады, хотя это наверняка так, — пробасил Фридрих. — Но вид у вас теперь гораздо лучше. А как бок?

Я отомкнула кухонный вход, отнесла в дом кошелек и сумку для тренировок, затем вернулась, чтобы забрать два из четырех пакетов с продуктами. Фридрих, не говоря ни слова, подхватил оставшиеся и последовал за мной в кухню. Я так же молча сложила консервы в кладовку, мясо запихнула в холодильник, а пакеты с соком расставила по полочкам на дверце.

Распаковав сумки, сложив их и убрав в специальное отделение под раковиной, я села напротив Фридриха, который без приглашения успел занять место за простым деревянным столом, в упор посмотрела на него и спросила:

— Так что?

— Расскажите мне, что вы видели в ту ночь, когда был убит Пардон.

Я принялась изучать свои руки, обдумывая перспективы. Моей целью являлся покой, для этого надо было избежать вопросов полиции о моем прошлом. Но Фридрих в любом случае уже знал о нем, к тому же он проявил чрезмерное доверие к своим подчиненным. Моя история перестала быть тайной, и последствия этого оказались не настолько удручающими, как я того ожидала. Или же я сама изменилась.

Впрочем, если Фридрих явился только выслушать показания и после этого мне не придется тащиться в участок, то почему бы не рассказать ему о том немногом, что я видела? Думаю, Маршалл слегка застрацал меня киношными байками о женщине, которая слишком много знает.

Фридрих терпеливо ждал. Присутствие этого великана тяготило бы меня меньше, если бы я была чиста перед законом. Тогда он не замедлил бы выразить мне свое одобрение. Я невольно приподняла уголок рта в сардонической усмешке. Умение создать располагающую атмосферу — вот чему, несомненно, был обязан Клод Фридрих репутацией хорошего полицейского.

— Ладно, расскажу вам о том, что видела, — вдруг решившись, заявила я, пристально посмотрела на Фридриха и положила ладони на стол. — Но от этого ничего не изменится.

Вот почему мне казалось бесполезным сообщать об этом раньше.

— Ведь это вы звонили мне той ночью, да?

— Да. Это была я. Мне, конечно, не хотелось, чтобы тело пролежало там до утра, но больше я опасалась, как бы на него не наткнулись детишки.

— Почему же вы с самого начала не признались в этом?

— Потому что не хотела попадать в поле вашего зрения. То, что я видела, было не настолько существенно, чтобы подвергать себя риску. Ведь вы могли на всякий случай позвонить в Мемфис и там узнать о моих прошлых передрыгах. Мне не хотелось, чтобы здесь знали о них. Но именно так и вышло. — Я снова поглядела ему прямо в глаза.

— Это моя ошибка, причем непоправимая, — пророкотал Фридрих. — Я даже не могу выразить, как сожалею о том, что оставил тот факс у себя на столе без присмотра, но принимаю меры, чтобы ущерб вышел минимальный.

Его извинение превзошло мои запросы, да и чем еще он мог меня утешить? Я пожалала плечами, мой гнев поутих. Я давно знала, что рано или поздно прошлое вновь поставит барьеры на моем пути.

— Собственно, я видела только человека в плаще с капюшоном, — прозаически начала я. — Он катил Пардона к парку. Я не знаю, кто это был, но уверена, что он один из жильцов Садовых квартир. Думаю, вы и сами об этом уже догадались, потому что тело Пардона столько раз то исчезало, то появлялось вновь. Когда Том О'Хаген платил за жилье, трупа не было, зато когда приходила Дидра, он опять вернулся на место. Вероятно, его в это время прятали в одной из квартир, хотя у меня в голове не уместается, зачем кому-то таскать туда-сюда несчастного мертвеца.

— Как тело попало в дендрарий?

— Его упаковали в мешки для мусора. Один натянули на нижнюю половину тела, а другой — на верхнюю. Затем труп погрузили на мою тележку и отвезли в парк. — Вспомнив о том, для какой цели использовали мой инвентарь, я ощутила знакомый приступ ярости.

— Куда же делись мешки для мусора?

— Сгорели на переработке.

— Зачем вы их выкинули?

— На них остались мои отпечатки. Я щупала у Пардона пульс.

Фридрих до того загадочно на меня посмотрел, что я не удержалась и спросила:

— Что?

Он лишь покачал головой и проворчал:

— Рассказывайте с самого начала.

Я начала с прогулки. Осознав, что я довольно часто брожу в одиночку по городу среди ночи, Фридрих удивленно поднял брови, но не перебивал меня до тех пор, пока я не окончила повествование.

— Сделайте одолжение, Лили. В следующий раз все же позвоните для начала мне.

Я удивилась. До меня не сразу дошло, что шеф полиции шутит. Я улыбнулась, и он ответил тем же — не до ушей, конечно, но вполне дружелюбно. Меня до глубины души тронула его доброта, и я не стесняясь приняла ее, как, наверное, любой подозреваемый, доказавший свою невиновность. А почему бы, собственно, и нет? Я решила, что преждевременно обзывала себя дурьей башкой.

Я рассчитывала, что теперь-то Фридрих наконец уйдет, но он не трогался с места, с явным удовольствием расположившись за моим чистым и пустым кухонным столом.

— Итак, в один и тот же период времени мы наблюдаем убийство Пардона Элби и загадочную травлю двух женщин: Лили Бард и Теи Седака, — начал он. — Тея ни разу не обращалась к нам с официальным заявлением, но Том Дэвид кое о чем проговорился Дольфу, а тот счел нужным донести мне. Я желал бы разобраться, что же все-таки происходит во вверенном мне городе. Вам самим, Лили, не кажется странным, что в одно и то же время в Шекспире творится столько необъяснимых вещей?

Я кивнула, хотя насчет загадочной травли у меня имелись некоторые соображения. Потом я не торопясь достала разделочную доску, нож, пакет с куриными грудками и начала отделять мясо от костей и кожи.

— Йорков в понедельник дома не было, — продолжал Клод Фридрих, а я занималась своим делом и слушала. — Они вернулись только поздно вечером. Миссис Хофстеттлер весь день сидела у себя, но она глуховата, а временами практически обездвижена. Дженни О'Хаген была на работе, а Том спал. Потом он встал и поехал в загородный клуб, где сыграл партию в гольф. Затем О'Хаген вернулся домой и поднялся на второй этаж, чтобы заплатить за молчание вымогателю Уитбреду, который в тот день отлынивал от работы, выпросив себе выходной по болезни. Когда Том спускался по лестнице, вы как раз открывали дверь к Йоркам. Он увидел, что квартира Пардона не заперта, но тела в тот момент там не было, хотя вещи кто-то успел сдвинуть с привычных мест. Еще через полтора часа вернулась домой с работы Дидра. Она поднялась к себе и забрала оставленный матерью чек, а потом снова спустилась, чтобы заплатить за квартиру. Труп-скиталец Пардона к этому времени вновь оказался на диванчике, но лежал в такой естественной позе, что Дидра приняла его за спящего.

— А когда же все остальные внесли плату? — спросила я, отмывая руки под краном.

Презентация картины преступления, проведенная начальником полиции, озадачивала и забавляла меня одновременно.

— Я подсунул свой чек ему под дверь тем же утром, когда уходил в участок, — пояснил Фридрих. — За Норвела платит церковь. Преподобный Маккоркиндейл сообщил мне, что секретарь высылает Пардону чек по почте. Маркус Джефферсон сказал, что он тоже подложил свой чек Пардону под дверь еще утром, и мистер Элби проявил расторопность, поскольку наведаясь в банк к самому открытию. Когда я позвонил туда навести справки, выяснилось, что деньги с моего чека, а также Маркуса и миссис Хофстеттлер уже перечислены на счет домовладельца.

— А тот, который отправляла церковь?

— Пришел на почтовый ящик Пардона только через два дня после его смерти.

«А ведь Пардону было не в тягость лишний раз заглянуть в церковь или прямо к Норвелу и напомнить ему, чтобы не тянули с оплатой», — подумала я, внимательно поглядев на Фридриха.

— Тем не менее Норвел уверяет, что Пардон к нему не заходил, — сообщил полицейский-исполин.

Я вернулась к стирке, только тут сообразив, какой чудной у нас получается обмен мнениями, и заметила:

— Но он лжет.

— Как вы догадались?

— Пардон сам пылесосил коридоры в понедельник. Помните, как был свернут шнур? Вероятнее всего, мистер Элби поднялся к Норвелу, чтобы выяснить, почему его жилец не

выполнил назначенную работу. В понедельник Уитбред приступает к церковным обязанностям только вечером — прежде он должен убрать в своем здании. За это Пардон делает ему скидку в оплате квартиры.

— Откуда вы все это знаете, Лили?

— Если дело касается уборки, то, конечно, мне все известно. Да, кажется, Пардон сам так и говорил, когда объяснял, почему вместо меня здание Садовых квартир будет убирать Норвел. Просто ему, как всегда, хотелось поболтать, а я только обрадовалась, что больше не придется выполнять нудную и плохо оплачиваемую работу под пристальным надзором надоедливого Пардона.

Клод — я решила его теперь так называть — задержал на мне любопытный взгляд, а потом возобновил описание перипетий последнего дня жизни нашего домовладельца:

— Значит, утром Пардон зашел к миссис Хофстеттлер, забрал у нее чек и уже с тремя такими бумажками отправился в банк.

Я меж тем сделала маринад и положила на сковородку тонко разделанные куриные ломтики. Мне почему-то очень захотелось приготовить на ужин рагу. Пока я шинковала картофель, морковку, лук и складывала их в сотейник, мясо успело подрумяниться. Затем я смешала подливку для тортильи. У меня осталось немного рубленого мяса и помидоров — они тоже сгодились для соуса. Я разрешила раскатанное тесто на три лепешки и подала Клоду терку и сыр.

Он послушно принялся за изготовление сырной стружки, спросив лишь:

— Сколько?

— Чашку, — ответила я и поставила ее на стол поближе к нему. — Так вы говорили?..

— Потом Пардон сделал несколько телефонных звонков, — продолжил Клод. — Сначала на завод, где работает Маркус, — кому, нам пока неизвестно. Разумеется, совершенно необязательно Маркусу. На заводе работают двести с лишним человек. Около одиннадцати Пардон звонил в округ Крик. У него там за городом живет приятель. Они когда-то ходили вместе в школу, но сейчас его бывший одноклассник уехал по делам в Оклахома-Сити, и нам пока не удалось с ним связаться.

Я поставила на медленный огонь овощи для тушения и пустой котелок с выпуклым дном. Пока он прогревался, я выстлала сковородку раскатанным тестом и поочередно добавила все ингредиенты тортильи, включая тертый сыр, а потом убрала все в морозилку. Приглушенный голос Клода действовал на меня умиротворяюще, словно любимая музыка на кассете или аудиокнига. Я рассчитала, что рагу должно хватить на два приема, а тушенки — на три, а то и больше. Как-нибудь можно будет поужинать запеченным картофелем с овощами, и еще останется тортилья и салат.

Поставив рис в микроволновку, я начала обжаривать мясо с овощами, даже не заметив поначалу, что Клод почему-то замолчал. Я быстро перемешивала жаркое, полностью предаваясь спокойному сосредоточению, какое снисходит на меня во время работы, если она хорошо получается.

Рис и овощи с мясом подспели практически одновременно, и я встала перед небольшой дилеммой. Однако после секундного замешательства — совместный ужин с полицейским грозил очередным сбоем в моем некогда выверенном графике — я вынула из шкафика две тарелки и положила на них щедрые порции. Я подала Фридриху вилку и салфетку, поставила перед ним стакан с чаем и полную тарелку, затем налила себе чаю, взяла вилку и тарелку со своей порцией, посолила, поперчила еду, а напоследок выставила

на стол соевый соус. Наконец, заняв свое место, я коротко кивнула Клоду, дескать, можно начинать. Тогда он взялся за вилку и стал есть.

Я глядела строго себе в тарелку, а когда все же подняла глаза, Клод уже расправился с едой и тщательно промокал рот салфеткой, явно заботясь о чистоте усов.

— Очень вкусно, — сказал он.

Я пожалала плечами, тут же сообразила, что не слишком учтиво реагирую на комплимент, заставила себя встретиться с ним взглядом и натянуто произнесла:

— Спасибо.

Никогда еще мое социальное воздержание не напоминало о себе с такой остротой.

— Еще положить? — с натугой спросила я.

— Нет, спасибо, накормили на славу, — вежливо ответил Фридрих. — Вы уже закончили?

Я недоуменно кивнула, но в следующую минуту поняла, зачем ему понадобилось это знать. Клод дотянулся через стол до моего прибора и пошел с тарелками и вилками к мойке. Он включил воду, без труда отыскал моющую жидкость и принялся отскребать всю грязную посуду, что стояла рядом на разделочном столе.

Несколько секунд я сидела, не вставая с места, с разинутым ртом, затем очнулась и поднялась, чтобы разложить остатки продуктов по отведенным для них емкостям и упаковкам. Опустевший котелок я хоть и неуверенно, но поставила рядом с мойкой, где орудовал Клод. Когда он справился с работой, я прошлась по обеденному и разделочному столам чистой тряпочкой, а напоследок подмела пол. Потом, не зная за что еще приняться, я протерла полотенцем посуду, поставленную стекать на сушилку, и убрала ее в шкаф.

Наконец с домашними делами было покончено, но не успела я задаться мучительным вопросом, что же дальше, как Клод протянул свою внушительную клешню и пожал мне руку.

— Люблю вкусно поесть. Сам я уже запарился готовить, — заявил он и пошел к выходу.

Я, как полагается хозяйке, проводила его до дверей, на всякий случай плотно обхватив себя руками.

— До свидания, — сказала я ему на прощание, чувствуя, что этого явно недостаточно, но мне больше ничего не лезло в голову.

Совершенно неожиданно он расплылся в улыбке, и я вдруг поняла, что еще ни разу не видела его таким, с углубившимися морщинками у приподнятых уголков губ, с озорно косящими серыми глазами.

— Спокойной ночи, Лили, — пробасил Клод и по подъездной аллейке направился к тротуару.

Там он свернул к Садовым квартирам, но на меня не оглянулся. Я закрыла дверь, машинально щелкнула замком и, перед тем как лечь спать, снова наведальась в кухню — проверить, все ли там блестит чистотой. В ванной я увидела в зеркале, что все еще улыбаюсь, и поймала себя на размышлениях о том, каков Клод Фридрих в постели.

Я покачала головой, глядя на свое отражение, и укорила его:

— Ты катишься под откос, Лили!

Но мое лицо в зеркале, кажется, выражало удовольствие от подобной перспективы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда я начала краситься. Я с досадой вздохнула. Так хотелось надеяться, что с началом новой рабочей недели моя жизнь снова войдет в норму!

— Да? — отрывисто спросила я.

— Лили Бард? — донесся из трубки смутно знакомый женский голос.

— Да.

— Это Элва Йорк. Мы с Т. Л. только вчера вспомнили, что задолжали тебе.

— Я могу зайти к вам сегодня утром, в половине одиннадцатого.

К тому времени я рассчитывала уже управиться у первого клиента.

— Мы тебя ждем.

Я проверила запасы чистящих средств и отнесла рабочий контейнер в машину, а сама все раздумывала, стоит ли интересоваться у Йорков, как обстоят дела с их внучкой, или вообще не касаться этой темы. Наконец решила, что будет спокойнее, если я ее обойду. Пора было вновь установить с клиентами проверенную опытом дистанцию.

Приступив к еженедельной двухчасовой уборке у Альтхаусов — им не помешала бы и пятичасовая, но их бюджет столько не мог потянуть, — я пустилась в пространные и упорные размышления о жильцах Садовых квартир. Один из этих людей убил Пардона Элби, надоедливый образ которого уже понемногу стирался в моей памяти. Несмотря на мелкие грешки — пристрастие к сованию носа в чужие дела и вкус к сплетням, — наш домовладелец все же не заслужил подобной кончины.

Пока я усердно отскребала с кухонного линолеума комочек жвачки, брошенный кем-то из многочисленных детей Альтхаусов, у меня не шла из ума и сама эта насильственная смерть, и пренебрежение, проявленное к трупу. Я вновь задумалась, где прятали тело во время его необъяснимых перемещений. Вполне возможно, что где-нибудь в квартире самого мистера Элби... Однако Клод, вчера ни с того ни с сего пустившийся со мной в откровенности, конечно же, не скрыл бы от меня, если бы нашлись подтверждения этой версии. Стало быть, прятали где-то поблизости, но не в квартире Пардона и не в кладовке под лестницей. Открыть ее могли только я и сам домовладелец, но убийца не воспользовался ключом Пардона, о чем свидетельствовал идеальный порядок в каморке.

Итак, в самом здании — а может, в гараже? Мне показалось, что где-то на задворках сознания промелькнула некая мысль, вот только бы понять, какая именно. Как будто кто-то из жильцов однажды обмолвился мне о чем-то таком, что меня удивило... но, Боже милосердный, я за последнее время переговорила с кучей людей! Неудивительно, что все позабывала! Впрочем, если не думать нарочно, эта частность сама всплывет в памяти. Я снова начала прикидывать, где в Садовых квартирах есть подходящие места, чтобы спрятать тело.

Квартиры миссис Хофстеттлер и Клода я решила сразу исключить. Мэри Хофстеттлер — старуха толковая, несмотря на болячки и хвори, она еще не настолько одряхлела, чтобы в упор не видеть у себя под носом мертвеца. Ну а Клод — он-то Пардона точно не убивал! Я сама не знала, на чем зиждилась моя уверенность, но тем не менее... Йорков до самого вечера не было в городе. Оставались О'Хагены — вернее, только Том, поскольку Дженни была на работе, — Дидра Дин, Норвел Уитбред и Маркус Джефферсон.

Включив устаревший пылесос Альтхаусов, я начала рассматривать кандидатуру Тома О'Хагена. Вдруг он солгал, будто в гостиной Пардона никого не было? Допустим, труп хозяина лежал на диванчике, как застала его Дидра час спустя? Некоторое время я муссировала эту идею, но решительно ни к чему не пришла, не могла изобрести ни одной правдоподобной причины, зачем Тому О'Хагену лгать об этом. Он мог бы, как и Дидра, сказать, что счел Пардона спящим, или заявить, будто гостиная имела обычный вид. Он, мол, решил, что Пардон просто куда-то вышел на минутку или отлучился в туалет. Том вместо этого настаивал, что мебель была сдвинута с привычных мест, а коврик скомкан так, словно в комнате неизвестно что происходило.

Наконец я с досадой оставила Тома О'Хагена в покое. Следующим в списке подозреваемых у меня фигурировал Джефферсон. У Маркуса, несомненно, хватило бы силы, чтобы перетаскивать тело Пардона, к тому же у него был свой камень за пазухой на домовладельца. Маркус обожал сынишку, которого собственническая политика мистера Элби мешала приводить к себе. Но подобной мотивации было явно недостаточно для нанесения Пардону смертельного удара — по крайней мере, с моей точки зрения. Я могла представить себе подобное, только если бы Пардон чем-нибудь сильно разозлил Маркуса, скажем, пригрозил бы рассказать его бывшей жене, что тот путается с белой женщиной. Если бы до его бывшей супруги дошли такие сведения, интересно, воспрепятствовала бы она дальнейшим встречам отца с сыном или нет, впечатлилась бы подобной информацией, учитывая нравы нашего времени? Кстати, Пардон в день своей смерти звонил Маркусу на работу. Но кроме Джефферсона на заводе числятся двести с хвостиком служащих — и среди них, как мне вдруг вспомнилось, отчим Дидры Дин, Джеррелл Кноп. Его я знала как любезного и учтвого человека совершенно твердокаменных принципов. Он, без сомнения, испытал бы немалый шок, если бы уличил свою падчерицу в каких бы то ни было сношениях с чернокожим.

Но если бы Джеррелл решил на убийство, то не тронул бы Пардона — он прикончил бы Маркуса. Кажется, рабочие часы у того — с восьми до пяти? Пардон, по всей вероятности, умер еще до окончания его смены. Конечно, Маркус мог совершить убийство и во время обеденного перерыва. Пусть кто-то видел или слышал домовладельца после звонка приятелю в одиннадцать утра и до трех дня, когда в его дверь постучался Том, но мне об этом ничего не было известно.

Теперь Дидра. До полпятого она была на работе и ушла пораньше, чтобы отдать Пардону чек. Любой обитатель Садовых квартир знал, как рьяно домовладелец отстаивал свое право получать оплату точно в срок. Тогда почему в три часа в комнате царил тарарам, если Дидра убила хозяина гораздо позже? Я попыталась представить себе эту разъяренную дамочку, поднимающую тяжелый предмет и наносящую домовладельцу сокрушительный удар, стоивший ему жизни. Но что она могла такое схватить? У дверей в квартире ничего подходящего не наблюдалось, да и Пардон, по-моему, был не так глуп, чтобы болтать с молодой женщиной, если у той в руках железный прут. К тому же, насколько я знала Дидру, она привыкла решать любые проблемы с помощью обольщения, без применения насилия. Я вздохнула — Дидру тоже вычеркиваем.

Напоследок мне остался неудачник Норвел, в этот момент томящийся — от безысходности, как я надеялась, — в городской каталажке, заведении настолько устарелом и обветшалом, что все жители Шекспира не только гадали, но и ждали с нетерпением, когда же наконец поступит распоряжение о его сносе и строительстве новой тюрьмы. Конечно, с

болвана Уитбрета случилось бы совершить убийство в дневное время, когда в здании хватает не только своих, но и посторонних, а его трусость подсказала бы ему спрятать тело. Я из собственного опыта знала, что Норвела ничего не стоит распалить до того, что он кинется на обидчика.

Собирая мусор из корзин в комнатах у Альтхаусов, я внимательно взвешивала все эти доводы, но все же не могла измыслить, какой компромат на Норвела должен был достать Пардон, чтобы тот так взбеленился. Годы возлияний, неправильного питания и уклонения от физической работы превратили Уитбрета в натурального доходягу, а удар, который вышиб дух из Пардона, нанес кто-то заведомо сильный и, главное, взбешенный до предела. Возможно, в неких исключительных обстоятельствах им мог быть и Норвел, но мне не очень-то в это верилось.

Я снесла мешки с мусором вниз, забросила их в баки фирмы «Раббермейд» и плотно закрыла крышками от бродячих собак и енотов.

«Как хорошо, что я зарабатываю на жизнь уборкой, а не частными расследованиями», — пришла мне в голову мысль, и я остановилась на минутку, чтобы расправить затекшую спину. Это убийство — результат необдуманного действия, только вот чьего?

На этот счет у меня не было даже смутных подозрений. Пардон изрек некое суждение — итог целой жизни подглядываний, выпытываний и сплетен, — которое его собеседник уже не смог стерпеть. Этот неизвестный тип нанес Пардону два удара, второй из которых навеки запечатал уста домовладельца.

Запирая за собой дверь дома Альтхаусов, я чувствовала удовлетворение от того, что внесла толику опрятности, хотя бы временной, в их хаотичную среду обитания. Пусть я не могу установить личность убийцы Пардона Элби, зато способна упорядочить любой бардак.

Для Кэрол Альтхаус я всегда стараюсь больше, чем для моих прочих клиентов, поскольку, положив руку на сердце, она вызывает у меня искреннюю жалость, что само по себе довольно трудно. Кэрол — симпатичная, но недалекая женщина, которой выпало управляться с семьей, где перемешаны двое ее собственных детей и еще парочка — нынешнего мужа, однако ограниченные умственные способности превращают этот груз в непосильный. Кэрол трудится не покладая рук, но получает гроши, затем приходит домой, пытается накормить и обиходить четырех ребятишек, которым нет еще и десяти лет. Между делом она ухитряется отвечать на телефонные звонки мужа, работа которого связана с частыми разъездами. Бывает, мне представляется тихий номер в придорожном мотеле, где Джей Альтхаус в одиночку отдыхает на кровати с чистыми простынями и щелкает телевизионным пультом, который у него никто не отбирает, — какой контраст с теми вечерами, что он проводит дома с Кэрол!

С половины одиннадцатого до двенадцати у меня перерыв. С полудня я убираю кабинет адвоката, пока он обедает, а в свободные полтора часа обычно хожу по разным поручениям или оплачиваю счета. Сегодня в списке дел первым у меня значилось получение долга у Йорков.

Возвращаясь на машине в город, я впервые подумала о том, что, возможно, Джей Альтхаус в каждый свой вынужденный придорожный ночлег ужасно скучает по жене и детям. Ну и черт с ним!..

Я не стала парковаться на улице, для моего спокойствия слишком узкой, а зарулила за здание. В это время дня там полно свободного места. Я улучила момент, чтобы туда

заглянуть, поскольку включила гараж в число мест, где можно было спрятать тело Пардона.

Я поставила машину на стоянку Уитбрета — табличка с номером квартиры прибита над каждым парковочным местом, что здорово напоминает стойла для лошадей на крупном ипподроме, — и отошла в глубину, чтобы исследовать недра выкрашенной в белый цвет деревянной постройки.

От гаража сложно требовать особого уюта, но пустым он казался еще захламеннее. В Садовых квартирах подвалы не предусмотрены — они в Арканзасе редкость, — поэтому все жильцы здания используют гараж как склад.

Начиная слева, пространство между первой стоянкой и забором, ограждающим территорию здания, было занято скандальным автоприцепом Йорков. За ним следовала парковка Норвела. Машины у него нет, но на своем пяточке он разместил разбитое зеркало в раме, прислоненное к стене, и набор каминных принадлежностей — ворованных, судя по всему, и предназначенных к продаже. Маркус в углу своей стоянки поставил деревянный ящик, откуда высовывалась массивная бейсбольная бита из красного пластика и детское баскетбольное кольцо. Клод Фридрих соорудил у себя металлические полки, где хранил разные автозапчасти и кое-какие инструменты. У Дидры я обнаружила сложенную палатку и пару замызганных резиновых сапог. Ее пристрастие к походам с ночевками я всегда считала чудачеством, тем более что занимается этим она вовсе не в одиночестве. Но у меня в голове не уместается, как Дидра по доброй воле отказывается от каждодневных термобигудей и срывается куда-нибудь на выходные.

Жильцы первого этажа хранили в гараже куда меньше пожитков. У миссис Хофстеттлер, например, имеется машина, на которой я вожу хозяйку, куда потребуется, но, помимо нее, на стоянке у Мэри ничегошеньки нет. У Йорков, как и у Клода, сооружены полки, но они практически пусты. Подозреваю, время от времени их даже протирают — Элва иначе не может. О'Хагены держат в глубине своей стоянки два недешевых велосипеда, укрытых брезентом, а у Пардона рядом с машиной приютилась газонокосилка. Я поглядела на этот агрегат, и у меня слегка защемило сердце. Вещи умерших всегда вызывают приступ меланхолии, несмотря даже на их внешнюю безликость, особо характерную именно для газонокосилки.

Мой скрупулезный осмотр меж тем не дал ровным счетом никаких результатов. Весь гараж отлично просматривается, так что невозможно представить, чтобы труп Пардона спрятали на одной из стоянок. Может быть, на парковке миссис Хофстеттлер, между ее машиной и забором? Или за машиной Пардона? На неподвижность этих двух автомобилей убийца вполне мог рассчитывать. Я украдкой осмотрела обе стоянки — ни пятнышка, ни единой ниточки с зелено-оранжевой рубашки Пардона.

Конечно, автоприцеп прекрасно подходит для тайника, но Йорки еще только катили на нем домой, когда Пардона не стало. Что ж, пора пойти и забрать свои деньги у этих непоколебимых людей.

У входа в здание меня ждало неприятное потрясение — в дверях стоял Норвел Уитбред.

— Как, тебя уже выпустили? — изумилась я.

— Церковь внесла за меня залог.

Он ухмыльнулся — пренеприятное зрелище, поскольку у Норвела не все зубы на месте. Может, тут есть и моя заслуга? Хорошо бы, если так. Распухший нос Норвела поражал многообразием оттенков.

— Уйди с дороги, — велела я.

— Не обязан. Я тут живу, а ты — нет.

Очевидно, в тюрьме Норвел не слишком предавался душеспасительным мыслям о ниспосланном ему суровом испытании.

— Полиция на этот раз не выручит, а я не остановлюсь, — предупредила я.

По его глазам я увидела, что Норвел счел благоразумным посторониться, но не успел он сдвинуться с места, как мощный толчок в спину снес его со ступенек, и ему пришлось очень проворно перебирать ногами, чтобы на них устоять.

В дверях стоял Т. Л. Он не успел опустить руку, а его губы были сжаты в гневную прямую линию.

— Эй ты, дрянь! — окрикнул он Уитбрета.

Тот шустро обернулся, желая рассмотреть нежданного агрессора.

— Надеюсь, новый владелец тебя отсюда вышвырнет. Уж я, во всяком случае, приложу к этому старание! Оставь эту женщину в покое! Проваливай куда хочешь, но чтобы я тебя здесь не видел!

Норвел понял, что Т. Л. не шутит, и тут же принял его слова к сведению. Он, правда, насунился, но не заставил себя ждать и пропал с глаз.

Мне следовало бы поблагодарить Т. Л., но совсем не хотелось этого делать.

— Лили, ты, наверное, хотела ему еще всыпать, — обратился ко мне Т. Л. с прежней добродушной улыбкой. — Но я просто не могу усидеть на месте, когда вижу беспорядок. К тому же я пока здесь за Пардона — его адвокат попросил меня запирать на ночь двери до объявления нового владельца.

— Спасибо вам, Т. Л. — Мне тоже пришлось улыбнуться.

— Зайдешь к нам? Элва сказала, что ты собиралась заглянуть на минутку.

— Ага.

— Тогда пошли!

Дверь в квартиру Йорков была распахнута. Я мимоходом взглянула на дверь Пардона, все еще затянутую кордонной лентой.

Я прошла за Т. Л. в гостиную. Элва держала в руках какое-то голубое с розовым вышивание. Если муж успел как-то оправиться от потрясений, то жена — нет. Взглянув на ее лицо, сильно постаревшее с прошлой недели, я прониклась к ней острой жалостью. Она встала, чтобы достать деньги, — ее движения были вялыми и неловкими.

— Хотите, я приду и помогу вам закончить уборку? — спросила я.

Это, конечно, была полная чушь, но во внезапной слабости хозяйки крылось нечто до того ужасное и драматичное, что я поспешила заполнить пустоту словами.

— Да я уже и сама справилась, — безразлично откликнулась Элва.

Но на окнах по-прежнему не было штор, а с потолочного вентилятора, как подсказал мне беглый взгляд, так никто и не стер пыль.

Хозяин меж тем уселся в свое любимое кресло, кожаное и пухлое, со свисающим с подлокотника кармашком, где обычно лежал пульт, «ТВ-гайд» ^[19] и «Спортс иллюстрейтед». ^[20] Он раскрыл спортивный журнал, но мне показалось, что Т. Л. только для виду погрузился в чтение.

— Харли Дон Мюррелл покончил с собой, — сказала Элва, подавая мне деньги.

— О-ох, — протянула я. — Что ж, это...

Я смешалась, поскольку не знала, как расценить подобное событие. То, что преступник умер, — хорошо? Но он не успел как следует испытать весь ужас нахождения за решеткой —

это ведь плохо? Их внучке теперь незачем бояться дня, когда его амнистируют и отпустят на поруки. Разве это не облегчение?

— Как он умер? — отрывисто спросила я, словно это имело какое-то значение.

— Его разместили на третьем ярусе. Он перепрыгнул через перила и расшиб голову.

Элва внимательно глядела мне прямо в лицо, но я чувствовала, что она не замечает меня, так же как и Т. Л. не видит раскрытой перед ним журнальной страницы.

— Быстрая смерть, — отозвалась я невпопад. — Ладно, до встречи.

Едва я вышла за дверь, как услышала за собой скрежет запираемых засовов. Этот недолгий разговор выбил меня из колеи. Я не представляла, как Йорки собираются жить дальше.

Я отправилась в кабинет адвоката и занялась уборкой, но все это время меня одолевали размышления. Поэтому я совершенно не запомнила подробностей своего там присутствия, а вернулась к реальности только тогда, когда уже на выходе кивнула секретарше. Теперь мне предстояло проехать две мили, чтобы добраться за город к миссис Росситер. Беруши я забыла дома — черт!

Сегодня у Дервуда был банный день, случавшийся с регулярностью раз в две недели. Дервуд — пожилой кокер-спаниель миссис Росситер. Она обожает, когда от него вкусно пахнет, хотя для Дервуда это вовсе не естественное состояние. Однажды, рассорившись с местным собачьим парикмахером, моя нанимательница оказалась в весьма затруднительном положении. Дервуд плохо переносит поездки в автомобиле, поэтому возить в Монтроуз его было бы затруднительно. Свою проблему миссис Росситер изложила на собрании церковной общины, и добрейшая миссис Хофстеттлер — дай ей Бог здоровья! — выразила уверенность в том, что для Лили Бард не составит никакого труда выкупать собачку.

Дервуд, по сути, неплохой пес, но мыть его довольно трудно, вытирать еще труднее, а про уборку ванной после купания я уже не говорю. Подходя к парадной двери с резиновым фартуком под мышкой, я уже в двадцатый раз признавалась себе в том, что все-таки самый тягостный элемент во всей процедуре — это сама миссис Росситер. Помывку Дервуда она неизменно сопровождает монологом, отводя мне место безропотной слушательницы. Я употребила все доступные мне немалые возможности к усмирению этой женщины, но все понапрасну, а сегодня к тому же забыла беруши.

Миссис Росситер буквально сорвалась с цепи сразу же, как открыла дверь. Она сообщила мне, что меня избил пьяница Норвел Уитбред, что причиной тому, как ей сказали в ОЦШ, послужила обида, нанесенная мной Норвелу в церкви, но сама она не может представить себе, с какой стати тот решил, что имеет право прятаться в моем дворе и набрасываться на меня.

Я наполняла гостевую ванну, доставала шампунь, чтобы он был под рукой, и натягивала резиновые перчатки. За это время хозяйка уведомила меня, что я проживаю совсем рядом с Пардоном Элби. Его убили неделю назад. Вдобавок она слышала, будто я встречаюсь с тем молодым спортсменом — администратором в оздоровительном клубе. Известно ли мне, что он пока еще женат на той прелестной молодой особе, которая работает в садике при ОЦШ? Знаю ли я, что кто-то подкинул ей на стол крысу и красящим спреем написал на двери неприличное слово?

Я слушала и удивлялась, почему миссис Росситер обошла стороной тот факт, что несколько лет назад меня изнасиловали в Мемфисе. Намыливая трясущегося Дервуда и осторожно втирая пену в его шерстку, я воспринимала словесные излияния хозяйки как

низвергающийся на меня поток воды. Странно, что в ее осведомленности все же имелись огрехи...

Итак, никто, ни одна живая душа, за исключением полицейских из городского участка, не заговаривал со мной о Мемфисе и даже не подавал виду, будто что-то такое слышал. Но я отказывалась верить, что тот же Том Дэвид Миклджон лишил себя удовольствия поделиться сенсацией со своими собутыльниками, более того, не приобщил к сальным подробностям той кровавой оргии подружку Тею.

Я раздумывала над этим, пока миссис Росситер, восседавшая на закрытом стульчаке, чтобы не упустить ни минуты моего молчаливого участия, перетряхивала последние сплетни. Наконец она дошла до темы своего повышенного давления, главной во всех разговорах. Я прервала ее только затем, чтобы попросить включить потолочный рефлектор — тогда Дервуд сох быстрее, — и еще один раз, попросив подать мне полотенце, упавшее с крючка.

К тому времени, когда Дервуд совершенно обсох и резво поскакал на кухню вслед за хозяйкой, чтобы получить причитавшееся ему лакомство, я поняла единственную причину того, почему полицейские Шекспира хранили молчание. Клод пригрозил им увольнением за болтовню! Вот что значили его слова о том, что он принял меры для сведения причиненного им ущерба к минимуму.

Я насыпала мелкого абразивного порошка в ванну из стекловолокна, предварительно вынув из нее резиновый коврик — уходя, надо бросить его на кучу белья для стирки. Я неторопливо чистила ванну, а сама все прокручивала в голове эту догадку. Однако, как я ни напрягала мозг, все прочие предположения не вязались с непреложными фактами.

Когда я закончила, миссис Росситер протянула мне двадцатидолларовую банкноту. Я кивнула ей, уже держась за ручку двери.

— Теперь увидимся через две недели, правда, Дервуд? — обратилась она к своему благоухающему любимцу.

Тот, очевидно, готов был отдать что угодно, лишь бы отменить встречу, но покорно повилял хвостом, чтобы потрафить хозяйке.

Остаток дня я боролась с вялостью. Вечером на занятии мне предстояло увидеть Маршалла, но впервые за время своего пребывания в Шекспире я без радости предвкушала эту встречу. Я испытывала благодарность к Клоду Фридриху за попытки поправить причиненный мне вред, но тоже без энтузиазма, потому что не знала истинных мотивов его действий. Разговор с Йорками задел меня за живое — мне дела не было до гибели мерзавца Харли Дона Мюррелла, но нынешнее настроение супругов сильно удручало.

Со всем этим я ничего не могла поделать. В бесконечных раздумьях я одолела последнюю на день работу и, еле живая от усталости, вернулась домой за спортивной одеждой. Вначале мне даже пришлось в голову, не стоит ли пропустить тренировку, но я не могла решиться на такое, не хотела никому показаться трусихой. Однако я намеренно выжидала, чтобы прийти в последнюю минуту и избежать разговоров с Маршаллом до начала занятия.

Поклонившись классу и выпрямившись, я почувствовала, что у меня гора упала с плеч. Маршалла в зале не оказалось. Ему тоже было нелегко видеться со мной. Странно, но мне от этого стало приятно.

Я прониклась гордостью за себя и спросила Рафаэля:

— Ты сегодня ведешь занятие?

Только он в нашем классе ходил к Маршаллу на занятия дольше, чем я.

— Так распорядился сэнсэй, — ответил Рафаэль, явно польщенный оказанной ему честью. — Ты в норме? Как бок? Я слышал, ты укатала наглеца до того, что его увезли в реанимацию! Молодчина, Лили!

К моему изумлению, остальные тоже подошли, чтобы поздравить меня с победой. Я поняла, что в их глазах моя короткая стычка с Норвелом послужила оправданием нашим тренировкам, затраченному времени, болям и напряжению, неизбежным при обучении самозащите. Джанет Шук даже похлопала меня по плечу.

Я, не теряя хладнокровия, заняла свое место в шеренге — первое, принадлежащее Рафаэлю, который сегодня стоял к нам лицом. Однако реакция соучеников меня ошарашила. Я ожидала чего угодно, но только не этого.

Карлтон тоже пришел на тренировку. Многие после второго раза прекращают, поэтому его присутствие я расценила как обнадеживающий знак. Я видела, что движения по-прежнему даются ему не без боли, но растяжка у него улучшилась. Весьма скоро Карлтон сможет вытворять такое, что удивится сам себе.

Рафаэль призвал нас к вниманию, мы поклонились и в очередной раз приступили к своей малоприятной рутине. От приседаний возобновились боли в боку, и после тридцати раз я вынуждена была сдать.

— Лентяйка, — бросил мне Рафаэль, а Джанет захихикала.

Я уговорила себя, что они просто дразнятся, и натянуто улыбнулась. Карлтон подошел и подал мне руку, чтобы помочь встать. Как ни странно, я не отказалась.

— Я серьезно, Лили. Как бы тебе не сделалось хуже. Маршалл велел мне присматривать, чтобы ты не перенапрягалась, — заметил Рафаэль, когда мы потянулись обратно в зал после передышки.

Я молча кивнула, пряча лицо, и поспешила на свое место. Рафаэль встал перед шеренгой, и я увидела, как задумчиво он на меня поглядел. Мы отработали несколько сдерживающих приемов — ничего нового для меня. Все с притворным ужасом избегали вступать со мной в спарринг.

— Ну, стальная женщина, когда же следующее состязание? — спросил Карлтон, пока мы обувались.

В зале оставались только мы и Рафаэль с Джанет. Я невольно рассмеялась и, не зная, что ответить, сказала:

— Норвела ведь уже выпустили на поруки.

— Сто процентов, он больше к тебе даже не приблизится, — сухо обронила Джанет.

Я и раньше замечала, что она не торопится и каждый раз подгадывает, чтобы уйти вместе с Карлтоном, вероятно рассчитывая на что-нибудь существенное, например на совместную вылазку в бар.

— Да уж, лучше не надо, — чистосердечно призналась я.

Все переглянулись и смолкли.

— Тебе понравилось, Лили? — вдруг спросил Рафаэль. — Я хотел сказать, вот мы здесь тренируемся, и поодиночке, и в парах, терпим боль и ломоту. Моя жена все время удивляется, зачем мне все это надо! Я, здоровый мужик, с тех пор как окончил школу, ни разу всерьез не дрался, а тебе, женщине, посчастливилось. В общем, оно стоит того?

— В общем, да, если тебе интересно, — ответила я, поразмыслив. — Мне было

страшновато и очень увлекательно. Если бы полиция не подросла так скоро, то я, наверное, сильно отделала бы его.

— Они что, разнимали вас с Норвелом? — удивилась Джанет.

— Нет, он уже валялся на земле и утирал кровь. Я его сшибла с ног, но готова была избивать и дальше.

Рафаэль с Карлтоном неловко переглянулись.

— Это все адреналин, — принялась оправдываться я. — Я вступила в настоящую схватку, с реальным противником. Он ведь застал меня врасплох, напал без предупреждения! Я испугалась, разозлилась, жутко взбесилась из-за того, что этот тип нагнал на меня страху. Вот мне и захотелось избить его до полусмерти.

Признаваться в испуге было нелегко. Пока Рафаэль и Карлтон раздумывали над моими словами, Джанет поделилась выводами, сделанными лично для себя.

— Значит, занятия и вправду помогают, — сказала она, склонившись ко мне и глядя прямо в лицо. — Ты вела себя так же, как на тренировке, — никакого оцепенения, навык сработал сам собой?

Я понимала, чего она опасается — это несложно было представить, — и коротко подтвердила:

— Да, сработал навык.

Она отрывисто кивнула стриженной головкой, что означало обоснованность ее некой затаенной надежды, и улыбнулась. Именно улыбка превращала эту пигалицу с заурядной внешностью в женщину явно необычайную. Тогда я, в свою очередь, склонилась к Джанет, чтобы хоть однажды заглянуть ей в глаза. Я отошла от своих правил намеренно, желая проверить кое-какое предположение, и удостоверилась в его истинности. Я тоже едва заметно кивнула ей. Мы были сестры по несчастью.

Но я не собиралась обсуждать с Джанет наш опыт, любой ценой хотела избежать девчачьих нюней, доверительных слез в жилетку. Я не терпела всего этого, поспешно схватила сумку и пробормотала, что мне надо еще прибраться дома, к тому же есть очень хочется.

По дороге домой моими мыслями завладела рубашка Пардона. Я постоянно имею дело со стиркой и знаю, как выглядят вещи, когда их прокрутили в машине раз сто. Рубашка Пардона, начнем с этого, была из самых дешевых, и он годами носил ее, периодически стирая. Ткань на ней истончилась до того, что просвечивала насквозь. Я вспомнила, как луч моего фонарика осветил вырванный с мясом нагрудный карман с торчащими во все стороны нитками. Я не сомневалась, что волокна должны были остаться и на месте убийства, которое, возможно, произошло в квартире. Часть их выпала там, где прятали труп. Кстати, куда подевались его ключи?

Приехав домой, я приготовила запеченный картофель с овощами, но едва притронулась к ужину. Тело прятали на улице, которую я привыкла считать своей территорией. Для того чтобы избавиться от трупа, злоумышленник позаимствовал мою тележку. Моя голова была теперь свободна от треволнений из-за Маршалла — ладно, почти свободна, — и мне ничего не оставалось, как вернуться к умозрительным поискам убийцы Пардона.

Неожиданно в памяти всплыл гараж. Что-то в нем нынче смутило меня... неуловимо изменилось. Что же такое я могла там увидеть?

Этот вопрос не давал мне покоя, пока я мыла посуду и полоскалась под душем. Нет,

спать я не могла, натянула черные эластичные шорты, спортивный топик того же цвета, сверху надела красную толстовку, завершив комплект черными носками и кроссовками. Затем я набрала номер Клода в надежде, что, услышав голос в трубке, смогу объяснить, зачем звоню. Но у Фридриха сработал автоответчик. Не в моих привычках оставлять сообщения. Некоторое время я расхаживала туда-сюда по прихожей, пытаюсь дозвониться до Клода.

В конце концов я решила, что надо идти. На улице было темным-темно, ветерок охлаждал голые икры. Я пошла вперед. Как хорошо дышать воздухом, перемещаться, не издавая ни звука. Я миновала дом Теи, едва взглянув на него, затем жилище Маршалла. Машины Седаки поблизости я не заметила и шла, не останавливаясь. Услышав, как кто-то направляется в мою сторону по Индиан-уэй, я спряталась за одну из азалий. Рядом пробежал Джоэл Маккоркиндейл, облаченный в спортивки, «Найки» и сосредоточенность. Я подождала, пока стихнут в темноте его мерные шаги, и вышла из-за прикрытия на тротуар.

Ветер не стихал, ерошил молодую листву, шелест которой напоминал глухой ропот моря. Я двигалась все быстрее и наконец тоже перешла на бег. Я спешила по безмолвной, безлюдной городской улице, невидимая, наверное, никому в округе.

Я проникла в дендрарий с дальнего края, погрузилась в заросли, остановилась под древесной сенью, чтобы перевести дух, и поняла, что надо делать. Мне необходимо было вернуться в гараж. Наглядное представление всегда лучше умозрительного. Если я постою в нем какое-то время, то вспомню ту незначительную мелочь, которая так изводит меня.

Без четверти двенадцать я подошла к Садовым квартирам с северной стороны по подъездной аллее, прижалась к кирпичной стене, чтобы кто-нибудь, выглянув ненароком из окна, не заметил меня, и посмотрела, у кого еще горит свет. У миссис Хофстеттлер окна были темны — ничего удивительного. Слабый отсвет виднелся в окне спальни Йорков. Может быть, кто-то из супругов читал в постели. Впрочем, в это мне верилось с трудом. Наверное, они просто оставили гореть ночник. У Норвела на втором этаже не было света, у Маркуса тоже.

Я двинулась вокруг здания, чтобы проверить и других жильцов. У Пардона, разумеется, было темно, не горели окна и у О'Хагенов. Том, вероятно, был на работе, а Дженни в этот час уже спала. У Дидры наверху свет тоже был погашен — она уже легла в постель, соло или дуэтом. В ванной Клода горела лампочка, и я свернула за угол, чтобы посмотреть, что в спальне. Да, ее окно светилось.

Мне не хотелось заходить в здание. Я присела на корточки, пошарила по земле, отыскала камешек размером примерно с ноготь большого пальца и запустила его Клоду в окно — удар получился оглушительный. Я снова распласталась вдоль стены на случай, если кто-нибудь, кроме Фридриха, слышал стук. Однако никто, даже он сам, не подошел к окну посмотреть, что происходит.

Что ж, придется вспоминать самостоятельно. Вдруг меня осенило — да, мне все-таки придется войти в здание!

Я прокралась к черному ходу, надеясь на неведомо какую удачу, вынула из топики ключ, который у меня никто не догадался забрать, отперла дверь настолько тихо, насколько это было возможно, и вошла в вестибюль. Лестницы обычно меньше скрипят у стены, и я поднялась наверх почти бесшумно, выстраивая шаги в ровную цепочку.

На втором этаже я прошла мимо квартиры Клода и оказалась у двери Дидры. Вверху висело украшение — виноградная лоза, перевитая алой ленточкой, и засушенный букетик. Я

тихо постучалась.

Дидра открыла так быстро, словно делила ложе со своим гостем прямо на коврике под входной дверью. Свет, проникавший из коридора, падал на оголенную мужскую ногу. Поскольку она была черной, я пришла к выводу, что Маркус Джефферсон в очередной раз не устоял перед искушением.

На лице у Дидры было написано крайнее раздражение. Я не решилась бы ее за это осуждать, но терпеть до завтра не могла.

— Повторите мне еще раз то, что уже рассказывали — как вы рано приехали домой с работы, чтобы отдать Пардону оплаченный чек.

— Богом клянусь, ты самая чудаковатая домработница во всем Арканзасе, — выдохнула Дидра.

— Расскажите мне об этом. Теперь я и вправду хочу послушать.

— Но тогда ты точно уйдешь? Отстанешь со своими вопросами?

— Наверное.

— Ладно. Я приехала домой с работы. Побежала к себе наверх, чтобы взять чек, который оставила мама. Я понесла его вниз, к Пардону. Дверь была приоткрыта. Сам он лежал на диванчике, спиной к двери. Коврик был весь скомкан, а диван сдвинут с места. Я несколько раз позвала его по имени, но он даже не пошевелился. Я решила, что Элби выпил лишнего и отрубился или его здорово сморило, поэтому просто положила чек на столик слева от двери. Это тебе нужно? — Я жестом подбодрила ее и услышала: — Так, потом я... да, вышла из дома и снова села в машину. До конца рабочего дня оставалось всего несколько минут, но мне все равно надо было успеть туда. Ты не представляешь, какая подлюка эта Селия Шиллер...

— Говорите тише и не отвлекайтесь, — спокойно урезонила я Дидру.

— Уборщица указывает мне, что делать, — закатила она глаза. — Потрясающе! — Впрочем, взглянув на мое лицо, Дидра послушно продолжила: — Так вот, я села в машину, дала задний ход и стала выкручивать на аллею. Еле выехала, а все из-за этого дурацкого автоприцепа Йорков!

Она опять невольно повысила голос, и я, прижав палец к губам, шепнула:

— Вот это мне и было нужно.

— Неужели? Разве тебе не интересно послушать, как я в тот день носилась в одних чулках? — с убийственной едкостью осведомилась Дидра и плотно захлопнула дверь перед моим носом.

Не сходя с места, я запустила обе пятерни в волосы, сжала их, размышляя с закрытыми глазами, чтобы не смотреть на дверь Дидры. От квартиры Клода меня отделяло всего несколько шагов. Я легонько поскреблась к нему согнутым пальцем — на большее не решилась.

Ответа не последовало. Я крутанула дверную ручку. Заперто, конечно.

Я так тихо сошла по ступенькам, что даже если бы сама стояла внизу и прислушивалась, то все равно ничего не разобрала бы. Я не знала, чем объяснить свою взвинченность, почему мне так настоятельно следовало действовать немедленно. Как бы там ни было, я всегда доверяю холодку на затылке, а сейчас по нему так и бегали мурашки. Воздух сгустился от напряжения, в притихшем здании стоял неслышный звон.

Я приоткрыла заднюю дверь, с громадным облегчением бесшумно выбралась наружу, а затем очень тихо заперла за собой дверь. Попав из ярко освещенного вестибюля в

относительный полумрак парковки, я потеряла остроту зрения и некоторое время вынуждена была стоять, привыкая к темноте. Посреди гаража Пардон предусмотрел круглосуточную дежурную лампочку. Тусклый световой круг под ней напоминал пятно от театрального прожектора.

Крайние парковочные участки были погружены во тьму. Обогнув свет по краю, я подошла к гаражной стене и, наверное, минут пять стояла, прислушиваясь. Я переступила в нетерпении — под ногой что-то звякнуло. Я медленно наклонилась и принялась шарить в траве, проросшей вдоль стены сквозь булыжную кладку. Осторожно ощупывая камни, я вскоре наткнулась на знакомую связку и постаралась собрать ее, взять разом, чтобы она не зазвенела. Я внимательно рассмотрела ключи — те самые, что принадлежали Пардону. Мне некуда было положить находку — на связке висело не меньше пятнадцати ключей. Наилучшим тайником было прежнее место, поэтому я осторожно опустила связку обратно в траву, где она пролежала с самого дня убийства.

Вокруг стояла мертвая тишина — я не слышала ничего, кроме приглушенного гула машины на близлежащей улице. Вскоре и он стих, но, несмотря на кажущееся безмолвие, я знала, что где-то рядом есть люди. Волоски у меня на затылке стояли дыбом. Я не спеша выпрямилась, раздумывая, не уйти ли домой от греха подальше, потом, пересилив сомнения, нащупала в темноте ручку автоприцепа. Вот тут и прятали тело Пардона. Если где-то и остались улики, то именно внутри этого вагончика. В день убийства Йорки должны были приехать домой только к ночи, но прибыли почему-то раньше — теперь я это знала.

Я повернула ручку, и после щелчка дверь распахнулась. Не успела я торжествующе перевести дух, как из темных недр вагончика на меня обрушилась какая-то свирепая громадина.

Мне некогда было вспоминать о боевых приемах. В зловещем молчании неизвестный тип зверски мутузил меня, а я изо всех сил отражала удары и уклонялась от убийственных кулаков. Я сразу поняла, что в вагончике прятался всего один человек, зато такой, в которого вселился многорукий демон.

Мне надо было атаковать самой или приготовиться к смерти, но частота сыпавшихся на меня тумачков и боль во всем теле притупили сообразительность. Я сжала кулак, ударила напрапалую и попала, кажется, в ребра — не очень действенный удар, но для затравки сойдет. Я чувствовала, что слабею и очень скоро упаду, а как только окажусь на земле, все будет для меня кончено. Чудо, что я так долго удерживалась на ногах.

Вдруг передо мной мелькнул мощный загривок. Собрав все силы, я ребром ладони хрястнула по нему. Мой обидчик всхрапнул и пошатнулся, а я в продолжение лягнула его со всей мочи, мало заботясь о том, какая часть тела попадет под удар. Он еще больше зашатался, и я успела набрать воздуха для продолжения поединка.

Неожиданно чей-то голос за мной повелительно произнес:

— Остановитесь сейчас же!

Но кто это? Кому велено остановиться? Приказ, конечно же, относился к нападавшему, но он вдруг мгновенно поменял объект атаки и бросился на человека, стоявшего за моей спиной, так стремительно и дерзко, что ни я, ни он не успели даже опомниться.

Драка переместилась на свет, к середине парковки. Я увидела, что по земле катались Т. Л. Йорк и Фридрих. Они пытались дотянуться до револьвера, которым, как я предположила, изначально владел Клод. Их руки и ноги до того переплелись между собой, а сама я была настолько ослеплена неожиданностью всего происшествия, что на какое-то мгновение

застыла и молча пялилась на них, как будто исход поединка меня совершенно не касался. От слабости я не могла даже дрожать, но мне нужно было что-то срочно предпринять, помочь кому-то из них — но кому?

— Лили! — прохрипел Клод.

Наверное, он хотел закричать, но не смог, и тогда я решилась. Ведь только невиновный стал бы апеллировать к моей помощи.

Я обошла их, выгадывая момент. Наконец Т. Л. оказался сверху, придавив Клода к земле и стискивая запястья. Я оседлала его, схватила одной рукой за волосы, а другой взялась за подбородок и резко потянула на себя. Мне даже показалось, будто в ушах зазвучал отголосок наставлений Маршалла, просившего быть особенно осторожной с этим приемом, поскольку одно неверное движение могло серьезно травмировать соперника.

Что ж, теперь как раз пришло время для этого. Я тянула все сильнее, вынудив Т. Л. повернуть голову набок. Он волей-неволей приподнимался всем телом, иначе у него треснула бы шея. Испустив злобный вой, Т. Л. отпустил Клода и принялся отчаянно шарить у себя за спиной, пытаясь сбросить меня, но я цепко держалась за густую шевелюру. В ярости он попятился, но я крепко стискивала коленями его бока с обеих сторон. Т. Л. мог отделаться от меня единственным способом — упасть на спину, придавить противницу всем телом. Так он и поступил — с размаху бросился навзничь. Я, не выпуская подбородка, взяла его ногами в кольцо и принялась сдавливать, скрестив лодыжки на животе. Сил у меня еще хватало — Т. Л. ошалело катался по земле в надежде избавиться от обузы.

— Лежи смиренно, черт тебя побери! — приказал Клод не вполне своим голосом, и я опять не поняла, к кому он обращается — ко мне или к Т. Л. У меня, собственно, выбора и не было, потому что стало практически нечем дышать. Видимо, только гнев мешал мне отпустить противника.

Вдруг прогремел выстрел — у меня даже уши заложило. Т. Л. взвизгнул и, поскольку я от неожиданности ослабила хватку, откатился в сторону. Он орал не переставая. Наконец я могла вздохнуть свободно, но вставать почему-то совсем не хотела. Гораздо приятнее было лежать на грязной бетонной площадке и смотреть, как вверху под лампой вьются мотыльки.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Меня не положили в больницу, зато уперли под домашний арест. Шеф полиции ограничил на неделю мою свободу стенами моего собственного жилища. Он упрямился миссис Хофстеттлер обзвонить всех моих клиентов и сообщить — будто они и так не знали, — что я получила небольшие травмы и мне нужно время на выздоровление. Сама я через Клода попросила миссис Хофстеттлер передать им, что никакой оплаты не жду, поскольку на работу не хожу. Не знаю, донесла ли она до них мою просьбу, только оплаченные чеки прислали мне все, кроме Уинтропов. Последнего следовало ожидать. Правда, Бобо зашел ко мне с корзинкой фруктов, якобы от мамы, но я была уверена, что он купил ее сам.

Маршалл вовсе не избегал встреч со мной — он и вправду отлучился из города. Позже он позвонил мне из Мемфиса и сказал, что у его отца сердечный приступ и в данный момент он вместе с прочими членами их семейства нарезает по больничной палате круги, выжидая того или иного исхода. Я не поскупилась на уверения, что со мной все нормально, описала ему свои раны во всех подробностях и так же детально рассказала, какие меры принимаю к их лечению. После этого Маршалл немного успокоился и перестал тревожиться за мою жизнь. Он названивал мне почти каждый день, и я ошеломленно читала его имя на карточках, прикрепленных к доставляемым мне букетам. Однажды он позвонил вечером и очень красноречиво замолчал, когда я обмолвилась, что Клод остается у меня ночевать.

Миссис Росситер притащилась навестить меня со своей чертовой псиной — Клод сказал ей, что я сплю.

Затем последовал визит от Кэрри Траш.

— Вам нужно в больницу, — категорично заявила она.

— Нет, — возразила я. — На это моей страховки не хватит.

Она замолчала, видимо, считая себя не вправе интересоваться моей финансовой ситуацией, но на всех оставленных ею лекарствах стоял штампик «Образец».

Клод приходил каждый день. Когда на место драки вызвали две машины неотложной помощи, он не поехал с Т. Л., а сел в мою и сопровождал меня до больницы. Т. Л. получил пулевое ранение в ногу.

— Вообще-то я хотел стукнуть его по голове рукояткой револьвера, — признался он мне в тот вечер, пока мы ждали врача в белой больничной палате.

Мне его разговоры пришлось только на руку — так легче было подавлять стоны и не позориться перед ним.

— Я еще ни разу ни в кого не стрелял — по крайней мере, не попадал в живого человека.

— Угу... — промямлила я, старательно сосредоточиваясь на его голосе.

— Но рассудил, что наверняка попаду в тебя, а мне так не хотелось лишаться союзника.

— Правильно.

— Вот и пришлось его подстрелить.

Клод положил мощную длань мне на плечо и погладил. Больно было до чертиков, но я смолчала.

— Как вы там оказались? — спросила я, когда пауза затянулась.

— Я всю эту неделю вел наблюдение за прицепом.

— Боже мой... — выдохнула я.

Мое вдохновение оказалось бесполезным — Клод еще до меня все просчитал в уме.

— Нет, я считал, что Пардона убил кто-то другой, не Т. Л. Я решил, что Йорки просто хотят скрыть от всех, что труп прятали в их вагончике, но не думал, что они сами его туда и затащили.

— Шторы, — пробормотала я.

— Что-что? Какие шторы?

В этот момент появился доктор и велел Клоду уйти за ширму. Это был дежурный врач приемного покоя. Он только что отправил Т. Л. в операционную. Увидев мои шрамы, доктор удивленно приподнял брови, но мне было уже плевать на все.

— Снимки готовы, — сообщил он.

— Н-ну?

— Переломов нет, — объявил врач таким тоном, словно сам отказывался в это верить. — Зато есть сильные мышечные растяжения и обширные гематомы. Впрочем, скажу прямо. Вы девушка тренированная. Несмотря на полученные травмы, ваш организм в полном порядке. Вам предосторожности ради следовало бы остаться в больнице на денек или два. Что скажете?

Он изучал меня сквозь стекла очков, в которых отражались слепящие больничные лампы. Его длинные волосы были убраны в аккуратный хвост, перехваченный резинкой на затылке.

— Домой, — твердо сказала я.

— Там есть кому о вас позаботиться?

— Я, — подал голос Клод из-за ширмы.

Я открыла рот, чтобы возразить, но врач опередил меня:

— Что ж, если вам помогут, то... Но имейте в виду, что в первые несколько дней вы даже до туалета самостоятельно дойти не сможете.

Я в смятении уставилась на доктора, а тот, заправляя ручку за ухо, заметил:

— У вас на теле почти зажившие ссадины. Вы, видно, любите лезть на рожон.

Клод за ширмой насмешливо фыркнул.

В больнице мне дали пару болеутоляющих пилюль, а потом Кэрри принесла добавку. Клод оказался удивительно хорошей сиделкой и, несмотря на огромные ручки, обращался со мной очень деликатно. О шрамах он знал из полицейского рапорта, полученного из Мемфиса. Это было весьма кстати, потому что мне все равно не удалось бы скрыть их от человека, делавшего гигиенические обтирания. Он также помогал мне дотащиться до туалета и менял на постели простыни.

Еда, замороженная накануне, тоже очень пригодилась, потому что у меня пока не хватало сил долго стоять у плиты. Оставаясь одна, я потихоньку ковыляла на кухню и разогревала себе порцию.

Пару раз Клод приносил готовые ужины, которые мы делили с ним. В первый раз в спальне — он поставил поднос с едой мне на постель, — а во второй я уже смогла сидеть за столом, хотя трапеза меня сильно утомила.

Опухоли на теле понемногу спали, поменяв множество оттенков — от сине-черных к желтушно-зеленым. Тогда мы и вернулись к теме Йорков.

— Почему ты решил установить наблюдение? — спросила я Клода.

Мне было очень хорошо. Я только что приняла болеутоляющее, недавно меня помыли и

сменили простыни на свежайшие. Я впервые смогла самостоятельно расчесаться, спокойно лежала в постели, положив руки вдоль тела, чувствовала легкую сонливость и расслабленность. Вся неделя прошла просто прекрасно, несмотря ни на что.

— Я несколько раз перепроверил показания каждого свидетеля, затем составил точный хронометраж и список алиби. Ни дать ни взять специальный корреспондент, — пояснил Фридрих.

Он сидел в кресле, которое перетащил в спальню из гостиной, удобно вытянув перед собой ноги и скрестив пальцы на животе.

— Маркус очень долго был главным подозреваемым, — продолжал Клод. — Но он не мог уйти с работы незамеченным. Слишком много свидетелей. Дидра — то же самое. Она отлучилась из своей конторы всего на полчаса, а когда тело вывозили в парк, уходила на свидание. Как только ты назвала мне точное время, когда это происходило, я сразу ее исключил. — Тут он посмотрел на меня с мягким упреком. — Мэри Хофстеттлер слишком старая и немощная. Оставались Норвел и Том О'Хаген. Но в момент убийства Пардона Том был на работе, а Дженни помогала украшать зал в загородном клубе к весеннему балу. Там полно свидетелей. Она никак не могла совершить убийство. Тебя я тоже освободил от подозрений — по крайней мере, через несколько дней.

— Почему? — Снотворное уже начало действовать, и я лишь отчасти заинтересовалась причиной.

— Наверное, потому, что единственным побудительным мотивом для тебя было бы разглашение тайны того происшествия в Мемфисе. Но я проморгал ее, а ты даже не попыталась со мной расправиться.

— Значит, оставался только Норвел, — лениво подытожила я.

— При условии, что Йорки не приехали домой раньше.

— Я бы склонилась в сторону Норвела.

— Я долго колебался. С одной стороны, для Норвела такая выходка слишком нахальна. С другой — этот пьяный тип именно так себя и ведет: мечется от одного убежища к другому. Тащит труп Пардона то туда, то обратно... По ходу дела мы заглянули во все квартиры в нашем здании.

Я предпочла воздержаться от вопросов.

— Нигде не осталось никаких следов. У Пардона рот был разбит в кровь. Волос преступника на трупе не обнаружили, лишь несколько хлопчатобумажных ниток, пестротканых — темно-красных, оранжевых и синих.

— Шторы Элвы, — пробормотала я.

— Я ничего не знал про них, — буркнул Клод. — Но ни в одной квартире не увидел подходящей по цвету ткани.

Я вспомнила, как он расхаживал по моему дому в свое первое посещение — явно высматривал что-то особенное.

— Мы обшарили парковочные стоянки у дома, пытаюсь найти место, подходящее для сокрытия трупа. Увы, безуспешно! В тот день я заметил, как ты там что-то искала, и заинтересовался твоими замыслами.

— Откуда ты увидел меня?

— Из квартиры Пардона. Я дежурил в ней днями и каждую ночь, наблюдал, как люди ходят туда-сюда по своим сиюминутным делам, и пытался уразуметь, где же кроется разгадка.

Меня все больше одолевала дремота.

— Когда был обнаружен труп Пардона, мы обыскали все мусорные ящики.

Я украдкой улыбнулась.

— Мы заглянули в квартиры ко всем жильцам дома и пару дней следили за перемещениями каждого из них, а потом — только за Норвелом и Йорками.

— За Норвелом не очень тщательно.

— Черт побери, Лили, если он выходит на прогулку, откуда нам знать, что он засунул себе в карман лыжную маску?! А ручку от метлы он, вероятно, прислонил к забору заранее, еще днем. Лично я не видел, чтобы он с ней расхаживал.

— Вот почему ты прибежал тогда так скоро. Ты, значит, не спал... А рубашку нарочно снял?

— Ага, — смущенно признался Клод. — Я подумал, так будет больше похоже на то, что меня разбудил твой крик.

— В общем, ты стал следить за Норвелом и Йорками...

— Я тоже насторожился, когда Дидра обмолвилась о прицепе. Но она могла что-нибудь перепутать, потому как выезжает со стоянки каждый божий день. Тем не менее она настаивала, а я не мог дальше наседавать на нее. Ведь она не понимала, к чему я веду. Я обдумывал разные возможности и все больше склонялся к мысли о преждевременном приезде Йорков. Я связался с судом округа Крик — время окончания процесса над Харли Доном Мюрреллом вполне позволяло Йоркам приехать домой еще днем. Я на всякий случай позвонил их дочери — так, будто между прочим, — и она сказала, что они в тот день уехали в час дня, сразу после обеда. Дескать, были слишком удручены, чтобы остаться погостить. Элва и Т. Л. заявили мне тогда, что заезжали на блошинный рынок в Хиллсайде, чтобы немного размять ноги, но если они солгали, то добрались до дома прежде трех часов.

— Так оно и было, — подтвердила я. — Элва полила цветок в кухне. Когда я зашла к ним в три, земля в горшке была влажная, а занавески в спальне открыты. Эти два дела она сделала перво-наперво, когда приехала домой. В гостиной на окнах были сняты шторы. В тот день я не обратила на это внимания, зато в среду заметила. Я тогда решила, что Элва затеяла весеннюю уборку, но на самом деле Т. Л. заворачивал в них труп.

До всего этого я додумалась самостоятельно. Клод патетически воздел над головой руки-грабли, а затем, приняв прежнее расслабленное положение, сообщил:

— Сегодня Элва рассказала мне, что, вернувшись в тот день домой, она отнесла в квартиру чемодан, а мужу предоставила разбирать остальной багаж, сразу полила цветок и отдернула занавески. — Он приподнял над головой воображаемую шляпу. — В коридоре она услышала голоса. Обе двери, их и Пардона, были распахнуты: Т. Л. заглянул к домовладельцу, чтобы заплатить за квартиру. Пардон уже знал о суде и о вынесенном вердикте от своего приятеля, живущего в округе Крик. Вместо того чтобы посочувствовать Йоркам, на плечи которых обрушилась такая трагедия, он предпочел повторить им то, что высказала на процессе жена Мюррелла об их внучке. Вот этого Т. Л., переживавший, наверное, худший в своей жизни день, как раз и не смог стерпеть. У них началась перебранка, и Т. Л. дал Пардону зуботычину. Тот попятился и натолкнулся на диван в прихожей. Т. Л., раззадоренный словно цепной пес, кинулся следом, намереваясь наподдать соседу еще раз по челюсти, но Пардон, поскользнувшись, повернулся к нему боком, и Т. Л. припечатал его по шее. Он вложил в удар всю свою ярость и раздробил Пардону горло.

— Потом они спрятали его в вагончике, — заключила я.

— Да. Т. Л. вбежал к себе в квартиру, не замечая Элвы. Ни слова не говоря, он содрал с окон занавески и тут же бросился в квартиру к Пардону. Элва поспешила за ним. Вдвоем они завернули труп в шторы, погрузили в прицеп — тогда-то и выпали ключи из кармана — и принялись колесить с ним по округе. Оба паниковали, просто обезумели и не знали, что предпринять. Йорки никогда не преступали закон. Они хотели оставить тело в каком-нибудь тупичке, чтобы создалось впечатление, будто домовладельца убил не кто-то из жильцов, а посторонний человек, но потом поняли, что нужно обеспечить себе алиби. Их раннего приезда никто не видел, поэтому если Пардона обнаружат неподалеку от дома, то задумка сработает. Пока они разъезжали вместе с трупом, к Пардону пришел Том и принес чек. Дверь была открыта, хозяин отсутствовал... Затем Йорки вернулись, остановились у черного хода, выгрузили тело и снова перенесли его в квартиру Пардона.

— Как же они упустили момент, когда в дверь постучалась Дидра? — удивилась я.

— Элве сделалось дурно, — пояснил Клод, разглядывая руки. — Она побежала к себе в ванную, за ней и Т. Л. Пока Элва боролась с тошнотой, Дидра успела уехать на работу. Йорки так и не узнали, что она видела их прицеп, — к счастью для нее. Элве полегчало, и они были таковы. Даже не подумали выбросить шторы, в которые был завернут труп, не учли, что нитки из разодранного кармана Пардона должны были остаться в их вагончике, забыли и о жильцах, которые приходили в тот день платить за жилье и не заставляли хозяина дома. Дверь в его квартиру им закрыть не удалось, потому что надо было вечером снова туда попасть, а ключи они потеряли... Судя по всему, под воздействием шока Йорки продолжали кататься где придется и вернулись домой, как и планировали, около семи или восьми вечера. Разобравшись с багажом, они, разумеется, потолковали меж собой и решили, что Пардона логично оставить где-нибудь неподалеку от дома — там, где он, в принципе, мог прогуливаться и встретиться с грабителем. Дендрарий годился лучше всего — единственное благоразумное их решение. Т. Л. вспомнил о твоей тележке. Он не раз видел ее на тропинке в дни сбора мусора и втайне желал иметь такую же. Йорк выждал до самого глухого часа ночи, справедливо рассудив, что в это время все жители Шекспира крепко спят, но самую малость просчитался.

— А когда ты понял, что убил не Норвел?

— Когда увидел, как Т. Л. бросился на тебя из вагончика. — Клод лукаво улыбнулся. — Сначала я думал, что это Норвел прятал тело в прицепе Йорков, которые чувствуют за собой вину за сокрытие этого факта. Я до конца отказывался верить, что они преступники.

— А я знала, что это Йорки, — спокойно заявила я. — Из-за штор.

— Так просто взяла и вычислила?

— Раз у Элвы исчезли с окон шторы, значит, для этого имелась причина. Между прочим, только Т. Л. было под силу сорвать их с крючков. Если бы Элва знала заранее, что он затевает, то подсуетилась бы и всучила бы ему хотя бы простыню или скатерть — их пропажи я не заметила бы. Но мне бросились в глаза их голые окна, — сонно мямлила я. — Еще то, что кто-то полил цветок.

— Но, Лили, зачем ты сунулась в их вагончик?

— Мне нужно было его осмотреть, — пояснила я, чувствуя, что глаза сами собой закрываются, с усилием разомкнула веки и продолжила не совсем внятно: — Кстати, почему ты не знал, что Т. Л. был в вагончике?

— Знал, — ответил Клод, искусно маскируя раздражение. — Я ждал, пока он выйдет наружу вместе с уликами. В вагончике он уничтожить их не мог — ему пришлось бы отнести

их к себе. А ордер на обыск автоприцепа мне получить не удалось — слишком мало было доказательств.

— Хорошо. Я отключаюсь...

— Еще один вопрос.

— Мм?..

— А как же быть с наручниками на ступеньках у Дринкуотеров? К чему этадохлая крыса?

— Это проделки Теи. Я почти не сомневалась в этом с тех самых пор, как Маршалл поведал мне об ее тайной жизни, а окончательно уверилась, когда пришла к выводу, что ты пригрозил снести голову тому сослуживцу, который рискнет болтать о моем прошлом. Но Том Дэвид к тому времени уже успел все выложить своей ненаглядной милашке. Он, правда, запретил ей трепаться об этом, но она уже знала и решила хорошенько меня помучить. Как только я отгадала ее замысел, то совершенно перестала беспокоиться по этому поводу. Со старушкой Теей я как-нибудь управлюсь. — Я заговорщицки покосилась на Клода.

— Тайная жизнь? — с надеждой переспросил он. — У Теи Седака такая имеется?

— Как-нибудь потом расскажу, — пообещала я.

— Лили, я слышал, будто Маршалл завтра возвращается, — спохватился Клод, когда я уже погружалась в объятия сна. — Что ты теперь будешь делать?

— Спать, — пробормотала я и тут же выполнила свое намерение.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Прямой удар ногой. *(Здесь и далее прим. перев.)*

Сеть однотипных универсальных магазинов, где продаются товары по ценам ниже средних.

Сеть универсальных магазинов одноименной корпорации, продающих товары по сниженным ценам.

Компания, владеющая несколькими сетями супермаркетов, продовольственных и ювелирных магазинов.

«Гласс-плас» — популярное моющее средства для очистки стекла и других поверхностей.

Национальная стипендия за заслуги — наиболее значительная по общему объему выделяемых средств частная стипендия для студентов колледжей.

Средний балл — характеристика успеваемости учащихся, определяемая путем деления суммы оценочных баллов на количество затраченных зачетных часов. Обычно буквенное обозначение оценки соответствует определенному числу баллов, например «А» равен 4 баллам, «В» — 3, «С» — 2. При двух оценках «А» и одной «В» средний балл учащегося равен $(4 + 4 + 3) : 3 = 3,7$. Учитывается при приеме в университет или колледж.

Эта традиция на Западе (baby shower — «душ для младенца») не совпадает с российским обычаем. Вечеринку устраивают за три-четыре недели до рождения ребенка с вручением подарков будущим родителям.

Член неофициально созданной организации по борьбе с преступностью несанкционированными методами.

«Тит Андроник» (полное название «Печальнейшая римская трагедия о Тите Андронике») — предположительно, ранняя трагедия Шекспира, самое «кровавое» среди его произведений. Авторство этой пьесы, главный герой которой — вымышленный римский военачальник, до сих пор оспаривается.

«Кэнди ленд» — настольная игра для малышей с кубиком и фишками.

«Барни и его друзья» — американский мультсериал о приключениях динозаврика.

Канкун — курортный городок в Мексике, на северо-восточном побережье полуострова Юкатан.

«Бьюик скайларк» — двухдверный автомобиль с открытым верхом.

Тонизирующий газированный напиток со вкусом вишни.

Федеральная программа льготного медицинского страхования для лиц старше 65 лет и инвалидов, учрежденная Конгрессом в 1965 г.

Программа медицинской помощи неимущим, осуществляемая на уровне штатов при финансовой поддержке федеральных властей.

Главный герой поэмы С. Кольриджа «Сказание о Старом Мореходе» в наказание за тяжкий проступок должен постоянно вести рассказ о своем злодеянии.

Еженедельный журнал в виде брошюры объемом 100–150 страниц с программами передач на неделю по всем каналам коммерческого, кабельного, общественного и независимого телевидения. Публикует обзорные статьи по вопросам телевидения и культуры, внутренней и международной жизни, новости мира ТВ, письма читателей, рекламу и пр.

Еженедельный иллюстрированный журнал, крупнейшее и самое популярное спортивное издание страны. Выходит в Нью-Йорке.